



МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ  
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ  
ЖУРНАЛ  
ЗАБАЙКАЛЬЯ

2011, №1

Учредители:

Колмынин В.И.  
Тиваненко А.В.

Редакционная  
коллегия:

Колмынин В.И.  
(издатель)  
Тиваненко А.В.  
(гл. редактор)  
Попова Е.А.  
(отв. секретарь)  
Худайбердыев А.Р.  
Харитонов В.А.  
Кислов Е.В.  
Козлов В.Ф.  
Хамаганова Р.И.  
Базарова Д.В.  
Мирсанова Т.Ю.  
(представитель в Чите)

Адрес редакции:

670013, Республика  
Бурятия  
г. Улан-Удэ, ул.  
Ключевская, д.4 «д»  
факс 8(3012) 41-65-04  
тел. 8(3012) 41-65-06  
электронный адрес:  
[baikalreg@accr.ru](mailto:baikalreg@accr.ru)

Отпечатано  
в типографии  
Бизнес-центр «Весть»  
(ИП Худайбердыев А.Р.),  
ул. Ленина, 24  
Тираж 500 экз.  
Цена свободная

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА:

Слово к читателям.

**Краеведческие новости**

**Страна Даурия**

Тиваненко А. У истоков познания «Даурской земли»

Цыбенков Б. Дауры: краткая историко-этнографическая справка

**По страницам старинных изданий**

Спафарий Н. Описание Байкальского моря кругом от устья реки Ангары, которая течет из Байкала, и опять до устья той же реки Ангары.

Браун Дж. Байкал. Сибирские племена.  
Жизнь местных бурят. Шаманизм в Сибири.

Паршин В. Поездка в Забайкальский край.  
1. Описание Байкала и переезда через него.

**Духовное наследие**

Колмынин В. История евангельского движения в Сибири (первая половина XX столетия)

Махачкеев А. Сенсационная находка: в Санкт-Петербурге обнаружены подарки Хомбо-ламы Итигэлова императору Николаю II.

**Исследования и материалы**

Тиваненко А. Древняя земля Баргуджин-Токум

Голубев Е. Верхнеудинск глазами путешественников

Харитонов В. Приключения Верхнеудинского учителя

Дарьенко Л. Электронная библиотека «БУРЯТИКА» (краеведение)

**Новые книги по краеведению**

Сведения об авторах

Вклейки черно-белых фотографий:  
«Старый Верхнеудинск» (нач. XX в.)

Старинные карты Забайкалья:  
Ремезов С.У. «Чертеж земли Иркутского города»,  
Чертеж земли «Нерчинского города» и «Хорографическая книга Сибири» (1695-1701гг)

## СЛОВО К ЧИТАТЕЛЯМ

Сегодня исполняется давняя мечта краеведов Забайкалья о создании журнала по истории и природным достопримечательностям родного края. Попытки осуществления желания предпринимались не менее ста лет тому назад. «Труды ТКОИРГО» (Троицко-Кяхтинского отделения императорского Русского географического общества), сборники статей Бурятского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР и БФ Географического общества СССР «Краеведение Бурятии», более ранние журналы «Бурятиеведение» Бурятского ученого комитета БМАССР, материалы музеев все же носили характер научных трудов узкого круга специалистов. Свои конфессиональные особенности имел журнал «Троицкое слово» Бурятского благочиния Читинской и Забайкальской Епархии РПЦ. Более приближаются к массовым краеведческим изданиям «Календари знаменательных и памятных дат», выпускаемые и поныне Читинской Областной им. А.С. Пушкина и Бурятской национальной им. И.К. Калашникова библиотеками, но и они имеют свою ведомственную специфику и поэтому малотиражные. То же можно сказать и о начавшемся выпуске с июля 2009 г. Национальной библиотекой РБ научно-практического журнала «Библио-панорама».

На рубеже XIX-XX столетий в Кяхте усилиями сотрудника краеведческого музея П.С. Михно создавались рукописные журналы «Следопыт» и затем «Кяхтинский краевед», но они не получили продолжения из-за социального потрясения, вызванного революцией и гражданской войной. Журналы заменила периодическая печать, но статьи краеведческого характера носили в газетах эпизодические явления. Попытки наладить постоянный выпуск тематических полос и рубрик (напр. в «Правде Бурятии» это «История рядом с нами», а в журнале «Байкал» «Страница краеведа») также не получили продолжение. Новым словом в краеведении стало создание собственной издательской базы в районах республики, выпускающей брошюры, сборники, буклеты о родном крае, но журнала, объединяющего активную краеведческую работу под единым логотипом, по-прежнему нет. Появившиеся неплохие литературно-художественные журналы и альманахи носят все же несколько иное направление.

Настоящий журнал учрежден группой краеведов Бурятии по инициативе Епископа Ассоциации Христианских Церквей «Союз Христиан» по Республике Бурятия Виктора Ивановича Колмынина, и кандидата исторических наук, писателя и краеведа, гидронавта-исследователя Байкала Алексея Васильевича Тиваненко. Предлагаемый читателям пробный номер является заявкой на серийное издание, если журнал встретит одобрение в нашем обществе и будет поддержан правительственными

структурами Республики Бурятия. Сейчас мы подбираем авторский актив из числа краеведов, формируем портфель редакции из поступающих материалов, создаем иллюстративную базу, работаем над рубрикой журнальных номеров. Мы не исключаем, что рубрики поначалу не будут иметь постоянный характер, как и состав редакционной коллегии. Для того, чтобы это сформировалось, нужно время. В конечном итоге мы предполагаем, что вокруг журнала соберутся лучшие краеведческие силы республики. Основные рубрики также определены: это краеведческие новости, по страницам старинных изданий, духовное наследие, исследования и материалы краеведов, библиография новых изданий. Полагаем, что в будущем следует выделить и также новые рубрики, как «Байкал», «Календарь знаменательных и памятных дат», «В братской семье единой», «Природные и историко-культурные достопримечательности».

К сотрудничеству приглашаем также рекламодателей, работающих на ниве краеведения-туристские и гостиничные фирмы, библиотеки, министерства культуры и образования, творческие союзы и других, кто нуждается в информационной поддержке их деятельности.

В плане на будущее мы предполагаем сотрудничество с краеведами соседних регионов, когда-то входивших в «страну Баргуджин-Токум»: Иркутской области, Забайкальского края, Республики Саха, Монголии.

Что касается логотипа нашего журнала «Баргуджин-Токум», то он после долгих раздумий выбран по следующим критериям:

1. В XVI-XVII-XVIII и даже в первой половине XIX столетия земля к востоку от Байкала и до Амура именовалась «Даурией», подразделялась на «Селенгинскую Даурию», «Нерчинскую Даурию» (или «Русскую Даурию»), тогда как к югу от Амура и до Хинганских гор это была «Китайская Даурия».

2. В эпоху Великой Монгольской империи Чингисхана земли вокруг Байкала и до Яблоневого хребта значились как «Боргуджин-Токум», в которой проживали баргуты, хори-буряты, меркиты, ойраты (совр. калмыки), хори-туматы, тунгусы, якуты, осколки курыканских племен и частично монголы. Часть из них имела признаки государственности, отчего долго оспаривала с монголами право на политическое господство в Центральной Азии.

Поскольку термин «Даурия» сегодня ассоциируется с Приамурьем, а в Чите даже выпускается журнал с таким названием, мы решили остановиться на более древнем наименовании Забайкальского региона—«Баргуджин-Токум», все еще вызывающем теплые ностальгические чувства у аборигенных народов как исконной этнической прародины.

Правда, для русских пришельцев XVII века он мало что значит, но мы думаем, что в ходе регулярных выпусков нашего журнала этот логотип приживется и у них.

Портфель редакции журнала «Баргуджин-Токум» будет формироваться как из работ современных краеведов, так и фрагментами уже забытых раритетных изданий предшественников за три минувших столетия. В старинных публикациях было немало интересного и достойного использованию в современной жизни. Это позволит расширить кругозор нынешнего и будущего поколений о родном крае, даст ответы на многие вопросы совре-

менного краеведения, позволит увидеть тиражируемые ошибки в интерпретации исторических фактов. И конечно же мы будем уделять много внимания жизни и делам наших предков, достойных памяти потомков. Все это, вместе взятое, поднимает на новый уровень неотложную задачу формирования у людей любви к своему краю, то, что называется патриотизмом.

Итак, читайте, думайте, размышляйте, пишите. Мы найдем возможность дать его страницы каждому, кто любит свой край. До встречи, друзья!

**Редакционная коллегия**

**КРАЕВЕДЧЕСКИЕ НОВОСТИ****Сибирская библиотека**

Среди книг, представленных на XV юбилейном книжном салоне 1-3 декабря в Национальной библиотеке РБ, внимание посетителей привлекли раритетные издания краеведческого характера, выпущенные факсимильным способом издательством «Альфаре» (г. Санкт-Петербург). Как пояснила редакции нашего журнала главный редактор издательства кандидат филологических наук Н.А. Паршукова, это небольшая часть того, что выпускается в свет по программе «Сибирская библиотека». В Бурятию привезли те старинные книги, которые касаются нашего региона и никогда не переиздавались. Среди их книги Н. Пржевальского «От Кяхты на истоке Желтой реки, исследования северной окраины Тибета и путь через Лоб-Нор по бассейну Тарима» (1888г., Е. Фишера «История Сибири», И. Булычова «Путешествие по Восточной Сибири» и другие.

**Памятная медаль**

К 350-летию добровольного вхождения Бурятии в состав Российского государства выпущено 1,5 тысячи памятных юбилейных медалей, которой будут награждаться наиболее достойные люди, внесшие большой вклад в пропаганду исторического прошлого края, в укрепление дружбы между народами республики, в экономическое и культурное развитие региона. На лицевой стороне медали изображена рельефная объемная скульптура «Гостеприимная Бурятия» на основании, оформленном в виде волн Байкала. Слева от нее дата 1661, слева – 2011, ниже – девиз «Вместе сквозь время», сверху – справа надпись «Россия-Бурятия, снизу 350 лет» и национальный

орнамент, на обратной стороне – ключевая надпись «350 лет добровольного вхождения Бурятии в состав России».

Медаль при помощи ушка и кольца соединена с пятиугольной колодкой, обтянутой шелковой муаровой лентой в цветах государственного флага Республики Бурятия.

**Неизвестные памятники**

Поисковая группа краеведов нашего журнала обнаружила неизвестные доселе исторические места, связанные с процессом вхождения Бурятии в состав Российского государства, которые, к сожалению, в связи с их неизученностью, не могут быть включены в перечень юбилейных мероприятий лета 2011 года.

а) Ставка главного забайкальского хана – Турухай – Табунана, зятя монгольского Цецен-Хана Шолоя (Чингисиды по происхождению), где принималось решение о направлении в Москву бурят-монгольского посольства с совместным письмом – просьбой о принятии их народов в состав Российского государства. Сюда же 1650 году прибыло и ответное посольство с царской грамотой об удовлетворении просьбы заявителей. Во время археологической разведки поисковая группа выявила следы больших юрт в компактном расположении друг к другу, что свидетельствует о их ограждении общим забором. Таковой являлась и ханская ставка Цецен-Хана Шолоя. При подъемных сборах найдены старинные предметы «бурятской» культуры, в том числе детали украшений женской одежды, обломки железных изделий, раковина – «каури», а в развалах очагов – кости домашних животных. Ставка Турухай-Табунана находилась на

защищенном от северных ветров склоне горы, близ большого (ныне почти высохшего) степного озера долины реки Чикой близ Новодесятниково. На другом берегу озера располагался целый юрточный городок податного населения. До сих пор существующее географическое название впадающей в озеро речки означает «город, городище» - Хэрэм, как память о значительной по масштабам того времени селитьбе. Ставка Турухай-Табунана важна и для бурят-буддистов: известно, что с дочерью Цецен-Хана Шолоя в Бурятию прибыл и первый буддийский войлочный дуган, означающий момент первого проникновения в наш край мировой религии буддистов.

б) Места двух сражений с монголами войск Полномочного посла в Забайкалье Ф.А. Головина под Удинским острогом (январь и март 1688 года). Одно на горе, где посланные на помощь осажденным в Селенгинске российские стрельцы отбивались от вооруженных монголов два дня, понесли большие потери, но не пропустили их вниз по Селенге на Иркутск: 17 убитых и 241 раненый, в том числе сам командир полка Ф.И. Скрипицын. На этом месте сохранились большие каменные кладки, вероятно, братские могилы монголов или русских. В одной из них на поверхности найдены кости отрубленной по локоть человеческой руки в анатомическом порядке. Второе место находится на бывшей речной переправе через Селенгу, о котором существует немало исторических преданий старых жителей Верхнеудинска. Н.Н. Булаков в поэме «Город Верхнеудинск». Картины природы и быта (Улан-Удэ, 1996) в начале XX века писал:

Битва здесь монголов  
 С русскими была,  
 И картель визжала,  
 И неслась стрела.  
 Жарки – ль были бои?  
 Кто герои в них?  
 Степь курганы воев  
 Триста лет хранит.  
 И найдет, бывало  
 Пешеход с колом  
 Стрел железно жало  
 Иль меча облом.  
 А вблизи улуса  
 У одной сосны  
 Из песков откоса  
 Выдует ножны.  
 Выдувало сабли,  
 Стрелы да мечи,  
 Копья будто грабли  
 Да пищаль нашли.  
 А была здесь роща  
 Сто одна сосна,  
 Да на почве тощей  
 Изросла она.  
 Лишь сосна осталась  
 Вся в густых ветвях  
 Против бурь держалась  
 Крепко на корнях.  
 Были тут моленья,  
 Клали у камней,  
 Жертвы и прошенья  
 По ветвям у ней...

### **Городские были**

С 26 ноября по 24 декабря 2010 года в Музее города Улан-Удэ демонстрировалась выставка работ Сергея Емельянова «Городские были». В 35 картинах художник отобразил, так сказать, минибиографию столицы Бурятии. Используя такую технику рисования, как графику, автор показал, как выглядел наш город со дня основания по советский период, XVII – XIX столетиях: постройка острожной крепости, первых домов, плавучие мосты, рейсы первых пароходов, строительство железной дороги. Перед зрителями миновало три первых века в авторском видении, с использованием архивных материалов, старых фотографий, и энциклопедические источники. Все это позволило передать реальную

атмосферу минувших столетий, в которой жили наши предки.

### **К 2220-летию империи гуннов**

В 2011 году Монголия отметит 2220-летие образования империи гуннов. Национальный комитет по организации этого исторического события возглавил министр образования Монголии г-н Отгонбаяр.

Празднование этой даты наглядно покажет, как из кочевников монголы первыми создали свое государство, как оно вело равноправные отношения с соседними культурными цивилизациями, что усилит у монголов гордость за свою родину и внесет весомый вклад в дело воспитания патриотизма, считает правительство.

Согласно современным исследованиям, империя гуннов была многонациональным государством, поэтому эту дату стоит праздновать совместно со странами Азии и Европы.

Гунны владели огромными территориями, но колыбель их государства и самые населенные места находятся на территории современной Монголии.

Хунну (гунны) – кочевой народ, сложившийся в Центральной Азии в начале I тыс. до н.э. В конце III века до н.э. хунну, населявшие в то время Центральную Монголию и степное Забайкалье, разбили дун-ху, а затем вторглись в Китай, заставив императора Лю Бана выплачивать дань. В I веке до н.э. среди хунну возникли распри, шаньюй (глава племенного союза) Хуханье признал себя вассалом Китая (51 год до н.э.). Ослабление Китая в начале I века н.э. позволило им вернуть независимость, но уже в 48-м году восемь отколовшихся хуннских родов снова попали под власть Китая. Они положили начало южным хунну. Северные хунну были разбиты в 87-93 годах каолицией китайцев, сяньби и

динлинов.

Селенгинская Даурия входила органической частью в государство хуннов: она считалась «резервной» территорией, куда спасались бегством при вторжениях китайских войск хуннские племена, для чего они построили и охраняли мост через р.Селенгу. Здесь также найдены десятки родовых могильников, в том числе княжеских, оседлые поселения, укрепленные крепости. Иволгинское городище являлось большим форпостом на северной границе хуннского государства. Однако научная общественность Бурятии не внесла в Национальный комитет Монголии и в Правительство РБ своих предложений об участии нашего региона в юбилейном праздновании 2220-летия со времени образования первого кочевого государства в степях Центральной Азии и Забайкалья.

### **Юбилейная сессия**

9 декабря 2010 г. состоялась юбилейная сессия городского Совета депутатов. А 10 декабря в Русском драматическом театре состоялось празднование двойного юбилея городского представительного органа. Этот день выбран между датой 135-летия со дня создания Верхнеудинской думы – 9 ноября и датой 15-летия образования собственно горсовета – 17 декабря.

9 ноября 2010 г. исполнилось 135 лет с момента избрания Верхнеудинской думы. 9 ноября 1875 года состоялось первое заседание гласных Верхнеудинской думы. Сохранился протокол этого исторического заседания, в котором записано: «...после божественной литургии и приведения к присяге городского головы, членов и секретаря в здании городской думы и распорядительной управы принесено Господу Богу молебное служение и затем открыты Верхнеудинская дума и распорядительная управа...».

Протокол подписали гласные Иоакимф Фролов, Александр Лосев, Алексей Красиков, секретарь А. Попов.

По информации краеведа Виктора Харитонов, тогда было выбрано 36 гласных Думы, а затем из их числа – городской голова. Гласные избрали городским головой Верхнеудинска купца 1-й гильдии Иоакимфа Петровича Фролова. Жителей города с правом голоса тогда было всего 495 (и это из более чем 5 тыс. горожан).

Но из этого числа, имеющих право голоса, проголосовало лишь 76 человек. С 1875 года избирались городская Дума и городской голова. Соответственно, с этого времени и ведется отчет истории городского представительного органа.

В 1995 году вышел Закон РФ «Об общих принципах организации органов местного самоуправления в Российской Федерации». С этого момента деятельность городских советов возобновилась, и состоялись выборы первого созыва.

### **135-летию Верхнеудинской думы**

7 декабря в музее истории города УланУдэ открылась выставка, посвященная 135-летию Верхнеудинской городской думы и 15-летию Улан-Удэнского городского совета депутатов. Выставка охватывает всю историю представительного органа столицы Бурятии, в том числе за советский период. Выставка проходила в стенах бывшего дома купца Голдобина, который был одним из самых известных гласных Верхнеудинской думы. За заслуги перед городом ему было присвоено звание почетного гражданина Верхнеудинска.

### **Хасан из Мистры**

Не так давно нашу республику посетил турецкий путешественник, обещавший по возвращении

на родину непременно рассказать о Бурятии своим землякам. Вряд ли уважаемый турист знал о том, что еще в начале XVIII века в Забайкалье оказался удивительный человек, чье имя равно связано с Турцией, Италией, Сербией и Россией. Звали этого человека Иван Крушала.

Мало что знают о нем и наши краеведы и историки, а ведь именно Иван Крушала оставил первые в Европе стихи, где упомянуто Забайкалье. И уж тем более мало кто знает удивительную биографию этого человека, которая фантастичнее иного авантюрного романа. Впрочем эта эпоха рождала именно таких людей, а Россия становилась для них второй родиной. В 1687 году, во время венецианско-турецкой войны, был взят в плен сын турецкого чиновника из Мистры юный Хасан, которому тогда было 10-12 лет. «Вместе с другими детьми и трофеями» он был доставлен в городок Пераст. Так произошло его первое путешествие на венецианском корабле. Здесь его усыновили и крестили капитан Матвей Крушала — так Хасан стал Иваном.

Новообращенный Иван Крушала сначала учился в Риме, затем на богословском факультете Падуанского университета. Стал священником в Персте в 1709 году. И здесь из-под пера молодого священника вышла поэма на сербском языке об обороне Пераста от турок 1654 году. Став автором еще нескольких произведений на сербском языке, Крушала внес выдающийся вклад в сербскую литературу, явившись одним из зачинателей сербской героической поэзии.

В 1717 году Крушала уже в Риме, где преподает молодым русским дворянам, посланным на учебу Петром I. Преподаватель из него, видимо,

был неплохой, так как осенью того же года аббат Крушала уже в Петербурге, где зачислен в коллегию иностранных дел на должность первого русского историографа.

А в 1725 году Крушала назначен переводчиком латинского языка в посольство Саввы Рагузинского, направляющегося в Китай.

Иван Крушала честно исполнял свои обязанности, вернулся в Петербург, а в 1730 году вернулся в Италию, где «пожалован кавалером святого Константиновского ордена св. Георгия», одного из старейших европейских орденов.

Сибирское наследие Крушала невелико, плохо сохранилось. Осталась карта с маршрутом его путешествия и сонет «Путешествие ператского аббата, кавалера Крушалы из имперского города Санкт-Петербурга через Велико-русскую империю в Китай».

Сонет в переводе А.Е. Щедрецова опубликован Л.Г.Климовым.

Простим автору некоторую долю поэтического вымысла, оставив часть на совести переводчика (все же сонет форма строгая и сложная). Но это первые европейские стихи, где идет речь о Забайкалье: «Даурия и Монгол», причем написанные человеком неординарным. Вспомнил ли он о своей первой родине — Турции? Именно в Селенгинске вполне мог — Савва Рагузинский и «примкнувший» к экспедиции Абрам Ганнибал в Турции жили и турецкий знали, хотя бы разговорный.

Умер поэт, путешественник, дипломат, педагог и священник Иван Крушала в 28 декабря 1735 года., т.е. 275 лет назад, оставив свой след в истории Италии, Сербии и России. А нам не грех вспомнить, что имя его связано с Бурятией.

**(В.А. Харитонов)**

### Памятные даты Селенги

Селенгинский район является местом, богатым на юбилейные исторические даты. В 2010 году общественность Новоселенгинска отметила 345-летие со дня основания Селенгинского острога и своего поселка соответственно. По инициативе уроженца здешних мест, работавшего директором «Бурятмелиорации», Н.Я. Кондакова, в Старом городе близ руин Спасского собора установлен памятный знак. В связи с юбилеем 350-летия вхождения Бурятии к России торжества пройдут в с. Ноехон, где в 1726 году Российский полномочный посол граф С.А. Владиславич-Рагузинский собрал совет бурятских родоначальников для объявления царского указа о начале своей дипломатической миссии. В 2011 году район ждет еще один знаменательный праздник — 270-летие Тамчинского дацана. Этот храм, сохранившийся до наших дней на станции Гусиное озеро, является не только выдающимся архитектурным памятником. С 1809 по 1938 годы он являлся официальной резиденцией главы буддийского духовенства России, центром притяжения не только буддистов, но и для просвещенных людей страны и зарубежья.

### 20-летие Сагаалгана

В этом году исполнилось 20 лет с момента признания бурятского Сагаалгана всенародным государственным праздником Нового года по восточному лунному календарю. Постановление об этом был принято 17 января 1991 года Председателем Верховного Совета Бурятской АССР.

Сагаан хараар! Сагаалганаар!

### Вместе сквозь время

С 1 по 3 июля 2011 года в Республике Бурятия пройдет празднование 350-летия добровольного вхождения региона в состав Российского государства.

К этой дате приурочены десятки масштабных культурно-массовых мероприятий. Так, готовится к выпуску трехтомник «История Бурятии», полнометражные научно-популярные и документальные фильмы «Бурятия — территория мира и согласия», «История освоения Забайкалья», «Улан-Удэ — столица Республики Бурятия», серия юбилейных книг ученых и краеведов, а так же переизданий сочинений Д. Банзарова, Г. Цыбикова, М. Хангалова и других. Кроме того, состоится Международная научно-практическая конференция добровольного вхождения Бурятии в состав Российского государства, Международный фестиваль «Встреча старообрядцев мира», Международные конкурсы красоты «Мисс Центральная Азия», вокалистов «Золотой голос Байкала», мероприятие «Великий чайный путь», встречи землячеств и другие.

Национальная библиотека Республики Бурятия примет участие в организации Байкальского информационного форума, XVI Межрегионального книжного салона, этнофестиваля национальных культур «Созвездие сердец на земле Гэсэра». Она же выпускает библиографический указатель «История Республики Бурятия», два номера научно-практического журнала «Библиопанорама». В течение года пройдет цикл выставок-просмотров литературы по теме «Единая Бурятия в единой России».

### Юбилейные монеты

Центральный банк России в первом полугодии 2011 года выпускает три монеты, объединенные исторической серией «К 350-летию добровольного вхождения Бурятии в состав Российского государства». Это монета из серебра номиналом 3 рубля, а также 300 коллекционных серебряных монет достоинством в

100 рублей, весом 1000 грамм каждая. Кроме того, выпускается 1 тысяча золотых монет номиналом 50 рублей. Приобрести их можно будет через коммерческие банки России.

### «Малые» краеведческие энциклопедии

На базе районных библиотек Бурятии идет создание книг и буклетов, которые можно назвать «малыми» краеведческими энциклопедиями отдельных уголков республики. Так, к 70-летию Иволгинского района в 2009 году выпущены книги «Щедрая долина Иволги», в основу которой легли летописи сел и улусов района, «Край, легендами овеянный», альбом «Благословенная земля», двухтомник «Сказание о родной стороне» (об истории села Красноярово). В том же году издана «Летопись: Удинск-Верхнеудинск-Улан-Удэ» (составители Е.А. Голубев и Л.В. Гомбоева). В Кабанском районе выпущена энциклопедия «Наследие Земли Кабанской» (составители Н. Дорохова и Н.Мохосоева). В ней информация о более 200 основных природных и историко-культурных достопримечательностях, исторических лицах, событиях и поселениях у Байкала. Кроме того, издан иллюстрированный путеводитель «Край Кабанский у Байкала», «Ворота Забайкалья: путешествие по Кабанскому району». Среди изданий районной библиотеки брошюра «Частушки жителей с.Красный Яр», сборник школьных сочинений «Война в судьбе моих родных», книга «Библиотечные праздники и забавы». Прибайкальская библиотека начала выпускать собственный печатный краеведческий журнал «Прибайкальский краеведческий альманах» (гл. редактор — сотрудник библиотеки, журналист и краевед А.З. Козин). Второй выпуск альманаха посвящен созданию в Бурятии особой эконо-

мической и туристско-рекреационной зоны «Байкальская гавань», которая расположена на территории прибайкальского района. В с. Мыла Закаменского района организован выпуск газеты «Вечернее время», в которой ведется хроника села, рассказывается о знатных людях и интересных, повседневных событиях. В Баунте издана книга «Судьба моя, Баунт», документально-публицистический сборник к 100-летию с. Романовка «На высоких берегах

Витима».

(Р.Б. Ажеева)

### Дорога, длиною в 350 лет

В библиотеке г. Северобайкальска организована обширная и прекрасно подготовленная выставка «Бурятия и Россия: дорога длиною в 350 лет». Состоялся оживленный обмен мнениями среди приехавших на специальный семинар библиотечных работников г. Северобайкальска, поселков Заречный, Нижнеангарск,

Байкальское, Кичеры, Верхней Заимки. В музее истории БАМа открылась выставка, посвященная юбилею города. В других селах трассы Байкало-Амурской железнодорожной магистрали проходит ряд мероприятий, цель которых - углубить и расширить знания земляков о родном крае на севере Байкала, поддержать местные дарования — художников, фотографов, поэтов, музыкантов, актеров.



## У ИСТОКОВ ПОЗНАНИЯ «ДАУРСКОЙ ЗЕМЛИ»

## I

В начале 1620-х годов в Москве объявились необычные гости – почти одновременно два восточных посольства: джунгаров Хара-Хулы и западных монголов Алтын-Хана. Необычность дипломатической ситуации была в том, что прибывшие представляли два враждующих лагеря, готовившихся к войне друг против друга. И каждый надеялся получить помощь Российского государства на условиях политического подчинения «белому царю».

Тем и другим в военной помощи было отказано, но джунгаров и монголов все же приняли в подданство, заверив, что их земли отныне будут оберегаться силой русского оружия. Однако азиатские недруги, как бы уже россияне, общего языка между собою не нашли, и между двумя феодальными ханствами все же разразилась затяжная война, закончившаяся лишь со смертью Хара-Хулы в 1634 году.

Между тем Алтын-Хан не забывал о принятом подданстве и во время неоднократных посольств письмами к царю Михаилу Федоровичу напоминал об обещании Москвы присылать ему за «верную службу» государственных подарков, которые он получал, кстати, ежегодно и в немалом количестве как жалование.

В начале февраля 1637 года Алтын-Хан вновь напомнил русским о «подарках», но одновременно стал просить военную помощь против соседствующих «киргизских орд», грабивших его улусы. За это хан выступил с инициативой отправить своих послов, если на то будет царская воля, в соседние земли и тем самым помочь русским обозреть тамошние города и людей на предмет собирания с них в будущем ясака. Среди знакомых уже русских китайской и тангутской стран впервые была упомянута неведомая до сих пор «Арганская земля»<sup>1</sup>

Русские власти предложение Алтын-Хана взяли на заметку, а царь Михаил Федорович поручил собрать о новых восточных странах более подробные сведения с целью организации туда военно-дипломатических и торговых миссий. И когда 27 октября 1637 года Посольский приказ принимал очередных посланцев Алтын-Хана, им было задан и такой вопрос: «Которые орды и земли за алтыновою землёю еще есть и кто которою землёю и ордою владеет и с Алтын-царем в миру ли?» На это последовал ответ:

за Монголией есть государства «Китайское, Тангуцкое и Норогачинское». За исключением Китая, в них правят князцы и тайши, «а как их зовут, того они не упомнят». Алтын-Хан с «норогачинским» правителем недруги.<sup>2</sup> Впрочем, монголы последнюю землю называли по-разному, из чего явствовало, что они не знали о ней практически ничего: Нороганчинская, Норонгынская, Аргуцкая, Аргунская, Даурская. Но это не повлияло на стойкий интерес России к ещё более восточным странам, куда ещё не ступала нога казаков-землепроходцев. Поэтому, подписывая очередную жалованную грамоту о закреплении Алтын-Хана в подданстве, Михаил Федорович поручил ему отправить обещанную монгольскую экспедицию в «Китайскую, Тангуцкую и Аргуцкую» страны и способствовать переходу их народов под «высокую руку», то есть в Российское подданство»<sup>3</sup>

Такая явная дружба с русскими, считавшими все восточные земли своими «заочными вотчинами», их бесцеремонность в достижении цели (по крайней мере в самом начале XVII столетия), вызывали недовольство даже среди ближайшего окружения Алтын-Хана, которым также перепадало от царских щедрот. Это недовольство усилилось, вероятно, тем обстоятельством, что при каждом ответном русском посольстве казаки все меньше соблюдали дипломатический этикет уважения к ханскому достоинству монгольского правителя. Табунаны Алтын-Хана открыто дерзили в ответ русским: а чем ваш царь больше нашего правителя? Казаки пытались было напомнить об обязанностях данников, но однажды послов попросту прогнали и с государевой грамотой, и с подарками, и даже пригрозили отрубить головы за неуважение к своему правителю. В другой раз у русских отобрали пропитание, и, оставив без пищи и одних среди голой монгольской степи, откочевали в неизвестном направлении. Правда, на четвертый день вернулся посланец Алтын-Хана и повел казаков «в цареву займище» (в ставку).

Алтын-Хан встретил царских послов очень не приветливо, и всякие доводы русских обрывал грубыми репликами. Мол, здесь я хозяин. Дошло до ранее данного обещания Алтын-Хана направить послов в восточные страны на предмет выяснения, где эти земли находятся, кто ими владеет, каковы имена

начальных людей, какая у них вера, что в тех землях растет, чем занимаются жители, чем и с кем торгуют, из каких стран приезжают купцы, по каким дорогам ездят – водным или сухопутным, насколько многолюдно там, как и с кем воюют... Однако Алтын-Хан на эти вопросы категорически отказался отвечать, отговариваясь незнанием: «Про Китайское государство и про Тангуцкую землю я знаю и государю вашему опишу, а про Аргунскую землю не знаю, да и не слыхал».<sup>4</sup>

Справедливости ради надо отметить, что Алтын-Хан действительно кратко описал Михаилу Федоровичу сведения о Китае и о тангутах (Тибет), и в 1638-1639 годах оказал содействие поездки туда посольского сына боярского В. Старкова, сумевшего наладить хорошие дипломатические и торговые связи, а заодно показавшего, что овладеть этими далекими и крепкими восточными странами России еще не под силу.<sup>5</sup> Однако вопрос об «Аргунской земле» все еще оставался открытым, и его пытались решить любыми способами, хотя, как не курьёзно, по этой стране уже ходили российские казаки, сами того не ведая. Правда, кое-кто начал смутно догадываться, что «Аргунская земля» это и есть «Даурская», поскольку по ней действительно протекает река Аргунь, а «Норгончинская» – китайский хребет Торгачинский (Хинган), где заканчивается «Сибирское царство» и начинается собственно Китай. Такие представления и были зафиксированы во всех редакциях «Сибирских летописей».<sup>6</sup>

Когда 30 августа 1652 года в Москву прибыли калмыцкие послы, новый царь Алексей Михайлович поручил Посольскому приказу выпытать у них все, что они знают о Даурии (Аргунии). Дьяки поразили посланцев осведомленностью: мол, мы знаем, что «Даурская земля» лежит, по слухам, где-то вблизи рек Амур и Нон. Знаете ли вы что-либо про страны в этой земле, и о их правителях Шемшекане и Алак Батур-хане? Сколь далеки их кочевья? Близко ли от тех земель до Китайского государства, и в какую сторону – «на восток ли, или на запад, или в ночь?» Какие в Даурии города и чем люди торгуют? Сеют ли хлеб? Есть ли в местных горах серебряные руды?...

Посол Еней Кошючи был озадачен такими вопросами, ибо сам не владел информацией. Тем не менее, он ответил, что о Даурии слышал, но ничего утверждать не может, так как сам в ней не бывал, потому что «Адаурская земля от них далеко, ходу от них году з 2», но однажды ходила их княжна Гунжа «по своей вере в ту сторону молитца». И вот, мол, спутники Гунжи по возвращении домой сказывали, что та земля лежит за Китайским государством к востоку, городов много, живут в них исключительно китайские люди, поскольку Даурская сторона принадлежит Китаю. Родится хлеб или нет, посол не знает, а вот про серебряную руду все

говорили, что таковая есть. Поскольку она вся из серебряной руды, то копают её и сверху, и снизу; поэтому и имя ей – «Серебряная». Про Шемшекана – царя и Алака Батур-хана посол ничего не знает, и даже имен таких не слышал. Но если Российский государь пожелает направить в Китай своих купцов с торговыми делами, то их Гунжа попросила заверить, что окажет всякое содействие кормами, подводками и провожатыми туда и обратно до Тобольска.

Царь Алексей Михайлович ответами калмыцких послов был очень доволен, и даже лично принял Еней Кошючи и имел с ним длительную беседу о делах на востоке. Затем, с почетом отправив посланцев до Тобольска и дав для Гунжи щедрые подарки, государь незамедлительно взялся за организацию казачьей экспедиции, а Тобольскому воеводе поручил во время гостевания в калмыцкой стране постараться выведать «накрепко» у тамошних знающих людей все сведения о Даурии. При получении сведений тут же изложить их письменно в Москву на царское имя. В качестве Российского посла в Китай с целью организации «государева торгового промысла» был направлен Федор Байков с товарной казной на 50 тысяч рублей, а его спутников надлежало набрать из местных тобольских казаков.<sup>7</sup> Состав посольства был утвержден двумя царскими грамотами от 29 и 31 марта 1653 года.<sup>8</sup> 28 мая того же года в Тобольск прибыл и сам Байков, где ему неожиданно пришлось задержаться на целый год. Дело в том, что буквально через два дня после прибытия, 30 мая 1653 года, от калмыков прибежали ранее плененные татарские женщины с известием, что Гунжа минувшей зимой умерла. Совершив туда поход, казаки убедились в правоте события, и государевы подарки отдали её пасынку, Аблай-тайше, который заменил мачеху на ханском престоле. Аблай согласился исполнить волю Гунжи и назначил дату выступления в Китай на весну 1654 года. Русское посольство состоялось, но не через Даурию, а южным путем мимо Восточного Туркестана и Тибета. И тогда выяснилось, что даурский государь Шемшекан-царь это не кто иной, а сам китайский император Шицзу (1644-1661), а Алак Батур-хан – один из его титулов от маньчжурского «алиха батуру-хань» («Правящий храбрый и благородный государь»)<sup>9</sup>.

## II

Таким образом, заинтриговав Москву Нороганчинской, Норонгинской, Аргуцкой, Аргунской, Адаурской и Даурской землями на крайнем Востоке Сибири монголо-калмыцкие информаторы не смогли исполнить своих обещаний царю сопроводить служилых людей к своим азиатским соседям. А история с Еней Кошючи показывает, что к 1652 году Москва обладала о тех далеких землях более полными сведениями, чем их привозили посланцы Алтын-хана, Гунжи и Аблай-тайши. От кого они были

получены?

А дело в том, что почти в то же время, как Алтын-Хан впервые упомянул о своих восточных соседях, по их земле уже ходили отряды российских землепроходцев из Якутского острога, наслышанные о какой-то большой реке Амур. Называется имя атаманов И.Ю. Москвитина и И.Перфильева, дошедших до Алдана и Баунтовского озера в Забайкалье. Среди первых разведчиков русских казаков упоминается промышленный человек Семен Косой, который добрался до Аргуни, но попал в плен к даурским князям.<sup>10</sup> Одновременно в 1640-1641 годах прибайкальский тунгусский князец Можеуль рассказывал приказчику Верхоленского острога Курбату Иванову о реке Шилке: «А с Витимской вершины на Шилку реку кочевьем переходят тунгусы ден в 5 и в 6 на оленях. А серебряная руда на Шилке реке и хлеб есть или нет, того те тунгусы не ведают. А Шилка впала в большое море; а люди на ней живут брацкие скотные».<sup>11</sup> И в том же 1641 году Ленские воеводы Петр Головин и Матвей Глебов со слов разведчиков уже определенно сказали о Витиме и Шилке и их окрестностях как о Даурии, граничащей с Китайским государством: «Живет вверх по Витиму даурский князец именем Ботога с товарищами, а ходу <...> до того князя Ботога от устья Котомары реки водяным путем по Витиму реки месяц, а живет де он, Ботога, на Витиме реке на усть Карги реки, на одном месте улусами, а юрты <...> у того князя Ботога рубленные, а скота <...> всякого и соболя много, и серебро <...> есть, а то <...> серебро Ботога и камни покупают на Шилке реке у князя Ловкая, а от Ботога <...> вверх по Витиму реке и Яравны озера по обе стороны Витима реки, даурские конные многие люди, а бой де у них лучшей, а язык <...> у них свой, с якутским и тунгусским языком не сходятся».<sup>12</sup>

На основе поступаемых сибирским воеводам сведений о Даурии ссыльный «немчин» Иван Ермис составил челобитную в Енисейск с проектом похода в Забайкалье, в которой точно указал в дальнейшем хорошо освоенный русскими путь по Ангаре, через Байкал, к реке Баргузин и далее через Икатский хребет на Еравнинские озера, по р.Ципе на р. Витим, а оттуда волоком на реки Нерчу и Шилку к даурскому князю Лавкаю.<sup>13</sup> Тогда же выяснилось, то Даурия охватывает большой географический район на востоке. По реке Селенге это была «Селенгинская Даурия», в Восточном Забайкалье и в верховьях Амура просто «Даурия», районы вниз по течению именовались «Дючерской» и «Гиляцкой» землями. Ведь и князец Ботога, живший в верховьях Витима и у Еравнинских озер, именуется ... «даурским князем», хотя был бурятом.

Некоторые историки полагают, что понятие Даурия в 50-60-х годах XVII века охватывало не только оба берега Амура, но также большую территорию к югу, вплоть до Великой Китайской стены. К концу

столетия географические рамки термина постепенно сужались, и «Русской Даурией» стали именоваться только левый берег Амура (Аргуни).<sup>14</sup> Однако сведения монгольских информаторов вряд ли соответствуют действительности, так как племя дауров (дагуров) жило по всему Восточному Забайкалью, но никак не до пустынной степи и тем более до Китайской стены. Правда, в какой-то степени район Амура был объектом территориальных притязаний Китая, что и выяснилось при подписании Нерчинского пограничного договора 1689 года, отчего правобережье пограничной реки именовалось «Китайской Даурией», и географически этот термин распространялся до Хингана.

Проверка сведений Ивана Ермиса была поручена якутскому воеводе П.П.Головину. Снаряжая казачью экспедицию М.Васильева и А.Аникеева, он в «наказной памяти» акцентировал внимание на то, чтобы они хорошо проведали пути от Байкала на Шилку и в «Китайское государство».<sup>15</sup> Затем, основываясь уже на их донесении о «многих сидячих пахотных хлебных людях» князя Лавкая на Шилке, Головин в 1643 году направляет большую экспедицию из служилых и промышленных людей (всего 133 человека) во главе с письменным головою В.Д.Поярковым. Но отряд землепроходцев прошел северным путем на Зею и Амур к Дальнему Востоку.<sup>16</sup> Тем не менее, по мнению Пояркова, достаточно 300 человек чтобы обладать землями по Шилке и Амуру, построив там «в Даурской и Дючерской землях» три сторожевых укрепления с гарнизоном по 50 казаков, а другие 150 оставить для разъездов и «усмирения в случае восстания покоренных». Тем более, что сами дауры просили россиян защитить их от гнета маньчжурских феодалов, которым они никогда не принадлежали.<sup>17</sup>

Завершил проверку маршрута Ивана Ермиса атаман Иван Галкин, основавший в 1648 году Баргузинский острог. Часть своего гарнизона он направил «через Витимские вершины» на Шилку к князю Лавкаю «призывать» его подданных в ясак и заодно проведать о ходящих слухах о наличии в Даурии золотой и серебряной руды.<sup>18</sup> Одновременно отряд пятидесятника Костьки Иванова Москвитина (сына И.Ю.Москвитина)из экспедиции атамана Колесникова сумел побывать у главного забайкальского хана (по р.Селенге) Турухай-Табунана и у его тестя – монгольского Цецен-хана Шолая и узнать от них новые сведения о Даурии: «Да от тех же мунгал они служилые люди про Шилку реку слышали, что св<...> дорога есть, а ехать <...> Она (Онон, - А.Т.) шесть дней с <...> Оне и кочюют мунгальские ж и бр[атские] люди и тын[гусы]. А Она река многолюд[ная] <...> реке ехать в стугу на низ до Ши[лки] ре[ки] шесть ж дней. А Шилка де река велика, через <...> на другой стороне на коне человека не видно. [А кочюют] де по ней вниз тынгусы, а ниж их сидячая орда, а сказывают, что

они Лавкаева роду люди, а городов у них и большово человека у них нет, а ясак платят мунгальскому хану Чичину, а хлеб у них и овощи всякие родитца и избы у них по русскому. А Шилка де пошла в студеное море. А на устье Оны кочюют лелеи, а живот у них кони и коровы, и иново ничево нет»<sup>19</sup>

Интересно, что российские казаки-разведчики, изучая Даурию, старались делать свое дело незамеченным, особенно в местах кочевания князя Лавкая. Например, они ухитрились измерить ширину Амурского моря, избегали посещения многолюдных улусов, но собирали разнообразные сведения о природе края и экономике её жителей. А возвращаясь в Якутск, россияне делали на обратном пути заготовки на деревьях, чтобы по этим меткам направить в ставку богатого Лавкая последующие военные экспедиции.

В 1649 году старый верхоленский «опытовщик» и торговый человек Е.П.Хабаров добился разрешения о собственной экспедиции на Амур, куда он и отправился из Илимска. Князь Лавкай, услышав о приближении русских, бежал со своим народом, оставив пустующие юрты и даже укрепленные городища со стенами и рвом. Когда отряд Хабарова обосновался в одном из них, вернулся сам Лавкай с братьями. С большим трудом россиянам удалось убедить дауров, что пришли они не с войной, а на помощь. Даурский князь согласился уступить казакам для размещения гарнизона один из трех своих городков – Албазинский.<sup>20</sup>

Походы Е.П.Хабарова на Амур послужили толчком к массовому стихийному побегу в Даурию русского населения из сибирских городов. Толчок этому дали двое посланцев Хабарова в Москву. Прибыв в родной Илимск, они наговорили там столько чудесного, что весь восточно-сибирский край пришел в волнение. Все бросились под знамена своего прославившегося земляка на Амур, оставляя на произвол судьбы хозяйство и нажитое имущество. Ещё бы: его посланцы уверяли, что «Амур льется золотом, что там валяются по дороге драгоценные камни, бегают соболи возле юрт, а шелк, серебро и золото ни почем!» Да как было тому не поверить, если посланцы Хабарова, ушедшие туда с ним «в рвань», теперь щеголяли в парчовом и шелковом платье, щедро сыпали деньгами, уверяя, что все это у них там «вещь обыкновенная».

Даурия представлялась россиянам землей обетованной, одаренной богатой флорой и фауной, гораздо удобной для проживания и в климатическом отношении. Ведь дубы и яблони, к примеру, там растут до сих пор. И эти представления, что интересно, подогревались даже сибирской администрацией. Якутский воевода Д.А.Францбеков ещё в 1650 году считал, что «...та Даурская земля будет прибыльнее Лены <...> и против всей Сибири будет место в том украшено и изобильно».<sup>21</sup> А в «Описании новых земель, сиречь Сибирского царства», за

80-е годы XVII столетия говорилось: «Степные пахотные, добрые хлебородные земли, черностию (т.е. гумусом, - А.Т.) земля в человеческий пояс. Да на тех же степных местах многие соляные самосадочные озера <...> (проблема соли всегда остро стояла у сибирских россиян, а казаки получали её в качестве жалования наряду с хлебом и деньгами, - А.Т.). И та земля зело добра, понеже изо всех государских сибирских городов на той Даурской земле всякой хлеб родится; рожь и яровой из единой меры родится 50, 60 и 70 мер; а по великой реке Амуре по берегам и островам сам собой виноград растёт кроме человеческого труда; в великой реке Амуре против Албазинского острога и вниз по тому ж рыб: белух чистых, больших колужек, осетров, стерлядей, сазанов и всякой мелкой – бесчисленное много, и всякие бесчисленные ягоды родятся, иные же им имени не знати. А с левой стороны великия реки Амурской с Ленского боку от камени (т.е. хребта, - А.Т.) зело великие леса и всякого зверя без числа много и по рекам рыбы такожде много».<sup>22</sup>

Первыми бежали в Даурию Верхоленские казаки, теснимые бурятами. К ним присоединились судовые плотники с р.Куты, крестьяне и промышленные люди деревень по р.Лене в Илимском уезде, а также россияне из Якутского края. Напрасно их пытались остановить; слухи об Амуре были столь велики, что и преследователи из казачьих гарнизонов сами уходили следом в благодатный край.<sup>23</sup> Есть сведения, что в первый этап туда бежало до 1500 человек.<sup>24</sup> Только в 1655 году их следом направились сотни участников восстания против воеводского гнета города Илимска, а за ними готовились к побегу почти все крестьяне. Якутский воевода М.С.Ладыженский жаловался в Москву: в период с 1653 по 1655 годы из Илимского и Верхоленского острогов служилые люди и крестьяне «мало не все ушли в Дауры», ограбив по пути торговые караваны.<sup>25</sup> Этому, кстати говоря, немало способствовали и сами атаманы, направлявшиеся на государеву службу к восточной окраине России. Например, А.Ф.Пашков собрал в Западной Сибири 300 человек, а в Енисейске и Братске ещё 160.<sup>26</sup> В начале 60-х годов стихийное переселение в Даурию приняло настолько массовый характер, что сибирская администрация устроила в устье р.Олекмы заставу, опасаясь обезлюдения западных районов.<sup>27</sup> Но и это не оставило народную тягу к воле. В 1665 году новая масса жителей Илимского уезда пошла с Никифором Черниговским на Амур, убив своего воеводу Л.А.Обухова.<sup>28</sup>

В 1670 году началась стихийная миграция служилых людей Красноярска.<sup>29</sup> В начале 80-х гг. пашенные крестьяне 6 волостей Илимского уезда опять в большом количестве «бежали в Дауры» от феодальных повинностей.<sup>30</sup> За ними из Енисейска последовала группа местных крестьян и «тюремных сидельцев»<sup>31</sup>

Перечень этот можно продолжать. А когда в 1676 году в Приаргунских горах обнаружили серебряные и оловянные руды, время запретов кончилось. Царское правительство, наоборот, узаконило переселенческую политику. Только по указу 1688 года в Даурию прибыло 740 организованно набранных людей из Европейской России. В последующие годы счет прибывающих «счастьеискателей» исчисляются тысячами человек, и за короткий срок Нерчинско-Заводской горный округ стал крупнейшим на востоке Российского государства средоточием русского населения, опорой последующего хозяйственного освоения Амурского края и Дальнего Востока.<sup>32</sup> Но эта уже другая история.

### III

Все эти события заставили Москву обратить на Даурский край самое пристальное внимание. Началась эпоха строительства казачьих острогов-крепостей с целью надежного закрепления русских в здешних местах. В 1651-1652 годах при слиянии Шилки и с Аргунью на правом берегу Амура возник Усть-Стрелочный, а ниже его – Албазинский остроги. Годом позже Петр Бекетов на водоразделе Ингоды и Хилка поставил Иргенский острог, и в это же время его служилые люди составили чертежи рек Иргень, Хилка, Ингоды и Шилки. Одновременно посланный Бекетовым десятник М.Уразов при слиянии Ингоды и Онона основал Шилкинский острог, который, правда, просуществовал до 1656 года. В 1658 году русские учредили Нерчинский острог, а севернее его – Телембинский, и в 1681 – Аргунский.<sup>33</sup>

Официально включение Приамурья в состав Российского государства было признано летом 1653 года московским дворянином Д.И.Зиновьевым, прибывшим из Москвы в Даурию фактически с воеводскими полномочиями. Следует заметить, что большинство даурских князцов и старшин просили о подданстве добровольно, прося оберегать их кочевья от «богдойского царя Андриакана».<sup>34</sup>

После возвращения в 1654 году Д.И.Зиновьева и Е.П.Хабарова и их отчета о делах на Востоке в Сибирском приказе, началась подготовка к представительной экспедиции на Амур А.Ф.Пашкова с заданием учредить там особое воеводство. Текст грамоты от 1655 г. упоминает «Даурскую, и Дючерскую, и Гиляцкую земли». Но та же грамота подтверждает и тот факт, что московские власти по-прежнему опирались на очень туманные представления о Даурии и Китае, все ещё слабо разделяя их границу и не понимая их географической протяженности. И это не удивительно, поскольку границы, как таковой, не существовало: она стала оформляться линией постов и караулов лишь к 1678 году. Но при этом она проходила от 800 до 1000 км. южнее Амура, в двух неделях пути от Албазина,<sup>35</sup> и это обширное пространство считалось нейтральной полосой между Россией, вступившей в Даурию, и Китаем. Тем

не менее, Цинская династия посчитала появление русских отрядов (Ерофея Хабарова в первую очередь) серьёзной угрозой для себя, что с весны 1652 года пыталась помешать их продвижению по Амуру, а годом позже воспрепятствовала даурам, гогулям и дучерам вести там посевные работы. Битва русских с китайцами (маньчжурами) продолжались все последующие годы с попеременным успехом, но в конечном итоге казаки были вытеснены с правобережья Амура по недостатку военных сил. Пограничные споры удалось прекратить лишь после подписания Нерчинского мирного договора 1687 года, но русские все же, потеряли по нему овейной славы героическую крепость Албазин.

Сибирская летопись отводит достойное место экспедиции А.Ф.Пашкова, и при описании его дел все время упоминает Даурию. Записи за 1654 год, к примеру, гласят, что он выехал с ратными людьми «для поставления в Даурской земле городов Нерчинска и иных острогов и для рассмотрения тамошних иноземцев и иноверья».<sup>36</sup> «И во 164-м году Афонасий Пашков с сыном своим Еремисом, изготовясь, пошел из Енисейска в Дауры со всеми служилыми людьми и со всем домом своим. И пришед в Даурскую землю на Нерчу реку, и поставил острожки: Нерчинской и Балбазинский (Албазинский? – А.Т.) и Иркутской, и Телембинской, Балаганской. Были они, Афонасий и Еремей Пашковы, в Даурах, в тех острожках на воеводстве по 169-й год пять лет и во 170-м году выехали из Даур в Тобольск»<sup>37</sup>

Воеводство в Даурии долго не ладилось, хотя Пашков за пять лет сделал очень многое. Гарнизоны все еще оставались в малолюдстве и не могли сдерживать военный натиск Цинского Китая. К приезду на смену Пашкова нового воеводы Л.Б.Толбузина в мае 1662 года в Даурских острогах (Нерчинском, Иргенском и Телембинском) осталось всего 65 служилых людей (по другим данным - 114).<sup>38</sup> Остальные погибли в сражениях на Амуре, умерли от лишений или вернулись домой. И только начало серьезных военных действий Китая за Албазин заставило Москву сначала направить для переговоров посольские миссии Н.Г.Спафария (1675) и затем Ф.А.Головина (1687). Пограничная линия была, наконец, учреждена, но и казачьи гарнизоны пополнились значительными силами из городов Западной Сибири.

Сибирские летописи дают хорошее представление о Даурии, и ни одно сообщение о посылке туда воевод или о переговорах с китайскими властями не заменяет Даурию Забайкальем. Похоже, что последний географический термин был тогда россиянам не знаком. Таково же состояние сохранялось и в XVIII столетии, о чем свидетельствует «Лексикон» В.Н.Татищева. Но, что важно, и Летописи, и «Лексикон» под Даурией понимают более широкий географический регион, чем принято считать сегодня.

Например, «Енисейский стол» (воеводство) управлял «Даурскими, Нерчинскими, Иркутскими, Албазинскими, Селенгинскими, Амурскими и Байкальскими острогами».<sup>39</sup> «В Даурах, в Нерчинских городах, в шести острожках, воевода стольник Федор Дементьев сын Войсков. На Селенге воевода Иван Остафьев сын Диасьев»<sup>40</sup>

По В.Н.Татищеву, Иркутская губерния управляла Даурской провинцией.<sup>41</sup> Происхождение гидронима Байкал (Байдарья Байкал) он связывал с «татарским» словом Дарья и Дырья, означающим реку, море или великое озеро, «отчего та провинция русскими Даурия названа».<sup>42</sup> В Даурии же он упоминает реки Агу,<sup>43</sup> Аргунь,<sup>44</sup> Борзю,<sup>45</sup> Газимур,<sup>46</sup> Ингоду,<sup>47</sup> озеро Герей или Тарей,<sup>48</sup> остроги Албазин<sup>49</sup> и Аргунский,<sup>50</sup> Аргунский серебряный завод.<sup>51</sup> «Золото: у нас же токмо в Даурии в серебре находится в фунте золотника по 2 и 3, которое отделяется».<sup>52</sup> Там же, «в Даурии находят кости мамонтов».<sup>53</sup> По реке Аге «находится медная руда хорошая».<sup>54</sup>

Из этого можно было бы заключить, что в XVIII столетии под Даурией понимали все же Восточное Забайкалье или, по другому, Приамурский край. Но это не так. По В.Н.Татищеву, «Байкал, озеро в Иркутской вице-губернии <...> отделяет Даурию Бурганской (Бурятской? – А.Т.) провинции».<sup>55</sup> Соответственно «Витим, река великая в Якутской провинции, начало её в Даурии от озере Тазея в горах Байкальских, на восток от Байкала <...>. По ней обитают тунгусы».<sup>56</sup> «Арбузинский (Баргузинский) острог, в Даурии, на реке Арбузин, текущей с северо-восточной стороны в Байкал, ведомства Селенгинского. От Байкала прямо разстоянием 25, а по реке к устью 60 верст».<sup>57</sup> «Ингода, река в Даурии, начинается близ Байкала, течет на восток и, совокупляясь с рекою Онон, названа Шилга, или Шилка».<sup>58</sup> «Кабанской, город в Даурии, на реке Селенга, от Селенгинска 100 верст».<sup>59</sup> «Итанцинский острог, в Даурии».<sup>60</sup> «Кяхта и Тяхта, Дауры, торговисче с китайцы».<sup>61</sup> «Селенгинск, город в Даурии».<sup>62</sup>

Итак, Даурия XVII – XVIII столетий, это все Забайкалье, начинающееся с берегов озера Байкал и до великой реки Амур (которая в верховьях именуется Аргунью). Южнее Амура территория уже именовалась «Китайской Даурией», но после подписания в 1688 году Нерчинского пограничного договора россияне потеряли ее. Разделяет Даурию (ее еще называли «Русской Даурией») Яблонево́ый хребет, и земли западнее его получили наименование «Селенгинской Даурией», а к востоку – «Нерчинская Даурия». Соединяли два географических района три пути. Первый, водный, открытый экспедицией Петра Бекетова, шел по реке Хилок. О нем в Сибирском атласе Семена Ремезова за 1701 год говорится: «Р.Хилок, а по ней в прежние годы ходили малыми судами до Иргенского [острога] в Нер-

чинский [острог]».<sup>63</sup> Второй, сухопутный, предложен Иваном Ермисом в 1644 году, можно назвать Баргузинским. Он шел от Баргузинского острога через Икатский хребет на Еравнинский и Телембинский остроги, далее через Яблонево́ый хребет вел на Ингоду и по ней до Нерчинска.

Российский посол в Китай Николай Спафарий намеревался было проследовать в «Русскую Даурию» через Баргузин, но из-за рассказов о трудностях передвижения по этому пути отказался. Мало того, что во время байкальских штормов не все караваны достигли цели, но и от Баргузина путников на верблюдах и конях ожидали «превысокие горы, камни и леса и болота», через которые «с великою трудностью ходят» 2 недели до Нерчинска.<sup>64</sup> Поэтому Спафарий решил открыть новое направление – от Удинского острога по реке Уде на соединение в Еравне и Телембе с «Баргузинской» тропой. Этот путь Семен Ремезов затем опишет так: «Дорога в Нерчинский [острог] от Удинского до Яравинской (Еравнинской, - А.Т.) телегами езду 10 дней налегке».<sup>65</sup>

#### IV

О посольстве Николая Спафария следует сказать особо, так как он впервые описал реку Аргунь и «Китайскую Даурию», которую россияне считали уже своей землей. Как Ангара из Байкала, она вытекает из «великого озера Далая». Реку Аргунь еще «никто не проведаль в длину от устья ее и до вершины Далая; хотя и в прошлых годах ходили казаки судами по ней, однакожде доехать не могли для скудости запасов, назад возвратились». К озеру Далаю, именуемому даурами «морем» ежегодно «ходят с торгом даурские и нерчинские казаки», но оно по-прежнему остается малоизведанным. Противоположного берега не видно, а местные степные кочевники уверяют, что не могут обойти его кругом, даже в течение летнего передвижения со скотом. Но на южном берегу живут монголы китайского подданства. От них до «государства Китайского доходят в четыре недели, только тот путь еще не проведен, для того что наши люди никто тем путем в Китай не ходили». Интересной особенностью озера Далая Спафарий называет невероятное обилие рыбы, которую никто не ловил. А еще там есть, «кит, который есть в море рыба большая, и нерпы в ней есть».<sup>66</sup>

Путевые заметки Н.Г.Спафария интересны еще и тем, что он впервые отметил в Даурии древние города, явившись самыми первыми сведениями об археологических памятниках этого региона. «От Далая днище (т.е. в один день перехода, - АТ) есть город великий каменный со всяким строением, и палаты в нем каменные целы; и говорят, что в том городе от мору люди все пропали, и осталось имение их все там; и иноземцы в тот город идтить не смеют, а смотрят всё издали; а иные говорят, что от войны запустело».<sup>67</sup>

Обширное земляное укрепление, которое Спафарий видел в степи, недалеко от реки Дербула (Тербула), принадлежит к древней укрепленной линии, простирающейся от Кайластуя на Аргуни до р.Гана. В этой связи сошлемся на Г.М.Гмелина и Г.Ф.Миллера, посетивших памятники в 1735 году. Главное укрепление состоит (и поныне) из земляного вала с 6 башнями, и ведут в него 4 ворот по сторонам стен. В центре поселения расположено второе, малое городище. Другие укрепленные городки размещены поблизости, но сколько их – неизвестно. Об этих же памятниках древности упоминал в 1693 году другой Российский посол – Избранд Идес: он их насчитал сотни вдоль пограничной линии, тянувшейся грудой камней на многие километры. Тунгусы говорили Идесу, что укрепления эти были выстроены против монголов для защиты от них древнего царства юэчжи, или киданей, к которому принадлежала некогда вся страна от Нерчинска до Кореи.<sup>68</sup> Наши раскопки этого вала и городков подтверждают слова местных жителей. Полученный археологический материал действительно имеет «киданьский» облик. Найдены как главная застава близ современного города Забайкальска, так и мелкие сторожевые посты. Сам вал, именуемый «валом Чингисхана», в районе р.Гянь пересекает Аргунь, тянется вдоль современной российско-китайской границы, вновь уходит за городом Маньчжурия на китайскую сторону, затем по реке Керулен следует по Монголии до восточных склонов Хэнтэя. Однако в целом киданьская укрепленная линия почти не изучена. Можно только предположить, что это есть северная граница государства монгоязычных киданей, которой они отгородились от тунгусо-шивейских племен Приаргуны.

Свои путевые заметки Н.Г.Спафарий завершает восторженным восклицанием, что он таки дошел до восточной окраины Сибирского царства, заканчивающегося под китайским хребтом Таргачинским. Сегодня хребет этот именуется Хинганом, где в старину находился рубеж между маньчжурскими и китайскими владениями, и который русские казаки принимали за границу между даурами и китайцами. А поскольку дауры к 1653 году стали частью Российской империи, то и все послы вплоть до Ф.А.Головина не принимали претензии китайцев на владение «Китайской Даурией».

Следует отметить относительно торгочинского племени (коргочин), упоминаемого Миловановым, Спафарием и впоследствии Идесом (таргутины, таргачины), слова географа конца XIX века Карла Риттера: По прибытии русских в Амурский край дауры удалились отсюда к востоку от Аргуни, уступая место бурятам и тунгусам. Русские посланники в первых своих поездках через Чичигар и Наун-Хотон застали их среди других местных племен. Даже советники – иезуиты на переговорах китайцев с русскими называли их аборигенами Маньчжурии и

именовали «тагурами».<sup>69</sup> Следовательно, тагуры, таргачины и дауры есть одно и то же. Как в прошлые века, так и сегодня, их относят к омонгольным тунгусам (эвенкам). Академик Г.Ф.Миллер (начало XVIII в.), к примеру, и дауров и маньчжуров считал родственниками тунгусов, а древние китайцы относили к «восточным татарам».

У И.Идеса мы находим некоторые этнографические сведения о таргачинах – тагурах – даурах. Это отличные стрелки из лука, хорошие земледельцы, имеют большие стада, ездят на лошадях и волах. Черты лица – монгольские. Летом одеваются в бумажные ткани, а зимою – в звериные шкуры. Они составляют независимое племя, избирающие себе главного начальника, говорят на «тунгусском» языке. Образ жизни полукочевой.

Рядом с даурами все путешественники прошлых столетий встречали и баргутов. По их преданиям, ранее они жили в Баргузинской долине близ берегов Байкала, о чем Н.Г.Спафарий писал так: «а жили они преже сего в Баргузинском остроге и во иных местах и многие воровства и убивство служилым людям учинили, и из тех мест бежали и живут за Аргунею рекою самовольно».<sup>70</sup>

Вот такими были первые известия о Даурском крае за Байкалом на границе с Китаем, которые проникли к русским в XVII - XVIII столетиях.

#### Примечания

- 1 Российский государственный архив древних актов (далее - РГАДА) ф.214. Сибирский приказ, стлб.74, лл. 46-49.
- 2 РГАДА, ф.Монгольские дела (1637), д.2, лл. 145-152.
- 3 РГАДА, ф.Монгольские дела (1637), д.2, лл. 260-274.
- 4 Там же (1638 г.), д.1, лл. 15-117.
- 5 Там же
- 6 См.: Полное собрание русских летописей. Т.36. Сибирские летописи. Ч.1. группа Есиповской летописи. – М., 1987.
- 7 РГАДА, ф.Монгольские дела (1638), д.1, лл.15-117.
- 8 Там же
- 9 Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. – М., 1969. – т.1.: 1608-1683. – с.543.
- 10 Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири.–ПСБ, 1886; Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. XVII век.– М.-Л., 1960. – Вып.1.; Яковлева П.Т. Первый русско-китайский договор 1689 года. – М., 1959.
- 11 Сборник документов по истории Бурятии..., - г.Улан-Удэ, 1960. – с.38. (РГАДА, ф.Якутской приказной изы.-Стлб.2415, лл. 258-262.)
- 12 Сборник документов по истории Бурятии..., - с.38
- 13 РГАДА, ф.214. Сибирский приказ
- 14 РКО, т.1, №50, с.117.
- 15 Там же
- 16 Там же
- 17 См. Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVIIв.). - Хабаровск, 1984.
- 18 РГАДА, ф.214.Сибирский приказ, кн.288. лл.1-8; Стлб.530, лл. 23-27, 32-33.
- 19 Там же Стлб.308-310, лл. 355-364.
- 20 Паршин В. Поездка в Забайкальский край. ч.II: История города Албазина. М., 1844. - с.10.
- 21 Дополнение к Актам историческим, т. 11. №72.
- 22 Титов А. Сибирь в XVII веке. - М., 1890.- с.90-91.
- 23 Паршин В. Поездка в Забайкальский край, ч.II., - с.32-33.
- 24 Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири.–с.55.
- 25 РГАДА, Сибирский приказ, стлб.471, лл. 367-370, 376-378;

- Александров В.А. Народные восстания в Восточной Сибири во второй половине XVII в. - «Исторические записки». - М., 1957. - т. 59. - с.274.
- 26 РГАДА Сибирский приказ, Стлб.132, лл. 117-181; Стлб. 453, л. 144; Стлб. 471, лл. 476, 467, 500-503; Стлб. 508, лл. 89, 173, 336-336а.
- 27 ДАИ, т.IV.-Спб, 1851, №33.
- 28 Яковлева П.Т. Первый русско-китайский договор 1689 года. - М., 1958. -с.61.
- 29 Там же
- 30 РГАДА, Сибирский приказ, Стлб. 355, ч. II., лл. 557-558.
- 31 Там же. Стлб. 1355, ч.II, лл.270-271; Д. Нерчинской приказной избы, д. 19. лл. 46-47.
- 32 Книга большому чертежу. - М.-Л., 1950; Огородников В.И. Туземное и русское земледелие на Амуре в XVII в. - Владивосток, 1924; Тиваненко А.В. У истоков познания «Даурской земли» русскими в XVII столетии // Ефремовские чтения — 1. - Улан-Удэ, 2004. - с. 119-126; Он же. У истоков познания «Даурской земли русскими в XVII столетии. - «Угай .зам» («Путь предков»). Приложение к журналу «Байкал». - 2004. Спецвыпуск №4. - с.8-9.
- 33 Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах..., - с.19,25.
- 34 См.:Паршин В. Поездка в Забайкальский край, ч.II.
- 35 Книга Большому чертежу., - с.188.
- 36 ПСРЛ. т.36. Сибирские летописи..., - с.100
- 37 Там же — с.159.
- 38 См.: Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах.
- 39 ПСРЛ, т.36. Сибирские летописи..., - с.169.
- 40 Там же. - с. 171. Фамилия Диасьев напоминает Диатьев. Она запечатлена на большом деревянном кресте за 1690 год, обнаруженном в песках у города Селенгинска в XIX столетии - «Строил атаман Диатьев». Крест сохранился и ныне экспонируется в Новоселенгинском музее декабристов.
- 41 Татищев В.Н. Избранные произведения. - Л., 1979. - с.300.
- 42 Татищев В.Н. Избранные произведения., - с. 253.
- 43 Татищев В.Н. Ж., соч., - с.154.
- 44 Там же. - с.174
- 45 Там же. - с.193.
- 46 Там же. - с.228.
- 47 Там же. - с.296.
- 48 Там же. - с.230.
- 49 Там же. - с.159
- 50 Там же. - с.165
- 51 Там же -с.165
- 52 Там же. - с. 291.
- 53 Там же. - с. 36.
- 54 Там же. - с. 154.
- 55 Там же. - с. 174.
- 56 Там же. - с. 212.
- 57 Там же. - с.165.
- 58 Там же. - с. 296.
- 59 Там же. - с. 302.
- 60 Там же. - с. 301.
- 61 Там же. - с. 341.
- 62 Там же. - с. 351.
- 63 См.: Спафарий Н. Путешествие через Сибирь до границ Китая. - Чита, 2009. с.130-131.
- 64 См.: Книга Большому чертежу., - с.188
- 65 Спафарий Н. Ук., соч., - с.130-131.
- 66 Там же. - с. 107.
- 67 Там же. -с.107
- 68 Там же. - с.135.
- 69 Там же. -с.135
- 70 Там же. - с. 136.



Базыр Цыбенев  
кандидат исторических наук

## ДАУРЫ: КРАТКАЯ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

К одному из малоизученных народов нашего региона относятся дауры (дагуры, дахуры). Есть мнение, что так раньше называли часть забайкальских бурят, а по суждениям далеких от истории людей, такого народа сейчас уже нет и лишь в память об их существовании остались здесь топонимы «Даурия», «Даурская земля», «Селенгинская Даурия». Некоторые виды животных и растений имеют приставку «даурский»(-ая), но мало кто задумывается над тем, а где же сами дауры, кто они, существуют ли сейчас. Все подобные рассуждения и домыслы развеивают СМИ, Интернет и научная литература, по данным которых дауры, численностью более 120 тыс. чел., в настоящее время проживают компактными группами в Автономном районе Внутренняя Монголия и провинции Хэйлуцзян Китайской Народной Республики. Небольшая часть дауров обитает в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, неподалеку от границы Китая с Казахстаном. По нашим данным, известны следующие основные этнотерриториальные группы: 1) хайлар даур; 2) батхан даур (их называют также «муочи даур» - сокращение от «Молидава – ци» – Даурский автономный район Морин-дава АРВМ); 3) котон даур (или чичихаар даур), в основном проживают в Даурском автономном районе Мэйлисы провинции Хэйлуцзян; 4) синьцзян даур (другое название - урумчи даур), расселены в Даурском автономном уезде Тачэн СУАР. Кроме них имеются и такие мелкие локальные группы, как айгун даур, хулан даур, компактно проживающие в районе рек Сунгари и Амур. По свидетельству самих дауров, они состоят из 18 исконно даурских родов. Также в состав народа вошли отдельные ассимилированные эвенкийские и китайские этнические группы. В табл. 1 приводим список родов и патронимических групп дауров [Dayur..., 1989]:

К группам смешанного дауро-эвенкийского происхождения можно отнести роды дулар и самагир. В целом, заметим, что имеются данные информаторов о существовании родственных связей под названием «таараалэ» между даурами и эвенками, согласно которым эти народы произошли от потомков двух родных сестер. Отмечено существование запретов в брачных отношениях между представителями отдельных даурских и эвенкийских родов, когда, согласно старым обычаям, запрещается брать жен из одного определенного рода. Например, недопустимы браки между лицами родов судур и аула; между даурским родом уорэ и эвенкийским уорэ; запрещено иметь брачные отношения между представителями

даурского рода говол и эвенкийского дулар; между даурами рода аул и эвенками рода нахта. В современном этническом составе дауров есть также группы дауро-китайского происхождения (някан хала), например, роды уу, чжин, хэ, чжан, ли, бай, чжоу среди цицикарских дауров. В Даурском автономном районе Морин-Дава имеется род лю, состоящий из потомков бывших рабов-китайцев [ПМА, 2005]. Б.И. Панкратов также отмечал, что «селение Гуарбан тоголо населена бывшими рабами и потому носит различные фамилии прежних владельцев. «Фамилии – шинкен дагур». В составе рода говол имеется незначительное количество ассимилированных русских, в начале XX в. они имели своего моكونида (старейшину патронимической группы) [Панкратов, 1998]. Вероятно, с тесными даурско-русскими контактами можно связать наличие в даурском языке таких слов, как топор, чачук (чашка), вейцзуло (ведро), джаруд (зарод) и др. [ПМА, 2005].

Происхождение народа издавна интересовало ученый мир. Предположений было много: одни утверждали, что дауры – это ранние монголы, другие – ассимилированные монголами маньчжуры, третьи – потомки монголоязычного племени киданей. Последняя версия является на данный момент доминирующей, опирается на ряд этнографических, фольклорно-лингвистических и исторических данных. Например, представляется вероятной связь между одним из ведущих киданьских родов дахэ и современным этнонимом «даур». Выявленное учеными название для железа в киданьском языке - хэ-чжу (хо-чжу; хо-шу) можно сравнить с даурским «касо» в том же значении. В других монгольских, тюркских или тунгусских языках аналоги отсутствуют. Как и у киданей, национальной игрой дауров является «бойко» - разновидность хоккея на траве. Все эти и другие факты дополняют материалы современных китайских ученых, свидетельствующие о генетической киданьско-даурской взаимосвязи. Сравнительное исследование образцов ДНК из семи киданьских захоронений и ДНК дауров, китайцев, монголов, эвенков и «бенжэн» (этническая группа из провинции Юннань) выявило одинаковые элементы в хромосомах у дауров, «бенжэн» и у половины участвовавших в эксперименте северных китайцев. Зафиксированы незначительные статистические отличия в ДНК «бенжэн» и дауров, существенно отличающихся от аналогичных элементов северных китайцев. По мнению китайских ученых, дауры и «бенжэн» имеют одинаковое патрилинейное происхождение, а часть северных китайцев – матрилинейное [Andrew, 2006].

Исходя из этого, картину этнической истории можно представить следующим образом: в начале первого тысячелетия их предки – монголоязычные кидани основали могущественную империю Ляо, павшую в 1125 г. под ударами очередной волны кочевников – чжурчженей.

Уцелевшие осколки империи разбросало в разные стороны: часть населения оказалась на северной окраине, где в районе Верхнего Амура в дальнейшем сформировалась новая народность – дауры; другая группа нашла убежище на юго-западе Китая и в дальнейшем превратилась в своеобразную китайскую этническую группу «бенжэн». Большая часть киданей, вероятно, еще в период существования империи, вступила в тесное взаимодействие с китайцами, закончившееся полной ассимиляцией.

По поводу переселения дауров на Амур есть интересное мнение Болотина, согласно которой доминирующей причиной миграции предков дауров на территорию Верхнего Приамурья явилось усыхание степей, как следствие мирового похолодания климата, совпавшее по времени со становлением монгольской империи Чингис-хана [Болотин, 2008]. Им же выделена владимировская археологическая культура, датирующаяся XIII-XVII вв. Период совместного проживания представителей двух культурных традиций (монгольской, пришлой, и тунгусской, аборигенной) нашел отражение в изготовлении оружия. Костяные наконечники, характерные для владимировской культуры Амура и монголов Забайкалья схожи с предметами, по форме идентичными мохэским [Болотин, Исаченко, 1995].

На Амуре дауры возвели укрепленные поселения, в последующем вместе с эвенками-солонями и эвенками-орочонами образовали общность «солонбуу». Занимались дауры земледелием, сеяли «пять видов хлебов», огурцы, чеснок и т.п. Выращивали «даур кэнкэ» - даурскую дыню, сорт, отличающийся малыми от обычных дынь, размерами. В скотоводстве отдавали предпочтение разведению лошадей и крупного рогатого скота. Охотились на соболя, косулю, кабана, изюбря, не убивали лису, медведя и тигра. Большое значение имела соколиная охота на зайцев и птиц. Традиционным занятием было рыболовство, у них до сих пор существует четкая половозрастная терминология, посвященная не только видам скота, как у всех монгольских народов, но и рыбам. Например, карась имеет следующие названия: кэлтэг (больших размеров), куэлэтии (средний), кайко (маленький); рыба амур – амэр и ончулу и т.д. [ПМА, 2005].

Ко времени появления первых русских землепроходцев дауры проживали на территории Приамурья и отчасти Забайкалья. Основная масса населения проживала по левым притокам Амура в его верхнем течении, по среднему и нижнему течению р.

Зеи, особенно плотно было заселено междуречье Амура и Зеи. На крайнем востоке небольшая группа дауров, а именно *род судур*, проживал по р. Судур - притоку р. Буреи в ее среднем течении. Заметим, что этнонимы многих родов совпадают с названиями рек – притоков Амура, по берегам которых они ранее расселялись. Например, название рода мэрдэн в переводе означает «излучина реки», ранее род расселялся в районе единственно широкой излучины Амура, известной ныне как Корсаковский кривун; род говол проживал на одноименном притоке р. Зея, род *улис* – р. Улис (вероятно, современная р. Уруша); род *бирьян* – р. Беря; род *жинкэр* – р. Зея (Жинкэр – даурское название р. Зеи); *том* – р. Томь - приток Зеи. Название рода аола, согласно данным информаторов, связано с некой горой, расположенной в верховьях Амура, неподалеку от современного села Албазино Амурского края. В городе Якса (русское название «Албазин») и в его окрестностях на берегу Амура проживала патронимическая группа ярс. Родовое ответвление *догин*, расселялось по верхнему течению реки Тэгдэн – притока р. Амур. Людей из *догин* было очень много, впоследствии они расселились во многих местах, в частности, живут и в далеком Синьцзяне. Название рода *онон* довольно легко отождествляется с одноименной рекой - притоком Амура, берущем свое начало в Восточной Монголии. Информаторы утверждают то же самое, «судя по названию рода, предки дауров жили на реке Онон. В *онон* хала имеется один одноименный мокон. *Бокурчен* – название айла. Неизвестно, какое это слово – маньчжурское, монгольское или даурское.» [ПМА, 2005]. Однако согласно сообщениям отдельных информаторов, род *онон* получил свое название от провала Онон (на диалектах монг. яз. «оноху» - падать, проваливаться) в верхнем течении Амура. В давние времена в месте впадения р. Гунан в Амур под воду осел большой участок суши, после чего это место, как и р. Гунан стали именовать двояко, и Гунан и Онон, впоследствии, закрепилось последнее. Первые сведения о даурах были получены русскими казаками-первопроходцами в 1639г., когда служилый человек Максим Перфильев ходил из Олекминского острожка на верховья р. Витима и там от местных тунгусов узнал, что «по Шилке (Амуру) живут многие даурские пашенные люди, а хлеб у них всякий против русского» и что «на Шилке (Амуре) реке у князца Лавкая и у иных князцев по улусам пашут хлеб – рожь и ячмень и иные семена, и тот они хлеб продают на Витим реку <...> и тунгусские люди покупают (его) на соболи, а хлеба родится много, а по Шилке (Амуру) – сидячие (оседлые) пашенные люди, а не воинские». В 1641 г. русские служилые люди спрашивали у верхоленских бурят, далеко ли от них до Амура, где живет князь Лавкай, нет ли там серебряной и медной руды и какой именно хлеб родится в тех местах, но не

получили на занимавшие их вопросы определенного ответа» [Огородников, 1927]. Здесь необходимо заметить, что служилые люди в XVII в. первоначально называли дауров «братскими людьми», т. е. так же, как и предков бурят. Так называли в частности дауров и вышеупомянутые спутники Пояркова в своих расспросных речах. Они определенно указали, что «розных де языков по Зие и по Шингалу и по Амуру пять языков: брацкой, дучерской, шингалской, нацкой, гилядской». Ввиду того, что буряты в XVII., несомненно, говорили на диалектах монгольской языковой группы («а брацкие люди говорят по-колмацки», сообщает один из источников) и поскольку дауров тоже называли «братскими людьми», а язык их «братским», - можно предполагать, что он входил в монгольскую группу языков, как и язык современных дауров [Долгих, 1958]. В даурском языке, как и в бурятском, встречается много общих черт с средневековым монгольским языком. Имеются интересные языковые параллели в языке дауров, баргутов и говорах западных бурят. Например, бурятские филологи В.И. Рассадин и Ж.Б. Бадагаров выявили соответствия: даур. наджир – эхир. нажир ‘лето’, даур. минаа – эхир. минаа ‘плеть’, минаадаа = - эхир. минаада = ‘ударить плетью’, даур. бараан – эхир. баран, барни ‘все’, даур. увэй – эхир. увэй // убэй ‘нет’ [Бадагаров, 2000; Рассадин, 2004]. Они свидетельствуют о «каких-то древних родственных связях дауров с бурятами-эхиритами» [Рассадин, 2004], или же «о существовании некоей общности, существовавшей после разделения прамонгольской языковой общности, куда могли входить предки современных дагуров, бурят, ойратов и хамниган» [Бадагаров, 2000].

Населяли дауры и территорию Забайкалья. О забайкальском этапе в этнической истории дауров пишет бурятский ученый Д.Д. Нимаев. Им проанализированы отечественные работы конца XIX-начала XX вв., в которых говорится о «Селенгинской Даурии» и сделан вывод о безусловной взаимосвязи данного географического названия с этнонимом дауры. Далее им приведен текст отписки ленских воевод П. Головина и М. Глебова за сентябрь 1641 г. «живет... вверх по Витиму реке даурский князец именем Ботога с товарищами... а живет де он, Ботога, на Витиме реке на усть Карги реки, на одном месте улусами, а юрты де, государь, у того князца Ботоги рубленные, и скота де, государь, у того князца Ботоги всякого и соболя много, и серебра де у него есть, а то де, государь, он серебро Ботога и камни покупает на Шилке реке у князя Ловкая, от Ботоги де, государь, вверх по Витиму реке и до Яравна озера по обе стороны Витима реки даурские конные многие люди, а бой де у них лучной, а язык де, государь, у них свой, с якутским и тунгусским языком не сходится» [Нимаев, 2010]. Согласно данным информаторов, к северо-западу от

основной территории расселения дауров, в районе Еравнинских озер, речных долинах Витима и Алдана проживал даурский род *ардан*, название которого увязывается с рекой Алдан. По мнению Г.Н. Румянцева, витимские дауры являются частью хорчинов или баргутов Баргузина, удалившихся отсюда из страха перед русскими казачьими отрядами. Далее им приводится следующее интересное замечание: «Еще сейчас тунгусы называют даурами аларских бурят. Видимо, «даур» для тунгусов XVII в. являлся синонимом этнонима «бурят»» [Румянцев, 2002]. Следы бывших «хорчинских или баргутских» пашен и ирригационной системы в Баргузинской долине свидетельствуют, на его взгляд, о существовании под термином «даур» или «дагур» совокупности монголоязычных племен дауров, баргутов и хорчинов. Возможно, впервые подобную догадку высказал еще в XVIII в. И.Г. Георги в описании своего путешествия. Он считал, что «древние баргуты, которым предание приписывает следы древнего земледелия, находимые на Баргузине, его притоках и к северу от них до верхней Ангары, были с даурами вероятно один и тот же народ» [Шренк, 1883].

Переломным рубежом в истории дауров явился XVII в. В результате усиления колонизаторской политики Российской империи и маньчжурского государства их земли оказались на месте пересечения интересов двух великих держав. Так началась эпоха вооруженного противостояния дауров сначала с маньчжурами, а затем с русскими казаками-землепроходцами.

После создания маньчжурами государства добрососедские отношения между двумя народами резко изменились. Дауры начали платить дань, для чего даурские предводители ездили в ставку маньчжурского хана, город Шэньян. Например, в мае 1634 г. один из даурских предводителей Балдачи поднес маньчжурскому хану 1818 штук соболиных шкур. В дальнейшем за заслуги перед маньчжурами Балдачи стал императорским зятем (эфу). В разное время платили дань главы даурских селений Галдас, Гаур, Эсур, Алитай, Кэин и Улис. Не избежал этой участи и глава союза «солонбуу» Бомбогор из рода дагур. Он побывал в маньчжурской ставке дважды: в июне и ноябре 1637 г.

Маньчжуры не удовлетворились большой данью и в течение девяти лет совершили три больших набега на даурские земли. В ходе одного из них маньчжурами были уведены более 7 тыс. чел. Реакция Бомбогора была вполне ожидаемой, он поднял дауров на вооруженное восстание, однако в одном из сражений потерпел поражение и отступил на запад, по р. Кумар. В погоню за ним были отправлены лучшие маньчжурские отряды под началом Самушка и Исуна, на своем пути встретившие ожесточенное сопротивление четырех даурских крепостей – Добчен,

Асиечин, Якса и Догин. Городок Якса был окружен и после многодневной осады взят маньчжурами и сожжен. Погибло более 100 дауров, а предводитель осажденных Галинга был пленен. Однако ему удалось бежать, убив весь маньчжурский караул [Даур..., 1989].

В июне 1640 г. преследование Бомбогора продолжилось. Был снаряжен отряд из 40 лучших воинов восьмизнаменного маньчжурского войска и 350 монголов. В январе 1641 г. беглецы были окружены на р. Ганхэ, но с трудом сумели вырваться. Бомбогор повел оставшихся в живых женщин и детей дальше на запад и сумел дойти с ними до горы Челугай (к востоку от современного г. Чита), где их настиг маньчжурский отряд. Были захвачены 80 воинов и 725 женщин и детей. Бомбогор был увезен в Шэньян и казнен [Даур..., 1989].

Маньчжуро-даурские отношения резко изменились с появлением русских казаков-первопроходцев. 15 июня 1643 г. из Якутска на Амур выступил отряд во главе с письменным головою Василием Даниловичем Поярковым. Экспедиция была сопряжена с большими трудностями, связанными с боестолкновениями с местным населением, о чем свидетельствует челобитная участников похода на имя якутского воеводы Петра Головина: «... те служилые люди, не хотя напрасною смертию помереть, съели многих мертвых иноземцов и служилых людей, которые с голоду примерли, приели человек с пятьдесят. ... Василья с достальными служилыми людьми тамошние иноземцы к берегу не припушчали, а называли их погаными людоеды» [Артемьев, 1998]. Все же Пояркову удалось выбраться и собрать ценные сведения о стране «пашенных людей» - Даурии. Впервые было подтверждено, что там «хлеб родится вволю», население занимается земледелием, также разводит лошадей и скот. Осенью 1650 г. отряд казаков под командованием Ерофея Павловича Хабарова покидает Якутск. Воевода Францбеков дал ему наказ – призвать даурских князей Лавкая и Ботогу «под высокую государеву руку». По пути следования вниз по Амуру казаки обнаружили пять покинутых даурами городков, некоторые были окружены рвами и частоколами с крепостными башнями. В целом, что касается конкретной родовой принадлежности отдельных даурских поселений, названных в русских источниках «городками», со слов информаторов-дауров, в районе Албазина (даурское название Якса) проживал даурский род улис; в 2-х днях пути выше устья р.Зея на землях родов говол и том располагался «Бамбулаев городок»; в районе современного села Бейтоново находился «Дасаулов городок» на территории родов улис и онон, «Балдачин городок» на землях рода жинкир [ПМА, 2005].

Дауры упорно сопротивлялись, но были бессильны перед мушкетами и пищальями пришельцев. О накале

сражений тех времен свидетельствует осада казаками городкадаурского князя Гайгудара. По нашим данным, он, по всей видимости, располагался на территории проживания даурского рода онон. Городок состоял из трех земляных частей, соединенных между собой стеной и был окружен двумя рвами. Под башнями были сделаны подлазы, через которые мог проехать всадник. Перед сражением все близлежащие селения были сожжены, а их население находилось в укреплении. Источники сообщают, что на требование казаков сдаться Гайгудар ответил: «даем мы ясак Богдойскому царю Шамшакану, а вам дадим, когда в крепости останутся в живых только дети». Далее в отписке воеводе Францбекову, Хабаров сообщал: «... собрались Дауры свирепые в один город, и мы били по ним безпрестани из большого оружия и из малого, и на тех приступах побили их Дауров двести четырнадцать человек; и те свирепые Дауры не могли стоять против государственной угрозы и нашего бою, и из того города напролом они Дауры побежали человек десятка полтора, лише те и ушли из города... Божею милостию и государским счастьем, тех Дауров в пень порубили всех с головы на голову, и всех их побито Дауров, которые на приступе и на съемном бою, больших и малых шестьсот шестьдесят один человек, а наших казаков убили они Дауры четырех человек» [Артемьев, 1998]. В источнике дауры названы «свирепыми», что свидетельствует об упорном сопротивлении этого народа. Бывало, что, несмотря на всю свою храбрость, казаки не могли одолеть дауров в рукопашном бою и лишь применение огнестрельного оружия решало исход многих битв. Огородников В.И. отмечал: «Дауры и дочки, правда, мало уступали русским в храбрости, но, разделенные между многими независимыми владениями, они обычно выступали против неприятеля не единым фронтом, а каждая община отдельно. Помимо того, русские чувствовали за собою организованную силу огромного государства, которое, в случае их неудачи, должно было оказать им вооруженную помощь, амурские же туземцы в самый критический для них момент не получили от своего сюзерена – богдо хана ни малейшей поддержки» [Огородников, 1927]. По мнению Шренка Л., «при дальнейшем продолжении войны, Амурские Дауры были бы совершенно истреблены Русскими, если бы Китайское правительство, для защиты их, не приняло иных мер» [Шренк, 1894]. Еще в 1651-1652 гг. часть дауров ушла в Маньчжурию. В 1653 г. правительство Цинской империи приказало даурам уничтожить все хлебные посевы, жилища и переселиться на р. Нонни. В 1653-1654 гг. Приамурье покинула большая часть дауров.

Таким образом, в течение короткого промежутка времени в истории дауров произошли радикальные перемены, они приняли маньчжурское подданство и подобно российским бурятам и эвенкам – казакам,

стали нести военную службу по ту сторону государственной границы. Постоянное участие в вооруженных конфликтах и подавлении восстаний на территории Китая не могло не сказаться на численности народа, в родословных записях «джяпу» середины и конца XIX в. напротив многих имен имеются записи «погиб в провинции ...», «умер, находясь на военной службе»... Но это уже совсем другая история.

Таблица 1.

№	Род (хала)	Патронимическая группа (мокон)	Количество патр. групп
1	аола	ярс, догин, аула, дэун, кэрчил	5
2	говол	говол, эргинчен, варка	3
3	мэрдэн	сангал, чонло, шандачин, жулгэ, хэлэгэ	5
4	онон	асиячен, кунчи	2
5	хэсур	хэээсур, ганчен, бакар, элэнкул, дардал	5
6	том	тучен, кулун, варан	3
7	бирьян	бирьян	1
8	уорэ	уорэ, жам, хота, дологон	4
9	жинкир	сэбкий, сочи	2
10	улис	улис, кургэн	2
11	судур	уркуо	1
12	Дэдул	дэдул, картэс, дусун	3
13	бохто	боди	1
14	хорлас	хуарт	1
15	эрдэ	хайлан	1
16	хэйин	хэйин	1

17	ардан	дэлгэн	1
----	-------	--------	---

Примечания: о существовании патронимических групп в родах дагур, бугур, нэкти, сорор, урэн неизвестно.

Литература:

- 1) Артемьев А.Р. Открытие и начало присоединения Забайкалья и Приамурья к Российскому государству в середине XVII в. // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII-XIX вв. (историко-археологические исследования). Т.3. Владивосток, 1998. С. 6-43.
- 2) Бадагаров Ж.Б. Дагурско-бурятские языковые связи // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Языки. Фольклор. Литература. - Улан-Удэ, 2000. С. 11-15.
- 3) Болотин Д.П. Этногенез дауров // Cultural exchange in East-sea and the Primorye region of Russia (Культурный обмен между странами Северо-Восточной Азии и Российским Дальним Востоком). Busan, 2008. С. 565-571.
- 4) Болотин Д.П., Исаченко Б.А. Коллективное захоронение позднего средневековья у с. Прядчино Амурской области // Традиционная культура востока Азии: Археология и культурная антропология. Благовещенск: изд-во Благовещ. гос. ун-та, 1995. С. 49-54.
- 5) Долгих Б.О. Этнический состав и расселение народов Амура в XVII в. по русским источникам // Сборник статей по истории Дальнего Востока. М., 1958. С. 125-142.
- 6) Нимаев Д.Д. Дауры и баргуты: проблемы этнической истории // Археология, этнография и антропология Евразии. 2 (42) 2010. С. 122-127.
- 7) Огородников В.И. Туземное и русское земледелие на Амуре в XVII в. Владивосток, 1927
- 8) Панкратов Б.И. Дагурский язык. Введение // Страны и народы Востока. Вып. XXIX. Борис Иванович Панкратов. Монголистика. Синология. Буддология. СПб., 1998.
- 9) Румянцев Г.Н. Происхождение хоринских бурят. -Улан-Удэ, 2002.
- 10) Шренк Л. Об инородцах Амурского края. СПб., 1894.
- 11) Andrew Shimunek. DNA Analysis Reveals Descendants of the Kitan // Mongol Survey, number 12). Winter-Spring 2006.P.4.
- 13) Dayur ündüsüten-ü tobči teüke / Sonin, Buyandalai, Yua nar orçulaba. Kökeqota, 1989. (на ст/монг.письм.).

Полевые материалы:

ПМА 2005 - *Полевые материалы автора Цыбенев Б.Д.* Отчет международной этнографической экспедиции «Происхождение и этническая история дагуров и баргутов Китая» (июль-сентябрь 2005 г.)

## ПО СТРАНИЦАМ СТАРИННЫХ ИЗДАНИЙ

Николай Спафарий

## ОПИСАНИЕ БАЙКАЛЬСКОГО МОРЯ КРУГОМ ОТ УСТЬЯ РЕКИ АНГАРЫ, КОТОРАЯ ТЕЧЕТ ИЗ БАЙКАЛА, И ОПЯТЬ ДО УСТЬЯ ТОЙ ЖЕ РЕКИ АНГАРЫ

Извлечение из книги Николая Спафария «Путешествие через Сибирь до границ Китая» (Чита: «Экспресс-издательство»; 2009 г.), на основе его дорожного дневника «Книга, а в ней писано путешествие царства Сибирского от города Тобольска и до самого рубежа государства Китайского, лета 7183 месяца мая в 3-й день».

В своем «Дорожном дневнике» Российский посол дал довольно подробное описание природы на всем протяжении путешествия. В отношении Байкала и его территорий Спафарий впервые дал обширные (на то время) научное описание, не потерявшее значение и по сей день. Эти данные долгое время служили главным источником сведений об удивительном сибирском озеро-море.

\*\*\*

«<...> И сентября в 11-й день приехали к Байкальскому морю на усть<sup>1</sup> реки Ангары, где течет Ангара река из Байкала, и по обе стороны усть реки Ангары горы великие каменные, высокие и лесные, а устье Ангары будет ширина больше версты; а из Байкала течет [с] великою быстротою реки Ангары, а из тех высоких гор [можно] видеть горы за Байкалом снежные и превысокие, и один край Байкала, который называют Култук, а другой край зело далеко, и не видеть<sup>2</sup>; и нигде нет так узко в Байкале, как против устья Ангары<sup>3</sup>; а при усть Ангары пристанищ нет, только все утес да камень, и одним словом рещи - зело страшно, наипаче тем, которые прежде сего на нем не бывали, потому что везде кругом обстоят горы превысокие, снежные и леса непроходимые, и утесы каменные. И у Байкальского моря стояли сентября до 12-го числа, для того<sup>4</sup> что были ветры супротивные<sup>5</sup>.

И сентября в 12-й день поехали за море греблями, а как будут дощаники<sup>6</sup> середь моря, и в то время встал ветер великий боковой, и за ветром большим море насилу перегребли в реку Переемную; однакожды снесло ветром от реки Переемной версты с 4, и приехали в реку Переемную ввечеру; а дощаник дворянский<sup>7</sup> снесло ветром в реку Выдряную; от реки Переемной ходу греблями в тихое погоды день. И в реке Переемной стояли до 14-го числа. И сентября в 12-й день поехали от реки Переемной к реке Мишихе

греблями, и не доезжая до реки Мишихи верст за 15 встал ветер супротивный, и волны великие дощаник поворотили назад в реку Переемную, и в то время дощаник немного на берег не заметало волнами великими; а дворянский дощаник в то же время пошел было из реки Снежной в реку Переемную; и не доезжая верст за 10 и больше тем же ветром великим и волнами дощаник заметало на берег; однакожде ничем не [по] вредило, только волнами великими накопать выбило; и починить дощаник не [с] могли, и вынеслись на берег из дощаника и стояли 2 дни, и посылали людей пеших подле берегу на Переемную; и из Переемной послали служилых людей пеших и в лодках; и учинили ворот и тянули на берег на море дощаник; и починили, и опять поехали в реку Переемную. И сентября в 17-й день в ночи был снег великий; и того же числа из Переемной поехали и бежали парусом до реки Мишихи; от Мишихи того же числа поехали парусом до речки Мантурихи, и в речке Мантурихе ночевали, для того что были ветры супротивные, и за ветрами идтить было страшно. И сентября в 18-й день из речки Мантурихи поехали к озеру, а называют Прорвою<sup>8</sup>; и в прорве стояли сентября до 21-го числа; а в Прорву приезжают из Братского и из Иркутского острогов дощаниками для рыбной ловли и рыбы ловят зело много. А из Прорвы поехали со всеми дощаниками морем, и будучи близ Карги<sup>9</sup> почел быть ветер противный великий, и взял дощаник назад; и поворотились опять в Прорву и ночевали там.

И сентября в 21-й день из Прорвы поехали греблями к реке Селенге и не доезжая до реки Селенги ехали сорами верст с 20 и больше; а именуется сор для того, что от берега мель великая до половины моря, и на тех мелях лежат карги наносные, а мель та слывет Карга; а идет песочный мыс до третьей доле моря Байкальского; и для того как в погоды противное так трудно ехать, и на тех мелях лежат карги наносные деревянные<sup>10</sup>, и те карги объезжают греблями. И сентября в 22-й день приехали к новому устью Селенги реки, а новое устье Селенги слывет для того, что прежде сего в том месте не было устья, а устья Селенги реки, которыми [она] впадает в Байкальское море,

многие; только через иных проходу нет, для того что устье засыпает песком река, будучи быстрая, и для того часто учинила новые протоки; а где впадает в море устьем, насилу познавается только от каргов, потому что везде озера да болота до самой материшной<sup>11</sup> земли; и для того без вожа сыскати устье Селенги реки зело трудно, и про Селенгу реку в своем месте описание учиним, а ныне опишем Байкальское море.

\*\*\*

Байкальское море неведомое есть ни у старых, ни у нынешних земнописателей, потому что ныне мелкие озера и болота описуют, а про Байкала, которая толика великая пучина есть, никакое воспоминание нет; и для того его здесь вкратце описуем. Байкал можно называться и морем, для того что от него течет большая река Ангара и потом мешается со многими иными реками и с Енисеем, и вместе впадут в большое Окиянское море<sup>12</sup>; и для того можно называться морем, что мешается и с больши морем<sup>13</sup>; и объезжати его кругом нельзя; также для того можно называться и морем, что величина его в длину и в ширину и в глубину велика есть. А озером можно называться для того, что в нем вода пресная, а не соленая, хотя великие, а не называют морем; однакожде Байкала можно называти завидлову земнописателю морем потому, что длина его парусом бежати большим судном дней по десяти и по двенадцати и больше, какое погуде, а ширина его где шире, а где уже, меньше суток не перебегают; а глубина его великая, потому что многожды мерили – сажень по сту и больше, - а дна не сыщут, и то чинится от того, что кругом Байкала везде лежат горы превысокие и на которых летнею порою снег не тает. А в середине Байкальского [моря] есть остров великий, который именуется Ольхон, а тот остров стоит посреди в длину моря, кругом будет больше ста верст, и преж сего жили там на том острове многие братские иноземцы, потому что на том острове горы и леса и степь велика есть, и после того как погромили их казаки<sup>14</sup>, и с того острова разбежались, и ныне пуст, а зверей всяких много на острове; и опричь того острова есть иные острова небольшие, однакожде не много. А погодие живет на Байкале великое всегда, но паче осеннею порою для того, что лежит Байкал что в чаше, окружен каменными горами будто стенами, и нигде же не отдыхает и не течет, опричь того, что от него течет Ангара река, а в нем большие реки и мелкие и иные многие в него впали, а на левой стороне едучи от реки Ангары, и для того разбивает суды часто. А рыбы в Байкале всякие много – и осетры, и сиги, и иные всякие, и зверя нерпа в нем есть же много; только жилья не много около Байкала, опричь не многих тунгусов,<sup>15</sup> которые питаются рыбою, потому что близ Байкала

пашенных мест нет, и живут по рекам в зимовьях промышленные люди зимою.<sup>16</sup> А лес около Байкала есть кедровник большой, и на нем орехов много, и иной лес есть же. А вода в нем зело чистая, что дно видится многие сажени в воде, и к питию зело здрава, потому что вода пресна. А простирается Байкал пучиною и длиною от востока к западу, а солнце возвышается на Байкале степень <...>; а зимнею порою мерзнуть Байкал начинающе около Крещеньева дни<sup>17</sup> и стоит до мая месяца около Николина дни, а лед живет в толщину по сажени и больше, и для того по нем ходят зимнею порою сан [я]ми и нартами; однакожде зело страшно, для того что море отдыхает и разделяется надвое, и учиняются щели сажени в ширину по три и больше, а вода из него не проливается по льду, а вскоре опять сойдется вместе с великим шумом и громом, и в том месте учинится будто вал ледяной; и зимнею порою везде по Байкалу живет под льдом шум и гром великий, будто из пушек бьет (не ведающим – страх великий), наипаче меж острова Ольхона и меж Святого Носа, где пучина большая.<sup>18</sup> А иноземцы все и мунгольцы, и тунгусы, и иные – называют все байкальское море своим языком Далай,<sup>19</sup> се есть море, и иноземцы только двух озеров великих называют Далай одного Байкала, а другого, из которого течет река Аргунья, и о том где опишем реку Аргунью, и том учьем писать, а ныне опять напишем Байкал. И имя того Байкала видется что не русское, а называли его тем именем по имени некотором иноземца, который жил в тех местах.<sup>20</sup> А Байкальское море объезжают кругом мелкими судами многие недели, и мы здесь будем описать его кругом от устья реки Ангары, далее опять до устья реки Ангары, потому что кругом объехать его мало что не будет величиною Хвалынского моря,<sup>21</sup> которое в Астрахани, и против Черного моря, которое идет к Царьграду. И от реки Ангары едучи по правую сторону многие днища<sup>22</sup> пристанищ нет до самого Култук, только утесы каменные дощаты,<sup>23</sup> и для того большими судами ходу нет, только мелкими судами ходят, для того как живет погодие великое, и суды мелкие таскают на берег; а на самом Култук есть река Култушная<sup>24</sup> и там пристанища; а Култук называют самый край узкий Байкальского моря, где [оно] скончается. А от реки Култушной многое место впадает река Снежная, и там пристанища; а называют Снежною для того, что в тех горах стоит снег зимою и летом не тает,<sup>25</sup> и оттуда река третья – река Выдряная, и пристанища днище плыть от Снежной, а называют Выдряною для того, что выдры и бобры ловят по ней много. Четвертая река и пристанища Переемная, а слывет Переемная для того, что стоит ровно против уситя ангары реки, и те, которые хотят перебежать море через, от Ангары парусом

бегут или перебегают прямо,<sup>26</sup> для того что тут море зело узко. Пятое пристанище и река Мишиха, днище от Переемной. Шестая река и пристанище – Мантуриха, днище от Мишихи. И по тем рекам по всем зимовье промышленных казаков, которые промышленяли соболи. Есть же седьмое пристанище – озеро Прорва, от Мантурихи днище; а слывет Прорва для того, что море прорвал берег на перестрелку и учинил озеро, а величиною кругом верст на 10 и больше, и в то озеро впадает река Большая, имя Ея,<sup>27</sup> и в той реке рыбы ловят бесчисленно много, и ежегод приходят дощаники из Братского и из Иркутского [острогов], и наполня [ю]т дощаники всякою рыбою. И от Прорвы версты за 3 есть Посольский мыс, а слывет для того, что на том мысу при берегу морском стал с судном в прошлых годах сын боярский, который был послан с посольством к мунгальскому хану и там убит от братских иноземцев.<sup>28</sup> И от того мыса есть дорога, которая идет сухим путем на конях до селенгинских заимок и до самого Селенгинского острога, и направо от того мыса есть степь, и там живут братские ясачные люди,<sup>29</sup> которые платят ясак в Селенгинский острог. А от Прорвы едучи с днище вверх будет до большой Карги,<sup>30</sup> а Карга слывет мыс песочный, большой, который простирается в море далеко до третьей доли моря,<sup>31</sup> и подле его вода мелкая и карги многие, и то место объезжати зело трудно, и нигде нет Байкальского моря уже [другого] такого места, и по обоих стран те карги объезжати будет верст на 12, и обходят те карги шестью и греблями. И за каргами сор великий и кругом его будет больше двадцати верст, и там в сору суды опускают якори и стоят в пристанище без страху морского погодья, потому что в сорах вода мелкая; и для того сора вода с морем мешается; из того места ехати сорами подле моря с днище до нового устья Селенги реки; и те сору хотя великие, однакоже не глубокие, и можно с судами стояти и якори метать везде по тем сорах; потому погодье из моря не захватит, а около тех сор сухих мест и пристанища нет, только болота везде.

А от усть Селенги реки до Сухой реки ходу 2 днища, и тут пристанище ж; а от Сухой реки до Кики реки ходу днище, и тут пристанище ж. А от Кики реки до Турки реки ходу 5 днищ и тут пристанище ж. А от Турки реки до озера Котакина<sup>32</sup> ходу днище, и тут пристанище ж. И от того озера в реку Турку впал исток от того озера до реки Максимихи ходу по два днища, и тут пристанище ж. От реки Максимихи до реки Баргузина ходу днище, и тут пристанище ж. А река Баргузин - река великая, а по ней ходу до Баргузинского острога 5 днищ, и в Баргузинском остроге живут енисейских служивых людей 50 человек, и начальник над ними есть дворянин московский; и в том месте приходят

дощаники с запасом из Енисейска и торговые люди через море и ходят в Дауры запасы для служивых людей, а торговые – для торгу,<sup>33</sup> а из Баргузина ходят для Теленбинского и до Нерчинского [острогов] сухим путем верблюдами кон [я] ми чрез превысокие горы, камени<sup>34</sup> и леса и болота, с великою трудностию ходят, [другого] такого нужного пути нет; а ходят от Баргузинского до Нерчинского острога 2 недели и больше; да и через море покамест приедут из-за моря, с великим страхом приезжают, потому перенимаются чрез море на остров Олхон и подле острова ходят днище; а от острову Олхону до Святого Носу, где перенимаются, пучина великая, насилу в полтора днище могут перениматься, и для того в тех местах многие суды разбивают. Из Баргузинской реки до Чиверкутской губы<sup>35</sup> ходу 2 днища, и та губа вышла из моря. А от губы до Зырянки реки, где зырянское зимовье, ходу 2 днища. А от Зырянки речки до Большой реки ходу 3 днища. А от Большой реки до Оленковой реки ходу днище; а по тем рекам по всем пристанище есть же. А от реки Оленковой до реки Половинной ходу 5 днищ. А от реки Половинной до верхней Ангары [ходу] 6 днищ. И река Ангара именуется к разделению к нижней Ангаре реке, которая течет из Байкала, а река верхняя Ангара – река великая, и по ней есть острожек небольшой и зимовья многих промышленных [людей] и енисейских казаков. А река Ангара впадает в море тремя устьи; здесь другой култук<sup>36</sup> Байкальского моря, и есть край. А от верхней Ангары до реки Катугины ходу 2 днища, и тут пристанище; а от реки Бугулдейхи до губы песчаной ходу днище, и тут пристанище. А от реки Бугулдейхи до реки Голоусной ходу днище, и тут пристанище. А от реки Голоусной до усть Нижней Ангары реки ходу днище ж. И здесь скончается описание круг Байкальского моря от усть Ангары и опять до усть Ангары. Только от верхней Ангары до усть Нижней Ангары везде подле моря утес каменный и горы высокие иместа самые страшные, и для того не так часто разбивает, а по Селенгинской стране земля низкая, и для того суды часто разбивает; а тот камень, который идет возле Байкала и верхней Ангары начинается от Северного Окиянского моря до устья Енисея реки, где она] впадает в море с правой стороны и идет по Енисею реке и по Тунгуске и по Ангаре и потом по Байкале и по верхней Ангаре и оттуду прямо протисрается и идет до Окиянского моря, и в море также прошел будто стеною, и никто его конца не знает, и проведать нельзя: льды и опгодья не пустят; и сказывают, что камень идет до самого западного Индии<sup>37</sup> до Нового Света,<sup>38</sup> но о том камени и об иных опишем во описании великой реки Амура.

(В последующих номерах «Баргуджин-Токум» мы



продолжим изложение путевого дневника Николая Спафария, дав его очерк о реке Селенге и её окрестностях).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Исток реки Ангары из Байкала русские землепроходцы XVII столетия часто именовали устьем, имея ввиду их передвижение судами от устья (впадающего в Енисей) до истока.
2. Спафарий имеет ввиду северную часть акватории Байкала, которая от истока Ангары тянется на более чем 500 километров.
3. Между истоком Ангары до Танхоя ширина Байкала составляет 40 км., но это не самое «узкое» место в акватории.
4. Термин «для того» в XVII-XVIII вв. понимался как «поэтому».
5. Супротивный ветер – противоположный, встречный движению судна, когда нельзя было идти под парусами. Спафарий на судах переждал непогоду близ нынешнего села Никола в истоке Ангары.
6. Дошаник – так именовались русские плавучие суда XVII столетия, ходившие под парусами и греблями; как правило, они вмещали до 30 человек, и при 60 веслах могли легко передвигаться и вверх по течению рек.
7. Дошаник дворянский, это тот, на котором плыл сам посол Н.Г. Спафарий. Судя по аналогиям, он имел на корме каюту.
8. Прорва - нынешний Култушный залив Байкала южнее устья реки Селенги, близ с. Посольского.
9. Карга - галечно-песчаная коса, отделяющая залив от открытого Байкала, образуемая волнобойной деятельностью. В данном случае Спафарий упоминает Бабыю карту в южной части дельты Селенги, вблизи современного села Истомино.
10. «Наносная деревянная карга» - это завал из присеченных рекой Селенгой деревьев и кустов, образующих непроходимые участки в протоках и мелководьях.
11. «Материнская земля» - это земля материковая прибрежная сухая часть за низинными болотами дельты Селенги.
12. «Большое Окиянское море» - судя по тексту, Спафарий имел ввиду северный Ледовитый океан, в который впадает река Енисей.
13. «Мешается и с большим морем». Н.Г. Спафарий этим выражением дает понять, что по своим природным характеристикам озеро байкал похоже на море.
14. Спафарий упоминает историю с казачьим отрядом Курбата Иванова, который в поисках Байкала в 1643 году вышел по р. Сарме к Малому морю, и, построив суда, переплыл на остров Ольхон. Местные буряты дали бой, укрывшись в скалах, но были выбиты оттуда и бежали. По Спафарию, с 1643 по 1675 год остров Ольхон оставался безлюдным.
15. Тунгусы – старинное этническое имя эвенков.
16. Промышленные люди – категория первых российских жителей Сибири, занимавшихся промыслами, в данном случае охотников и рыболовов. Существовало 4 категории: служилые люди, промышленные, крестьяне и «гулящие» (т.е. не нашедшие себе занятия).
17. «Крещеньев день» - православная дата середины января: Байкал действительно покрывается льдом не ранее середины января.
18. Упоминание о сверхглубокой точке Байкала между островом Ольхон и Святым Носом – одна из загадок в дневнике Николая Спафария, ибо отметка в 1641 метр была впервые обнаружена лимнологической экспедицией Г.Ю. Верещагина в 1931 году при помощи приборов. Но каким образом об этом догадались люди в XVII столетии? Ведь и в южной половине акватории Байкала глубина не меньше,

уступая не более чем на 200 метров, но об этой точке не говорили, что она равная той, что имеется близ острова Ольхон.

19. Спафарий не совсем точен: эвенки именовали Байкал словом Ламу, тогда как монголоязычные – Далаем.
20. Происхождение названия озера Байкал от «некоторого иноземца, жившего в этих местах», неверно. По-тюркски Бай-кель – «Большое озеро», и есть факты, что такой гидроним могли дать жившие на его берегах тюркоязычные курыкане – общие предки западных бурят и части саха-якутов. Происхождение от монгольского Байгал («Стоячий большой огонь») сомнительно, ибо катастрофические геологические явления, связанные с тектоническим разломом Байкальской впадины, происходили десятки миллионов лет тому назад.
21. Хвалынское море - Каспийское
22. «Днище» - это один день перехода
23. «Присты» - слово непонятное.
24. Река Култушная – не путать с рекой Култушной, впадающей в Култушный залив южнее дельты Селенги. В данном случае это небольшая река, текущая из Тункинской долины мимо современного села Кулгук в южной оконечности Байкала. В её устье, защищенном скалистыми Шаманским мысом, действительно есть хороший отстой для мелких судов от морских штормов.
25. Объяснения названия реки Снежной от наличия снежных пиков хребта Хамар-Дабан, от которых она истекает, не совсем верно. На самом деле западный склон хребта отличается летом частыми дождями, а зимою – обильными снегопадами. Толщина снежного покрова достигает нескольких метров, составляя природную аномалию в Восточной Сибири, и наибольшей мощности покров этот имеет в долине реки Снежной, русло которой не только разделяет Хамар-Дабан поперек, но и на значительном расстоянии вдоль. В этих замкнутых котловинах накапливающийся снег не сдувается ветрами.
26. Возможно, первые путешественники пересекали Байкал по прямой линии из истока Ангары в Переемную, но в последующие столетия наибольшей популярностью пользовался маршрут: исток Ангары – Голоустная – Прорва (или непосредственно устье Селенги).
27. Реки Ея на современных картах нет. Из двух рек, впадающих в Култушный залив (Абрамиха и Култушная), под Еяй можно подразумевать реку Абрамиху, поскольку название недавнее, русское, а Култушная – древнее, исконное.
28. Спафарий имеет ввиду убийство части Российского посольства к забайкальско-монгольским ханам во главе с Ерофеем Заболоцким, случившееся в октябре 1650 года.
29. Компактное жительство «ясашных бурят» до сих пор существует в степи устья Селенги левее, а не правее Посольского мыса, как об этом указывает Спафарий.
30. «Большая Карга» - это современная «Бабыя карга», см. № 9.
31. «Третья доля моря» - это дельта реки Селенги, вдающаяся заболоченным низким мысом на третью часть акватории средней части Байкала, протяженностью от береговой общей линии на 18 километров.
32. «Озеро Котакин» - это современное озеро Котокель.
33. В связи с открытием Нерчинской зарубежной торговли (на вторую половину XVII века и до 1727 года единственного пограничного пункта с таможенной) русские купеческие грузы в Китай шли только через Даурию. Соответственно у Спафария речь идет о двух видах караванов, следующих через Байкал – торговых и тех, что везли служилым казакам казенное жалование: хлеб и соль.
34. «Камень» - так в старину именовали любой горный хребет.
35. «Чиверкутская губа» - это Чивыркуйский залив между Святым Носом и Баргузинским хребтом.
36. «Другой Кулгук». На Байкале существуют несколько

«култуков»: на тюркском языке слово это обозначает «тупик, угол, край; подмышка». Так еще курыкане обозначали участки акватории Байкала, адекватные современному понятию «залив».

37. «Западная Индия» - современный Индостан.

38. «Новый Свет» - открытый Х. Колумбом Американский континент.

Джон Браун

## БАЙКАЛ

Джон Крамбл Браун – сотрудник Лондонского миссионерского общества в России, пастор Британской и Американской конгрегационных церквей в Санкт-Петербурге. Через него проходила вся корреспонденция членов Английской духовной миссии из Забайкалья в Великобританию, которую он перечитывал и делал выписки. На их основе Браун издал в Кейптауне книгу «First – Fruits of a Mission by the Revs. Messrs. Yuille, Stallibras, and Swan, Agents of the London Missionary Society» (Cape – Town, 1847) - «Первые плоды миссии в Сибири миссионеров Юиль, Сталибрас и Сван – агентов Лондонского общества». Книга представляет большую редкость: даже в Англии она известна в единственном экземпляре, а в России она никогда не издавалась.

Из этой книги мы перепечатаем сведения, в которых автор приводит известную на то время за рубежом информацию об озере Байкал. Дж. Браун поясняет, что его очерк о сибирском озере-море основан на Эдинбургской энциклопедии (год издания не указан). Но эта энциклопедия также неизвестна российским, а тем более, забайкальским краеведам.

\*\*\*

Байкал - озеро, расположенное на территории Сибири, в правлении Иркутска, подобно Каспийскому морю является одним из самых больших водоёмов Российской империи.

Этому озеру нет аналогов в мире, рассматривая великолепие пейзажей или неповторимые явления природы, которые можно наблюдать как на самом озере, так и в его окрестностях. Люди, посетившие это место, не могут описать словами пережитые ими чувства. Преодолев огромное расстояние страны, которое не определяется ни озером, ни морем, путешественник, наконец, достигает до горной цепи, которая, образуя, огромный амфитеатр, закрывает озеро от поля зрения, а при сильном шторме и шуме волн иногда, можно ощутить могущество океана. При тихой погоде дно бывает таким прозрачным, что оно напоминает зеркало.

Следы этих огромных потрясений, которые тревожили мир, заметны каждый год. Охота на животных начинается в апреле. Они собираются большими стаями там, где бывает быстрое течение или теплые источники воды, делают ущелья во льду и часто выходят из воды, чтобы погреться и поспать на солнце. Охотники, которые хорошо знают повадки животных, садятся в маленькие сани, прикрывшись белым одеялом, они едут к тюленям,

не пугая их. Вооруженные мушкетрами, они приближаются к животным на расстоянии возможности выстрелить без промаха. Другой метод улова животных разработали, когда господин Бэлл из Антермони посетил эту местность. На определенном расстоянии во льду были проделаны отверстия, сети протягивали от одного отверстия к другому с помощью длинных столбов.

Тюлени, которые не могли оставаться подо льдом долгое время, вылезали в это отверстие подышать воздухом. Таким образом, запутывались в сетях, становясь легкой добычей.

Самая важная рыба в озере омуль, которая благодаря своему качеству и изобилию, является хорошим подспорьем в жизни аборигенов. Размеры омуля зависят от места его обитания. В устье реки Селенга, пойманный омуль редко достигает более двух пядей в длину, а тот, который можно часто встретить в заливе Чивиркой, по мнению Пелоса, представляет собой особь огромных размеров. Хотя Пелос<sup>1</sup> и не дает точное описание параметров рыбы. Омуль очень похож на сельдь, но Гмелин утверждает, что единственная их схожая черта - блеск чешуи. Эти рыбы требуют деликатного обращения и погибают сразу после их улова. Их мясо - белое и нежное. Время отлова рыбы обычно приходится на октябрь, вместо того, чтобы их засолить, рыбаки оставляют их замерзать на морозе, позволяя отправить их в свежем виде на разные рынки, и продать их по более высокой цене.

К середине августа они начинают разделяться на мели и подниматься по рекам в целях нереста. Рыбы обычно возвращаются в те потоки, где они родились.

Косяки этой рыбы можно увидеть у устья некоторых рек, впадающих в Байкал, но они никогда не заплывают внутрь этих источников. Рыбы медленно плывут вверх по направлению реки и останавливаются в том месте, где более медленное течение. Когда они доплывают до льда, то им приходится повернуть назад. Натуралисты назвали этих рыб «*Salmo migratorius*», и они не ограничены только Байкалом. Изначально приплыв из Ледовитого океана по Енисею и другим рекам. Кроме выше представленных, есть и другие виды, которые встречаются в Байкале. Такие, как: осётр, карп, линь, менога дьявола (натуралисты называют *salmo oxuirtinchus*) и ленок, названный «*salmo salvelinus*».

Рыба этого озера выращивается на ферме, что очень продуктивно и ценно, её ловят всё лето, ставят сети на глубину двухсот сажень. К ним прикрепляют прочный шнур, длиной в тысячу пятьсот

футов. Эту сеть тянут с помощью полотна, к которому прикреплен шнур. Палас<sup>2</sup> описывает сеть, которая подобным образом работает на Байкале, похожая на сети, применяемые в лососевом промысле. Он говорит, что сети образуют некоторое крепление, которое уходит несколько саженей в воду. В конце этого крепления расположены другие два маленьких размера, образующих овалы камеры и парк, опускающиеся с берега. Рыба, входя в «парк», начинает двигаться к камерам, по углам они находят отверстие, чтобы можно было пройти в камеры, в свою очередь, рыбы не могут выбраться, потому что ветки или палочки направлены на отверстие, как и в сети. Это изобретение называется Корст. О нём нигде больше не знают.

Байкальские горы идут почти в том же направлении, что и озеро, пролекая по обеим его сторонам с юга на север и северо-восток, на западе образуя огромную болотистую степь или равнину; на восток горы простираются от устья реки Лена, по обеим сторонам реки, сокращаются в огромный хребет, который обычно очень высокий и скалистый, состоит частично из гранита, частично из камня и известняка. Уголь часто встречается в нижних регионах рек Ангара и Лена, где расположены горы. Ветвь этих гор проходит на запад через регион между Подкамна<sup>3</sup> и Нижняя Тунгуска, за Енисеем; эта ветвь возможно состоит из флёт. Вдоль северовосточной стороны Байкала протекает верхняя Ангара и река Витим, где расположены знаменитые залежи стекла Мускови,<sup>4</sup> гора полностью состоящая из гранита. Еще мало изучены минералы этих гор. Основные открытые минералы: уголь, асфальт, сульфат, природный сульфат, алюминий, обычная соль, lapis lazuli,<sup>5</sup> стекло Мускови, сердолики, прусское синие и другие образцы железа, меди и свинца. Некоторые из Байкальских гор такие высокие, что постоянно покрыты снегом. Некоторые склоны, возвышающиеся над поверхностью озера, состоят из твёрдого белого кварца. Хотя горы бывают частично голыми, они обычно покрыты лесами, там множество пейзажей, которые не менее красивы, чем возвышенности. Они содержат источники многих знаменитых рек, главные из которых - Селенга, Ангара, Лена, Вилни<sup>6</sup> и Тунгуса.<sup>7</sup>

Комментарии к тексту:

1. Пелос – академик П.С.Паллас, изучавший животный мир Байкала.
2. Палас – П.С.Паллас.
3. Подкамна – р.Подкаменная Тунгуска.
4. Стекло Мускови – слюда «мусковит», употреблявшаяся заменителем оконных стекол в Сибири.
5. Lapis Lazuli – латинское название байкальского лазурита.
6. Вилни – вероятно, р.Витим.

7. Тунгуса – Подкаменная, или Нижняя Тунгуски.

**СИБИРСКИЕ ПЛЕМЕНА**

Сибирь - страна, которая включает в себя всю северную границу Азии, входит в состав территории России. Поэтому иногда её называют Азиатской Россией. Она занимает огромную территорию, простираясь с севера на юг на 1200-2000 миль, а с запада на восток почти на 4500 миль.

Уральские горы разделяют Сибирь от России в Европе, и от Оренбургской и Астраханской провинций, Алтайские, Саянские и Яблонайские горы отделяют Сибирь от Татарстана и территории Китая. Далее начинаются Северный Ледовитый и Восточный океаны, которые граничат на севере и востоке.

Сибирь населена многочисленными племенами, разделена на провинции или [губернии] Российской Империи <...>. В [губернии] Иркутска <...> население 400 000 человек <...>: 58 097 бурята, 50 008 якутов, 14 480 тунгусов, 1784 камчадалов, 1224 кориаков, 545 карагачей, 505 юкагиринов, 100 курилов и 46 олаторианов и племенах, в большей или меньшей степени сходных с обычаями кочевников.

Буряты чаще всего встречаются недалеко от озера Байкал, далее на юг, к Манжурскому Татарстану, та линия, которая разделяет империи Китая и России, проходя через границы населённой ими страны и количество таких субъектов.

В 1787 году около 6000 якутов мигрировали со всем своим имуществом к китайской границе,<sup>1</sup> большая часть этого племени находится на севере от бурят. Ранее у них во владении много лошадей и рогатого скота, у некоторых было 20 000, а сейчас, ни у кого нет и одной десятой этого количества.

Тунгусы странствуют по огромной территории страны от устья реки Амур до озера Байкал, от Охотского моря до Ледовитого океана. Они постоянно ищут диких животных, и редко остаются более 20 дней на одном и том же месте, хотя их палатки можно перемещать только на несколько ярдов. Они предпочитают горные регионы и редко посещают места, которые часто посещают якуты.

Другие племена живут больше на востоке, все находятся в подчинении России. Единственное племя в самой восточной части Азии долгое время не признавало власть русских, желая вступить с ними в союз. Они называются чукчи, но их количество и территориальные пределы не так велики, что не возможно понять их настоящее положение.

Некоторые из племён имеют монгольские корни, и многие из них всё ещё находятся под духовным влиянием шаманов. Ламаизм быстро и интенсивно

распространяется среди них, и я думаю, что возможно преобладала другая религии, возможно, чистый атеизм.

Почти все путешественники в Северной Азии (говорит мой уважаемый друг господин Свон, который много трудился в этом уголке мира, перед кем я в большом долгу за информацию о этих людях, как и уважаемый коллега господин Сталибрас) <...> встречали замечательные каменные памятники в различных местах. Их много недалеко от Селенгинска, которых около 20 на расстоянии мили от построенного дома миссионеров. Большинство из них состоит из множества грубых блоков, в форме продолговатого квадрата 8 или 10 футов длиной на 5 или 6 шириной. Говорят, что ничего ценного не найдено при раскопки этих мест, поэтому они остаются нетронутыми, а также есть предрассудки о существовании людей, которые пытаются сохранить эти места нетронутыми. Бытует поверие, что преступление откапывания камней наказывают, отмечая недовольство духов, покой которых нарушается - смерти или несчастья, виновника явно постигнет что-то серьёзное.

Другие из этих древних памятников имеют форму круга около 20 ярдов в диаметре, состоящих из больших неправильных камней, закопанных в земле. Таким образом, можно найти круг более маленького размера, а в центре камни расположены вне всякого порядка.

Эти круглые камни мало, чем похожи на Стоунхендж и Авенбэри. Эти строения обычно соорудились в целях наблюдения за обрядами друидов. Но так как я ничего не могу открыть по вопросу поклонения друидов, здесь много противоположного и я полагаю, что они были созданы для некоторых религиозных церемоний, которые праздновались на земле наших отцов до распространения вероисповедания друидов, так как там не было ограничений присутствия на обрядах идолопоклонства. Возможно там наши праотцы поклонялись истинному Богу, и развалины, возможно, являются бывшей территорией древних храмов, возведённых для поклонения на севере.<sup>2</sup>

#### Комментарии к тексту:

1. Факт массовой миграции в 1787 году 6000 якутов к «китайской» границе в Приамурье в истории неизвестен. Вероятно, речь идет о переселении во Внутреннюю Монголию баргутов, но такой большой цифры эмигрантов не имели и они.
2. Речь идет о древних археологических памятниках близ Селенгинска, которые сохранились и по сей день. Квадратные надмогильные кладки относятся к так называемым «плиточным» некрополям, а круглые – к керексурам. Все они датируются бронзовым веком. Данный отрывок показывает, что английские миссионеры живо интересовались и местной археологией. Попытка Дж. Брауна связать их с обычаями друидов несостоятельна, ибо

последние бытовали в Великобритании.

#### ЖИЗНЬ МЕСТНЫХ БУРЯТ

Буряты - кочевнический народ, каждое сообщество или более мелкое племя которых живёт в трёх или четырёх уделах, на которых у них расположены нужные пастбища - так что их можно найти в том же месте при возвращении в определённое время года. Поэтому они живут в юртах, сделанных из фетра, сделанные следующим образом. На землю разлаживали две или три шкуры, а поверх их множество шкур располагалось по порядку. Их сбивали или притаптывали для плотного соединения. Когда таким образом шерсть становилась массой, то оси из перьев, со всех сторон покрытия, предотвращали отделение, и при выделении влаги, она более скреплялась и образовывался фетр недоступный для ветра или дождя. Когда готовили кусок фетра достаточного размера, его прикрепляли на круговые столбы вбитые в землю, сохраняя форму жилья одинаковой и зимой и летом.

Одна из моих друзей, посетив бурятскую семью, описала свой первый визит, что оставило лучшее впечатление от того, которое у меня сложилось по поводу внутреннего содержания бурятских юрт.

Во дворе за одним зданием почты, в котором мы отдохали, было несколько бурятских юрт. А так как я их никогда не видела раньше, господин Свон сводил меня в одну из них на несколько минут пока варили чай. Когда мы вошли, мать этой семьи была в доме в окружении нескольких детей, с грудным ребёнком в колыбели.

Юрта была намного меньше, чем в моём представлении она должна быть, чтобы вместить в себя такую семью. Она имела круглую форму и низкую крышу, вход или дверь были такими низкими, что нам приходилось сильно нагибаться на входе. Стены в таких юртах одинаковой высоты с дверью, но стена сильно возвышается в середине, в которой есть большая дыра, через которую уходит дым, и через которую поступает свет. В центре юрты - огонь, между людьми и огнём оставлено место для прохода - всё свободное место. В каждой юрте, напротив двери, стоит столик с богами. Объектом поклонения обычно является изображение, тщательно завернутое на ролик, положенное в столешницу стола, покрытое множеством медных чашек, наполненных водой, зерном и другим, которые с каждым днём обновляются как приношение богам. Эти чаши - единственные блестящие, чистые вещи в юртах. Около них в юрте также расположено молитвенное колесо на столе, около стола место для ламы, т.е. кусок дерева размером с большую табуретку, доста-

точно широкую чтобы вместить двух человек. Обычно её покрывают шкурой какого-то животного. В юрте есть ещё место, которое всегда предлагают тем людям, которые считаются в большем почёте, а все другие сидят на полу, скрестив под собой ноги по бурятскому обычаю. Я даже не могу найти слов, чтобы описать ту несчастную мать с детьми. Всё было чёрным от золы и жира. О! как сильно на нашу жалость и сострадание давят физические условия жизни этих бедных людей. Предмет, который привлекал больше нашего внимания, было младенчество, что ассоциировалось больше с гробом, чем с колыбелью. На ребенке не было ни какой одежды, кроме кусочка очень грязной овечьей шкуры. Колыбель состояла из четырёх дощечек закреплённых с помощью кожаных ремней, окутывая ребёнка, у которого было открыто только лицо, а руки и ноги были в таком положении, что ребёнок не мог пошевелиться. А когда ребёнок плакал, то вместо того, чтобы его вытащить из такой тюрьмы, его просто легонько качали кто-нибудь из старших братьев или сестёр. Госпожа Аберкомби, жена верующего из Караса, которая собиралась помочь в издательском доме города Селенгинск, была с нами. При виде несчастных детей у неё на глазах появлялись слёзы, как и у меня. Казалось что все дети были очень несчастными.

Господин Свон немного поговорил с этой женщиной, но понял, что она совсем ничего не знала. Возможно раньше она никогда не слышала проповедь Евангелия. Если бы она слышала бы этом раньше, то не придала бы большого значения. На её голове был коралл и нить жемчужных украшений, волосы разделены впереди, а сзади заплетены в косы. Единственно белым были украшения этой женщины её зубы - в контраст с её одеждой и кожей, которые были очень чёрными. Над огнём висел большой чайник с молоком без крышки, в которое время от времени попадали кусочки дерева или сажи. Я привлёк её внимание к этому, спрашивая о том, что было в молоке, надеясь, что она извинится за то, что молоко грязное. Но она ответила с безразличием - *химери* (кто знает). В юрте, казалось, всех комфортнее чувствовал себя телёнок в углу, так как около него лежало свежее сено, которое вызывало радость.

Они затем позвали Тайшаку, вдову Тайши главного из людей, у которых размещались миссионеры. «Её юрта» - мой друг продолжает говорить, - «намного больше любой другой, но в ней много мебели, как всё уже описывали. Одних коробок было очень много, они были красивее, чем у обычных людей, всё больших размеров и чище».

У Тайшака есть одна дочь, молодая девушка, которая с ней живёт. У них обеих одежда была

намного чище, чем у других бурятских женщин, но даже у них во многом оставалось только желать лучшего в этом аспекте, их одежда намного дороже, овечьи шубы покрыты материалом из китайского шёлка или хлопка, в то время как у других - только из овечьей кожи. Однако, главным отличием было количество коралловых украшений и их стоимость. Они также носят тайру из чёрного вельвета с украшением из кораллов или матери кораллов. Они носили множество бусинок в ушах и на голове, многие из которых были очень больших размеров. Бедная девушка была на вид очень невежественна. Выглядела очень глупо. Позже госпожа Сталлибрас попыталась быстро убедить её научиться читать и предложила стать её наставницей.

Девушка пришла только один раз, затем понимая, что с её стороны требуется приложить старания и быть настойчивой намного больше, чем ей бы хотелось, она не сделала второй попытки.

Чем больше мы видим этих людей, тем больше понимаем, какую пользу христианство им приносило в этом отношении, если они только относились искренне. В то время молитва не была отдалённой, когда бесплодная земля могла стать цветущей, и радоваться о влиянии просвещения христианской религии.

Тайшака принесла им чай. Но чай, приготовленный бурятами, как об этом уже говорилось, больше похож на суп, чем на напиток, название которого он носит. Листья этого растения прессуются, соединяются вместе во влажном состоянии, образуя кирпичики. А когда они становятся похожими на жирные упаковки, чем то, что я когда-либо видел, когда при пользовании отламывали кусочек, клали в котёл и варили с телячьим жиром, посыпали солью. Этот напиток, если его можно так назвать, подавали всем посетителям, в любое время суток когда они приезжали, некоторые были всегда готовы для выполнения этой цели.

Богатство бурят заключается в стадах. Не бывает совершенно неимущих людей, по крайней мере у каждого нищего есть одна лошадь на которой он может передвигаться по округе. Недалеко от юрты в земле находится столб, к которому привязана лошадь хозяина. Если ему потребуется проехать сто ярдов, он сядет на лошадь чтобы преодолеть эту дистанцию, а не пойдёт пешком.

Их собственности придаётся важное значение обычное приветствие, которое произносится на английском *How do you do?* (Здравствуйте) и на французском (*Comment vous portez vous?*) адресуется для каждого без учёта различий, не учитывая запрос об обстоятельствах жизни странника. Приветствие в форме вопроса имеет следующий смысл и порядок: «Как дела? Как твои

лошади? Как твой скот? Как твоя жена? Как твои дети?» - как будто здоровье жены и ребёнка считаются менее важными, чем здоровье овцы или лошади.

Низкое положение женщины в языческих странах - общее дело, а у бурят оно не менее выражено, чем у других. Однако, женщины больше всего связаны с предрассудками, признанными в стране, наиболее ревностны при вторжении в их ритуалы и обычаи.

Сильно преобладает безнравственность. Состояние людей нельзя описать лучше, чем это сделал апостол Павел, говоря о состоянии язычников своего времени. Не упоминая тех моментов, о которых даже стыдно говорить - я могу описать их как мёртвых для естественных вещей и в результате, они лишены радости. Один человек, которого считали искателем правды, страдал зависимостью от азартных игр. Так, заложив и проиграв весь свой скот и владение, он сделал ставку на своём единственном сыне, проиграл и отдал своего сына в рабство. Миссионеры знают и другого человека, который, проиграв всё своё имущество в азартных играх, под каким-то предлогом попросил одеяло из овечьей шкуры у своего старого отца. Проиграв, он оставил своего отца незащищённым от холода, как результат обмана и кражи со стороны его собственного сына.

Подобное происходит внутри семьи. Нет ничего необычного, что когда муж и жена ссорятся, последняя же, как только муж уходит из дому, спешит к ближайшему священнику в греческой церкви и просит, чтобы её срочно крестили. Священник, вероятно, захочет, чтобы она подождала, так как он знает, что вскоре придёт её муж. Он возвращается к себе домой, обнаруживает, что жены нет дома, предполагает, что она прошла к священнику, и он тоже отправляется туда, чтобы узнать там ли его жена. «Она крещена», - он спрашивает у священника, «Нет» - отвечает священник, - «Пока ещё нет». «Ну, я дам Вам корову, или две овцы, если Вы не будете крестить её». «О», - отвечает священник, - «Я уже готовлюсь крестить её и я не могу отказаться. Но я ещё подумаю. Если Вы мне дадите четырёх овец, я не буду этого делать». Таким образом, проходило несколько часов на обсуждение суммы за то, чтобы бедная женщина не была крещена. Но возникает вопрос, почему у неё появляется желание креститься. Она убеждена в истинности христианства? Нет, но она узнала, что по закону государства, ни какой власти не может быть у язычника над христианином. Если она примет крещение, а её муж будет с ней плохо обращаться, она может оставить его тогда, когда захочет. А почему она так сильно хочет, чтобы она не

крестилась? Это зависит от его убеждений? Нет, нет. Им двигает только коммерческое соображение. Если жена уйдёт от него, то ему будет нужно купить другую жену, в то время как священник может попросить у него две овцы, чтобы отказать его жене в крещении, а другая жена ему обойдётся в 4 или даже 6 овец! А почему священник откладывает крещение? Он подозревает, что у женщины есть какой-то мотив для этого. Он знает это, он знает всё, оттягивает время для того, чтобы поторговаться и что-нибудь получить для себя!

«У нас есть много примеров о твёрдых и бесчувственных сердцах язычников», - говорит один из моих корреспондентов. «Недавно я столкнулся с поразительной манерой 66-летнего старика, который часто слушал и читал слово истины. Узнав о его болезни, я пришёл навестить его, и во время моего последнего прихода, за несколько часов до смерти, полностью пребывая в здравом уме, всё его внимание было направлено на погребение, дам ли я ему ткань для того, чтобы завернуть его тело и досок, чтобы сделать гроб». Я отвлек его внимание на тему бессмертия, но он послушал меня несколько минут, а затем сказал, что Бог позаботится о его душе, а о теле нужно было позаботиться ему самому. Это была захватывающая сцена, а двое верующих людей, которых я взял с собой были очень впечатлены тем, что они увидели и услышали. Так сильно у бурят была страсть что-то получить, даже при смерти она появлялась. После того как я ушёл от него, за несколько мгновений до своей смерти, он попросил жену прийти ко мне и сказать, что он умер по нашей вере, и что и надеялся, что я приду и займусь вопросом его погребения.

Несколько дней спустя, я встретил другого старика, которому было более 70 лет, который сказал мне, что слышал, что я дал материю вышеупомянутому человеку, и надеялся, что я сделаю то же самое для него. Я пытался рассказать ему о том, что нужно больше внимание обратить на важность его души. Я сказал ему, что над этим подумаю, если он согласится принять меня в своей юрте. Он колебался. У меня были основания считать, что то о чём он говорил, было лишь некоторым предлогом... Я настаивал на том, чтобы он рассказал мне правду. Он признался, что боялся оппозиций и гонений со стороны своих соседей и других. Я напомнил ему о том, кого ему надо больше бояться, и что он скоро предстанет перед Ним и будет судим за те дела, которые делал во плоти. Примерно месяц назад я узнал, что он был болен и по приглашению я пришёл навестить его. Он вероятно страдал от апоплексического приступа. Я дал ему лекарство, и хотел сделать что-нибудь ещё для него, но было уже поздно. Он пролежал почти трое суток после

первого приступа, и я часто приходил к нему. Он ни открывал глаза и ни говорил, ни осознавал, что происходит вокруг. Он слышал много, много понимал, а однажды он разошёлся во мнениях, он отвергал Божье присутствие в своей жизни. Такие вещи заставляли нас горевать о их жестокосердии и неверии, они также решали насадить ревность и поиск в наши сердца, так как с нашей стороны ничего не отсутствовало, мы сделали всё, что могли были сделать, чтобы они ухватились за Евангелие. Если Ты Господь будешь замечать несправедливость, то кто устоит?

### ШАМАНИЗМ В СИБИРИ

Шаманы - священнослужители у которых, по крайней мере, есть сила священника и навыки врача, и таким образом они держали в подчинении сибирские племена. Их одежда обильно украшена мистическими кольцами и символическими металлическими фигурами, которые при движении звенят. Шаманы также носят бубен, маленький барабан в форме котелка из двух деревянных чаш скреплённых на дне, с кусочками пергамента, приклеенные около рта и по бокам. Барабан состоит из двух маленьких кожаных шариков, висящих на определённом расстоянии, и крепкая лента, обычно украшенная кораллами, пронизывающая инструмент в месте соединения кнопок. Лента предназначена для держания барабана, а шарики, быстро ударяясь о пергамент, издают резкий дребезжащий звук. Шаманы таким образом сообщают о своём приближении, произнося заклинания, при самых экстравагантных жестах произносят свои предписания, дают свои предписания.

Сто лет назад в стране было много таких шаманов, но не было ни идолопоклоннического священника, ни единого языческого храма не украшали землю, было множество языческих храмов за снежными просторами Сибири, в этих храмах по меньшей мере 4000 священнослужителей буддийской веры, а обращенных прихожан было 300 000 из жителей Сибири.

Предполагалось, что в Сибири 500 000 человек исповедовали шаманизм.<sup>1</sup>

Буддийские священнослужители - ламы, священники, изначально прибыли из Тибета. Они в значительной мере сместили шаманов, и привили свои обряды и предрассудки своим последователям. Сейчас во многих местах колокольчик ламы и барабан шаманы сочетаются вместе. Эти две системы несравнимы друг с другом.<sup>2</sup> В шаманских обрядах не упоминается о грехе, ни какие служения не исполняются при атмосфере прощения, или избегания будущих страданий. Все шаманские

действия посвящения исполняются с целью достижения временного добра или избегание временного зла. Система ламаистской веры предполагает восполнение недостатка, обещание будущего счастья посвященным. В связи с этим её одобряют многие шаманы как ценное дополнение в религии.

Но хотя эти две системы несравнимы друг с другом, каждый, кто знаком с принципами буддизма могут представить себе гетерогенные предрассудки при смешивании шаманизма с тибетским буддизмом.<sup>3</sup>

Главные объекты шаманского поклонения *Тенгри, небеса*, или силы воздуха.<sup>4</sup> О Тенгри также говорится в книге Лам, говорится, что их количество тридцать три.<sup>5</sup> В книгах лам говорится, о четырех из них, которые отличаются от остальных и именуется «Четыре махараня». Они сопровождаются изображениями, но у шаманов нет картин или презентаций о Тенгри.

Для Тенгри молитва представляется посредством «курда» или молитвенная машинка, которая представляет собой большую бочку или цилиндр, наполненные письменными молитвами, по центру проходит веретено, и к нему прикреплены байдарочные доски, похожие на маслобойки, а на верху веретена прикреплены пересекающиеся между собой палочки. Держась за них можно ходить вокруг цилиндра или бочки, тем самым, сливаясь с потоком всех молитв в машине. Эти ходатайства достигают адресата.<sup>6</sup>

Иногда эти устройства размером с обычный барабан почти не останавливаются, так как некоторые женщины, желая стать очень благочестивыми, отбивают сидя за ними молитвы весь день. Они тянут за шнур, прикрепленный к маленькому рычагу, который заменяет взаимно пересекающиеся палочки более больших машин.

Случается, что молитвы, написанные на маленьких кусках бумаги, прикрепляют к длинному шнуру, подобно тому, как делают «хвост» летучего змея. Его прикрепляют ко столбу или дереву, для того, чтобы ветер мог двигать эти записки. Временами простой бумажный обрезок подвешивают в то место, где он доступен не только ветру, но и людям, приводящим его в движение. Бывает, эти записки подвешивают на маленькой ветряной мельнице, где постоянно происходят движения, при этом поклоняющийся человек получает удовлетворение нужд.

Ламы и шаманы наблюдают болезни человека от зловещего влияния «Эрлич Чан», бог ада, который ищет жизни, каждого, обидевшего его.<sup>7</sup> Они считают, что этого бога можно обмануть, обеспечив выздоровление страдающего. Таким образом, они пытаются сделать следующий прием: много соломы завертывают и одевают в одежду больного



человека, положив в районе его кровати, на его место. Затем кто-то бьет эту куклу ножом и её выбрасывают в огонь за юртой. При этом обряде «Золик» считается, что бог будет обманут, и отомстив до конца своему обидчику, направится в другое место. А больной - исцелится. Если же будет обратный эффект - то можно предположить, что Тенгри увидел их план и не поддастся обману.

Буряты говорят, что в Монголии и Тибете этой обычай представлен следующим образом: когда богатый человек заболевает, то его родственники вместо него, покупают, или силой и обманом приводят другого человека, предлагая его в жертву богу, как более приемлемую и доступную.

Схожесть этого обряда с подобными на Цейлоне, в некоторых его районах, а также схожесть причин его проведения на Цейлоне и проникновение в Сибирь из Тибета, возможно, обусловлены представлениями буддистов, согласных с политикой шаманских учений, и его проникновения в Сибирь из Тибета. Я думаю, что возможно буддисты его представили в той стране, и примирились с политикой шаманских учений. В Цейлоне болезнь также считают влиянием злого духа, больного часто приносят к дереву, и состриженную часть его волос прикрепляют к голове петуха. Её прибивают гвоздями к дереву, и затем отрывают от туловища, но волосы человека остаются на голове птицы. Предполагается, что демон выйдет из тела человека и завладеет деревом. Главная цель людей в этом обряде, по их словам, обмануть дьяволов, так как не является возможным привлечь их к состраданию. Также в достижении этой цели используются несколько других методов, среди которых: изготовление глиняных образов, которые представляют заболевшего человека. Это «подобие» выносят из дома, как настоящий труп, а больного увозят в другое место. Таким образом, ненависть дьявола направлена на поиск другой жертвы. Это правило, на которое я ссылаюсь.

Кроме Тенгри у бурят сейчас есть идолы или так называемые, домашние боги, которым они поклоняются. Это - два маленьких куска черной овечьей шкуры, длиной около 9 дюймов, с необрезанной шерстью. На голове корона, с божественным благословением на искренность и единство, сделанная из куска черной материи или кожи, вместо глаз - 2 синих бусинки, а к ним прикреплена похожая фигурка меньшего размера. Этих идолов называют «Заячи», а иногда «Онгуны».<sup>8</sup> Маленькие фигурки называются их детьми, один из них «Тиачин», или мальчик, другая - «Эрке», или черная девочка. Во многих бурятских юртах, таких идолов вешают на верёвке на стену. Им приносят различные подарки, а иногда дарят трёх овец. Когда это делается, овец прикрепляют к

трём длинным столбам, концы же столбов находятся в земле напротив юрты. Животные остаются в таком положении, пока птицы не склюют их, и ничего не останется кроме костей. Также до тех пор, пока столб не сгниет и не упадет. Одновременно этому, в юрте убивали овцу, поместив труп перед идолами. Всю ночь исполняют шаманские танцы и кричат громким голосом, пока множество людей не соберётся на этот праздник. Затем натирают черные лица идолов мясом, так как считается, что этим их кормят. Потом эту баранину едят люди.

В начале лета, когда они начинают делать масло, они берут первую часть масла и натирают лица идолов, то же самое делают с творогом, в то время, когда готовят сыр. А когда телится корова, производят те же действия с первым молоком. Когда же закалывают вола, овцу или лошадь «на мясо», идолам растирают кусок мяса на лица.

Таковы «боги» и поклонение им у бедных деградированных шаманов и их последователей. Они опустились так низко, как только могли, подобно миллионам на других территориях. Не странно ли, что христианская церковь поднимается не как один человек, а является результатом человеческих усилий, и длительные молитвы могут влиять. Во всём есть наставление через христианские истины. Мы ожидаем, что, только благодаря им, тьма рассеется! Но почти все ищут оправдание себе.

«А разве для тебя ничто все те, которые проходят,  
И нет ли такой же как у нас печали?  
Оставь нас одних, - может ад ответить -  
Оставь нас для пожирающих злых духов  
Оставь нас для большего или меньшего отчаяния  
Оставь нас для ненависти жизни и мрака смерти  
Оставь нас, чтобы испытать чашу горького осознания» -  
Оставь нас, чтобы не ведали мы то, что говорит нам Бог,  
Оставь нас, но на последнем же дыханье перед смертью  
мы проклянем тебя!  
Прочь сентиментальные слёзы,  
Пролитые о страдальцах, которых не знал мир!  
Волшебный роман за замком,  
И там мы музицируем о трагической сцене;  
Изысканная боль! Когда же, наконец, запутанный клубок,  
Размотавшись, привёл всё сочинительство к концу,  
Натёр глаза читательской симпатии!  
О, если бы потёк фонтан из слёз,  
Пролились за невмышленное зло.  
В низкой хижине из крепкого дерева,  
Где белый дым поднимается кольцами медленно,  
Живёт бедный охотник со своей семьёй  
Плача из-за дерзости детей?  
- Мать стоит у самой могилы,  
А тут вот рядом и колдун шаман,

Соседние охотники собираются на шоу  
 И средь толпы шаман берёт его за руку  
 Громким голосом даёт команду подготовить пир.  
 Ловят козлов — разжигают огонь - три ножа  
 Раскрытых и наточенных, в ожидании  
 Испить жизни трясущихся жертв.  
 Готово и на молодой сосне  
 Высоко сверкает белоснежная овечья шерсть  
 А рядом колдун с волшебным кнутом,  
 Железной шапкой с переплетёнными змеями,  
 Его яростная рука наносить бескровную рану  
 При демонической атмосфере его яростные зубы  
 скрежещут.  
 И снова для Тенгри он возносит молитву,  
 С угрозами, если нет ответа,  
 Рысь и волк пугаются в своём логове,  
 Напуганный ворон открывает своё каркающее горло,  
 И с удивлением идёт к шумному месту,  
 Но сейчас произнося свою яростную молитву,  
 Он приближается<sup>9</sup>

Комментарии к тексту:

1. Дж. Браун, как очевидно, мало различал шаманизм от ламаизма. В шаманизме храмовых построек никогда не существовало; архитектурные сооружения пришли в XVII

- столетии вместе с ламаизмом и христианством. Но в данном случае автор пишет о ламаизме.
2. В Бурятии шаманизм и ламаизм тесно уживались друг с другом, и считалось обычным, что один человек исповедовал двоебожие, и даже троебожие, когда принимал и христианскую веру.
  3. Действительно, тибетский буддизм на начальной стадии не смог бы закрепиться в Бурятии, если бы не принял в свою практику некоторые шаманские реалии. Видоизмененный буддизм стал именоваться ламаизмом, и все, что совершается на открытом воздухе (поклонение на обо, святым источникам, камням необычных форм и т.п.) – есть наследие ламаизированного шаманизма.
  4. Тенгерии – это не силы воздуха, как пишет Дж.Браун. Это высшие шаманские божества – повелители Неба.
  5. Всего тэнгриев не 33, а 99: 44 – западных «белых», и 55 – восточных «черных».
  6. «Хурдэ» - молитвенный барабан в религии буддистов, к шаманизму не имеющий отношение. В шаманизме цель молитвы тэнгриам и их сыновьям – хатам (небожителям, спустившимся на землю) достигается ударами в бубен.
  7. «Эрлич Чан» - это Эрлик – хан, шаманское божество потустороннего мира, преисподней, грозный судья земных дел людей.
  8. Речь идет о шаманских онгонах – антропоморфных идиолов из шкур и шерсти животных, олицетворяющих почитаемых духов, и относящихся к «домашним богам».
  9. Это, вероятно, образец стихотворного переложения сибирского материала самим Дж. Брауном; у него каждая глава заканчивается стихотворением.

## ПОЕЗДКА В ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ КРАЙ

### Описание Байкала и переезда через него

#### I

<...> После перемены лошадей, повозка опять галопировала чрез корни и ухабы, колокольчик заливался. В темноте мелькнуло нечто высокое... это Никольская церковь. Тут небольшое селение и пристань, где зимуют транспортные суда. Из Никольской пристани, весною, выходят на Байкал, обыкновенно, три казенных галиота и до 70 купеческих судов.

Купеческие суда занимаются перевозом чрез Байкал тяжестей и плавают до глубокой осени, т.е. почти до половины ноября. Суда пристают у другого берега к Посольскому монастырю,<sup>1</sup> в месте, называемом Прорвою, в одном из заливов Байкала, а иногда, взойдя в р. Селенгу, тянутся к пристани Чертовкиной, в устье Селенги,<sup>2</sup> ниже Посольского монастыря в 25 верстах.<sup>3</sup>

Осенью Байкал бывает чрезвычайно бурен. Обыкновенные ветры здесь дуют: от северо-запада, называемый у здешних судовщиков Култук, самый тихий и благоприятный; Южный ветер, Шелон – это боковой ветер; с противоположной стороны Баргузин – юго-восток; а опасные ветры – горные, дующие с северной стороны Байкала, с чрезвычайною силою, из падей Байкальских гор. Они почти всегда бывают внезапные и жестокие. Но самое опасное плавание на Байкале бывает в октябре и ноябре месяцах: тогда случаются безпрестанные бури, и Гора (так называют северные горные ветры) превращает Байкал в кипящую бездну. В это время плавание по Байкалу самое мучительное: судно, почти касаясь берега, вдруг встречает сильный противный ветер и уносится в другую сторону. Иногда такое путешествие продолжается более двух недель. Томительная скука, вой ветра и яростное волнение Байкала делаются нестерпимыми. В 1834 году, в начале ноября, был замечательный на Байкале случай. В одно время от Никольской пристани поплыли три судна к стороне Посольского монастыря. Суда были почти одинаковой величины, но по разности в тяжести разнились и быстротою. Они шли одно за другим, и передовое, воспользовавшись благоприятным ветром, достигло берега в шесть часов; другое же, несколько отставшее, едва унесло противными ветрами к острову Ольхону, и оно едва чрез три недели, с крайним усилием, достигло берега. Подобные

случаи у нас на Байкале не редки. Этому можно бы помочь устройством маяков в устьях Селенги. Огонь, зажженный на маяках, указывал бы ночью и в пасмурную погоду верный путь судам.<sup>4</sup> В устьях Селенги я видел, правда, какие-то невысокие шесты, и их называют маяками! И не смотря на то, несчастья на Байкале почти никогда не бывает. По крайней мере, ныне уже несколько лет прошло благополучно, и доверенность к Байкалу простирается до того, как в мае, июне и июле месяцах некоторые храбрецы из прибрежных жителей пускаются даже на лодках.<sup>5</sup>

Лодки они называются морскими; они величиною с карбас, с одною мачтою и парусом, поднимают тяжести до четырех ста пудов.<sup>6</sup>

Волнение бывает особенно сильное на Байкале в то время, когда в нем случаются толкунцы. Толкунцами называется встреча и смешение валов. Это происходит от действия двух вскоре один за другим дующих ветров, из разных и нередко почти противоположных падей.<sup>7</sup> Тогда галиот или судно прыгает с одного вала на другой, из стороны в сторону и претерпевает самую жестокую качку. Самое лучшее время плавания чрез Байкал есть май, июнь, июль, отчасти август месяцы. Впрочем, в августе постоянство ветров уже начинает изменяться, и чем далее, тем более.

Было уже поздно, когда приехал я на Ливстияничную станцию, уединенно стоящую на берегу Святого Моря. И не утерпел, вышел полюбоваться морем и его волнами. Оно казалось спокойно; только на середине плескались беляки (волны), освещаемые тусклою луною и сверкавшие вдаль, как алмазный кустарник. Я желал посмотреть на бурю: мне хотелось увидеть во всей ужасной красоте Байкал, взглянуть, как кипит эта бездна вод, как бушуют страсти моря.

Байкал называют Святым Морем. В народе есть мнение, что Байкал не держит в себе ничего постороннего: утонет ли в нем человек или зверь – он его выбросит на берег; упадет ли какая вещь – она будет на берегу после первой же бури.

Окрестные картины не обращали на себя моего внимания, топимого в воде. Мне хотелось покататься на светлых валах, полюбоваться безграничностью воды и неба, и я сердился на эти несносные горы, стесняющие в своих рамках прекрасный Байкал. Я желал видеть его свободным и могучим, как море. И воды его как-будто поняли

меня: они говорливо забегали, и казалось, с ропотом скатывались назад, унизывая отлогий берег разноцветными камешками. Долго смотрел я на картину живой природы. Полуночное небо, покрытое облаками, тихо колебало воздушные волны свои над сонною грудью Байкала.

Байкальские горы все имеют одинаковую физиономию: высокие, бугристые, с ровными, округленными вершинами, как застывшие в одно мгновение валы. Они как будто наплывали одна на другую, и обрисовывают над Байкалом волнистую линию, убранную вечнозеленым сосновым лесом. Они глубоко опустились в Байкал, и есть место где они, залитые водою, зеленеют на дне как узорчатые ковры.<sup>8</sup>

Думают, что Байкал есть дитя землетрясения, рожденное в ужасную минуту переворота. В окрестностях его попадаются куски лавы – признак, что здесь бывали некогда огнедышащие горы, да и в самом Байкале видны осевшие горы и есть подводные горячие ключи. В тех местах вода никогда не замерзает. Вода в Байкале чистая, кристальная, содержит в себе несколько растворенной извести.

К числу особенностей Байкала принадлежит явление, свойственное морям – это тюлени, появляющиеся временем более или менее. Явление это объясняют двояко: одни предполагают, что Байкал имеет подземное соединение с каким нибудь морем, вливая в него часть вод своих. И в самом деле, глубина его слишком велика, даже есть места столь глубокие, что остались неизмеренными. Другие думают, что морские животные проходят в него Ангарою.<sup>9</sup> Замечательно однакож, что в Байкал впадают Ангара и Селенга, и множество других ручьев и речек, а вытекает одна Ангара. Вода в нем почти всегда на одной высоте и редко бывает заметна прибыль. На Байкале есть несколько островов: из них более других замечателен остров Ольхон, где живут до тысячи человек бурят, имеющих порядочное скотоводство.

Сколько очаровательных ландшафтов окружают величественный Байкал! Здесь для живописца не нужно вымысла, для поэта вдохновения: живая, прекрасная картина природы открыта пред ним во всем величии, и теряется вдаль, как мысль в пространстве неба.

Из гор Байкальских самая высокая Хамар-Дабан. По ней обвивается Кругоморская дорога в Забайкальский край, описывающая дугу, против зимней дороги более 500 верст. С высоты Хамар-Дабана летом вид прелестный. Кругом в глубоких падах, ходят темные облака, как волны моря, и горные водопады, сверкая и гремя, светлыми лентами слетают в бездны. Серебряный Байкал, слегка струимый тихим ветерком, кажется издали

блестящею, очарованною бронею.

Разность летнего и зимнего пути особенно видна в ходе почты. Зимой чрез Байкал почта в Нерчинск из Иркутска на шестой день, а летом вокруг Байкала, чрез Хамар-Дабан, в 11 и 12 дней. Когда же случаются дожди, и от них наводятся речки, впадающие в Байкал, то почта просрочивает сверх того не редко более недели. Разности же в пространстве пути того и другого не более 700 верст (когда почта идет чрез Тунку и по пограничному караулам); но ужасная Кругоморская дорога не позволяет иметь более быстроты, и где большая часть пути совершается верхом на вьючных лошадях, скользящих с камня на камень, скатывающихся с утеса на утес, и где путешественник в несколько часов переносит и жар июльского лета и холод зимы.

Славный Шаманский камень вблизи не столько интересен, как я воображал его: это простой, светлосерый камень, кажется, гранит, стоящий, как памятник, посреди Ангары, сажень в 70 от истока ее из Байкала, или как здесь говорят, ворот, окруженный скачущими вокруг него белыми, косматыми валами. Величина его с берегу кажется в высоту более сажени и около сажени в ширину. Река здесь чрезвычайно быстра и почти никогда не покрывается льдом. Шаманский камень замечателен особенно потому, что чтится бурятами, думающими, что на нем обитают Онгоны, или небесные духи.<sup>10</sup> Буряты поклоняются ему как месту священному. Нередко должник, неверный и отпирающийся от своего долга, приводится на суд к нему, и утраченный присутствием незримого Тегри (небожителя)<sup>11</sup> трепещет и сознается. – Боги бурят, сколько я мог заметить, всегда у них живут на высоких, обрывистых, живописных горах, или на скалах неприступных.

## II

На другой день пребывания моего у Байкала, под вечер, в воротах его показалась морская лодка<sup>12</sup>; с тихою важностью вступала она в море, с раскинутым белым парусом. Я обрадовался, что могу воспользоваться случаем переправы чрез Байкал. И самом деле, лодка оказалась попутною. И вот – я в лодке. Тихий Култук надувал парус, лодка скользила по волнам с игривою легкостью, солнце склонялось к западу и вершины окрестных гор рисовались час от часу живописнее. Я любовался игрою света и тени, прелестными видами, убранными со всею роскошью и затейливостью вечно юной природы, и наконец все скрылось от меня в полупрозрачном тумане. Убаюканный колыбанием лодки, я доверчиво уснул, как дитя в колыбели.

Но ужасно было мое пробуждение! В полночь я разбужен был необыкновенным шумом, криком,

беготнею. Как будто отдаленный глухой гром катался по темному небу. Желая узнать, что это значит, я бросился взглянуть, и встречен был волною. Сильный всплеск вала хлестнул по лодке и облил меня с головы до ног. Признаюсь, я не ожидал этой шутки от степенного Святого Моря, плохо верил искусству бородатых своих матросов, и встречая бурю на Байкале, ночью, нечего греха таить, струсил как рекрут под первым выстрелом... Я видел, что опасность садится на нос лодки и мой. Кое-как успели сбросить парус; волнение сделалось чрезвычайное, и в четверть часа горный ветер превратился в совершенный ураган! Исполнилось дерзкое мое желание: я увидел Байкал во всей ужасной красоте его! Но это картинно и приятно для глаз только с берега, а на середине Байкала и в лодке вовсе не интересно. Как бы кто ни любил сильные ощущения, явная опасность тотчас-же переменяет взгляд на предмет. Мне некогда было любоваться страшным кипятием этой бездны, прислушиваться к реву бури, к грому валов: в каждом из них я видел гроб свой. Лодка купалась, ныряла, вертелась в бездне валов, как щепка. Они набегали на нее, как чудовища, спущенные с цепей на травлю, заглядывали в лодку и, отступая опять, гнались за нею, били ее, грызли со всех сторон, бросали ее, играли ею. Свист снастей, глухой стук и тяжелый скрип лодки, гром, дикий вой бури, рев валов, поминутный испуг и ожидание скорой и верной гибели, обессилели меня. Мне казалось, что задача о жизни уже решена!...Только томительно было ожидание последнего мгновения...Я заметил, что уверенность как бы умаляет глубину впечатления, и самый страх имеет точку, за которую, если природа выдержит потрясение, идет уже равнодушие! Да, не страшно умирать, приготовясь к тому, но ужасно встречать смерть нечаянную и невольную. Минута, в которую вдруг разбивается сосуд молодой жизни, еще кипящей мечтами и надеждами, эта минута непродолжительна, но исполнена невыразимых страданий. Ужас холодный и мрачный обхватывает душу, и только внутренний свет религии в силах успокоить ее. Сколько раз думал я: «Вот, теперь решительная минута. Боже мой!...» и лодка, нырнув в глубь валов, всплывала и трепетала опять как испуганное сердце.<sup>13</sup>

Наконец черное небо начало светлеть, буря стихать, и с первым лучем солнца ярко загорелись в душе моей лучи надежды. Не знаю, почему опасность, встречаемая днем, не так пугает, как ночью. Может быть потому, что днем мы скорее надеемся получить помощь, или потому, что тогда яснее видим и опасность и средства спасения от нее. Физически объясняют это, что причина тому – солнечный луч. Следовательно, солнце всего

храбрее, а хищница луна всех боязливее, потому что она ни одного луча своего не имеет, а все похищает у солнца? И для чего? Чтобы ночью потихоньку передать земле, а та берет и не боится ни городской, ни земской полиции.<sup>14</sup>

Днем волнение Байкала имеет совсем другой вид. Кажется, что вы блуждаете посреди высокого, движущегося леса, где пресмыкаются и шипят огромные змеи.

Вдали мелькнул и исчез Посольский монастырь. Лодка летела; показался берег.

Мы вбежали на Чертовкину. Так называется одно из устьев Селенги. Тогда было уже за полдень. Несколько лодочек плавало по Селенге, ловя саками рыбу. Приближалось уже время к омулевому промыслу. Черные пеликаны летали у берегов стаями.

Здесь впервые встретил я песчаный грунт земли, и он почти постоянно продолжается до Кяхты. В Иркутске же грунт глинисто-черноземный до самого Байкала.

Омулевый промысел начинается с половины августа. Прежде он производился на Селенге, куда приезжали промышленники и некоторые из торговцев, где кроме лова рыбы, была, и ныне бывает еще, маленькая ярмарка.<sup>15</sup> По изменению фарватера, от разлития Селенги, омули идут, по большей части, в устья других рек, и теперь, с 1831 года, главный лов производится не на Селенге, а на Верхней Ангаре. Количество улова рыбы здесь год от году увеличивается, и в 1837 году в Иркутск было доставлено до 7 т. бочек<sup>16</sup>, не говоря о местах Забайкальского края. И так с достоверностью положить можно, что весь улов рыбы простирался до 10 т. бочек. Это важная ветвь внутренней промышленности, в Иркутской губернии, занимает многих людей и питает рыбу весь южный край Восточной Сибири.

Перемена места рыбной ловли от Селенги на верхнюю Ангару доставила множество выгод крестьянам и бродячим тунгусам, которые получают за соленье и очищение рыбы от 2 р.50 к.до 3 рублей с бочки. В каждой порядочной бочке, обыкновенно, считается от 1200 до 1500 омулей, и редко менее 1000.

Омуль есть главнейшая рыба в Байкале. Кроме того, в нем есть осетры, бывающие весом до 4 пуд. и более, хайрюзы, сорока<sup>17</sup>, караси и замечательная голомянка. Это небольшая рыбка, налитая, так сказать, жиром. В невод она никогда не попадает, а ловиться целыми рунами мертвою, после сильной бури. Из нее топят сало и употребляют вместо масла прибрежные жители. Сиги, таймени, ленки водятся в Байкале в изобилии.

Омули по промыслам, разделяются на Селенгу, Котцовые, Корту и Баргузинские. Главные

Селенгинские, или Верхнеудинские. При промыслах наблюдается порядок в тонях и очереди. Хотя этот порядок условный, однакож между промышленниками соблюдается свято.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Пояснение В. Паршина: «Монастырь носит имя Посольского потому, что здесь был убит монголами Русский посланник, боярский сын Заболоцкий с сыном, отправленный было в Китай для переговоров, во время первых еще сражений с Китаем». Автор неправ: Российское посольство под началом Ерофея Заболоцкого шло с государственной грамотой к забайкальско-монгольским ханам о принятии их в российское подданство согласно письму и направления посольства в Москву. Вероломное убийство части Российского посольства (Заболоцкого с сыном и еще 6 казаков) произошло в октябре 1650 года.
2. Пояснение В. Паршина: «Селенга впадала в Байкал тремя рукавами».
3. Автор дает неверное направление. Если следовать его путем, то устье Селенги от Посольского монастыря расположено не «ниже», а «выше».
4. В.Паршин, вероятно, не знал, что первые маяки на Байкале появились еще на рубеже XVII-XVIII столетий и явились они (в истоке Ангары и близ Посольского монастыря) самыми первыми в России. Интересно, что их конструкция в точности совпадала тому, что предлагает автор: высокий деревянный помост, на песчаной площадке которого по ночам жгли костер; они и погибли от пожара.
5. Автор неправ: кораблекрушения с человеческими жертвами происходили на Байкале всегда. Из близкого по времени с записями В.Паршина случая напомним 1817 год, когда бурей разбило 3 судна купца К.М.Сибирякова с казенным свинцом. Суда, груз и люди погибли без следа.
6. Судя по описанию, речь идет о типичном дощанике конструкции XVII столетия, с одним парусом и вместимостью до 30 человек с грузами. На таких судах местные поморы и в XIX – начале XX веков перевозили купеческие товары.
7. Пояснение В. Паршина: «Падью называется лощина мажду двух гор». На Байкале существовал и другой термин для обозначения беспорядочной толчеи воды под перекрестными ветрами – «болтуханиха». См. залив Болтуханиха близ с. Байкальского на северной оконечности озера.
8. Автор неправ, считая, что окрестные леса имеют продолжение произрастания и в глубинах Байкала. По его описанию – это зеленые заросли ветвистой губки, которые до глубин 100 м. растут в виде кустов.
9. Пояснение В.Паршина: «Мнение это явно опровергают Ангарские пороги. Следовательно, Байкал имеет соединение подземное. Кроме того, сходство Байкала с морем заключается в том, что в нем есть асфальт, или, как здесь называют, морской воск. Он выкидывается на берег от Баргузина до Верхней Ангары, или на юго-восточной стороне Байкала, и в тихую погоду плавают на поверхности воды». Утверждение автора о возможности подземного соединения с морями и океанами (в данном случае – с Северным Ледовитым океаном) не верно по многим

причинам: 1) по закону сообщающихся сосудов уровень Байкала упал бы на 481 метр - до уровня Мирового океана; 2) соленая вода океанов перемешалась бы с пресной байкальской; 3) невероятно, чтобы живые организмы проникли в Байкал по этому гипотетическому тоннелю в тысячи километров в условиях крошечной темноты и отсутствии подпитки воды кислородом; та же нерпа (северный тюлень), к примеру, не может долго находиться без всплытия на поверхность для дыхания легкими. К тому же нерпа и рыбы не могут жить глубже 200-300 метров. Наличие «морского воска» также не есть доказательство связи Байкала с морской стихией планеты: установлено, что это есть нефтяные проявления, хорошо известные и на континентальной суше, в том числе и вблизи Байкала (Иркутская область).

10. Автор ошибается, называя шаманских «небесных духов» Онгонами. Онгоны – это фетиши, материальное замещение почитаемых духов в виде антропоморфных и иных фигурок, вывешиваемых на стенах бурятских жилищ. Духи, о которых говорит В. Паршин, в высшей ипостаси именуются Тэнгриями - Небожителями, а их сыновья и дочери, посланные на землю помогать людям и избравшие местом проживания горные вершины и эффектные скалы, называются хатами.
11. «Тегри (небожители)». Правильно – Тэнгри. В Бурятском шаманизме насчитывается 44 западных и 55 восточных тэнгриев, разделяющихся на «белых» и «черных». Данный комментарий В.Паршина опровергает вышестоящее мнение о небожителях – онгонах.
12. Пояснение В.Паршина: «Воротами Байкала называется исток реки Ангары». В современном понимании байкальских жителей это место именуется «Ангарским перекатом», где Шаманский камень является надводной частью подводного порога, регулирующего исток Байкала в Ангару. «Морская лодка» с парусом, о которой говорит автор, это типичный дощаник конструкции XVII столетия, на которых передвигались первые русские казаки – землепроходцы, путешественники и затем купцы со своими товарами.
13. Описание психологического состояния автора, попавшего во время ночного переезда Байкала в жестокий шторм, весьма примечательно. Мысли о неизбежной гибели в море преследовали абсолютно всех, кто попадал в подобные ситуации. Литература прошлых столетий полна подобными высказываниями.
14. Сентенции В.Паршина о Солнце Луне не совсем понятны. Если Солнце щедро делится с землею (и Байкалом) своими живительными лучами, то какой смысл Луне «воровать» эти лучи у дневного Солнца, чтобы ночью тайно отдавать их земле?
15. Речь идет о Чертовкинской ярмарке близ устья Селенги, где летом рыбаки обменивали свою добычу на хлеб и другие товары землепашцев и промышленников.
16. 7т. – 7 тысяч.
17. Сорока – сорога, рыба байкальских мелководий. (В последующих номерах «Даурии» мы продолжим изложение книги В.Паршина, дав его очерки о реке Селенге).

Виктор Колмынин,  
Епископ Ассоциации Христианских  
Церквей «Союз Христиан» по Республике Бурятия

## «ИСТОРИЯ ЕВАНГЕЛЬСКОГО ДВИЖЕНИЯ В СИБИРИ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX СТОЛЕТИЯ»

В современном российском обществе вопрос о роли и месте неортодоксальных конфессий приобретает большое значение. Протестантизм является одним из самых динамично развивающихся в России направлений христианства и по числу приверженцев веры входит в первую десятку наиболее популярных религиозных учений. В отдельных регионах России христианский протестантизм вообще выходит на первые роли. Например, в Республике Бурятия он занял уже третье место после буддизма и православия, а в Забайкальском крае уверенно занял первое место, хотя буддизм и православие там активно поддерживаются государством. В частности, по сведениям заместителя председателя Экспертного совета по государственной религиоведческой экспертизе при Минюсте России Романа Силантьева, к лидерам по количеству протестантских организаций сегодня можно отнести многие регионы Урала, Сибири, Дальнего Востока. Только в первой десятке самых «протестантских» регионов (не считая Москву и Санкт-Петербург) им принадлежит половина позиций. Так, в азиатской части России протестанты наиболее многочисленны в Приморском (154 организации) и Красноярском (111) краях, Иркутской (97) и Свердловской (94) областях, Хабаровском крае (93).

В истории советского общества евангельские церкви заняли особое место. Протестантские конфессии баптистов, евангельских христиан, меннонитов и адвентистов седьмого дня, опиравшиеся на сильные в России традиции народной религиозности, стали в 1920 – 1930-е годы важным фактором общественно-политической жизни страны: в эти конфессии стали переходить большие массы верующих из разгромленного большевиками православия - идеологической части свергнутого ими монархическо-православного режима.

Возможность проповедовать учение Христа, заниматься миссионерской деятельностью, способность предложить собратьям по вере новое, реформированное исповедание, реализующееся в дружественной и нацеленной на взаимопомощь и хозяйственный успех жизни общины, освобождение от воинской службы и, наконец, стремление изолироваться от советского

государства – все это делало привлекательным, особенно в среде крестьянства, принадлежность к евангельской церкви. В это время, когда православие было почти искоренено, в христианский протестантизм перешли миллионы человек. Уже в годы НЭПа, по статистическим данным, в новую веру перешло до 10 млн. граждан СССР. В Сибири их число достигало 100 тыс. человек. В регионе действовали отделы всероссийских союзов баптистов, адвентистов и евангельских христиан, а также два крупных отделения Всероссийского менонитского сельскохозяйственного общества. Мы будем не правы, если не упомянем десятки православных организаций, которые, лишившись патриаршего окормления и действовавшие в условиях изоляции, значительно отошли от традиционных канонов и в разной степени превращались в христианских протестантов.

Обеспокоенная стремительным ростом евангельского вероучения и решительным отказом от военной службы верующих по религиозным убеждениям (а фактически Советская власть 4 января 1919 г. даже в условиях гражданской войны декретом освободило от военной службы меннонитов, баптистов, адвентистов и евангельских христиан) сталинский режим пошел на репрессивные меры, продолжавшиеся вплоть до второй половины XX столетия. Разгромив конфессию, Советская власть начала восстанавливать ею же уничтоженное православие, буддизм и мусульманство. Для ускорения отторжения граждан от христианского протестантизма и близких к нему конфессий активно развивался миф о враждебности этих вероучений, финансируемых, якобы, капиталистическим миром. Договорились даже до того, что объявили их общины рассадником шпионажа, финансируемыми ЦРУ США.

Начальный этап поддержки пацифизма Советской властью, узаконенный Декретами от 22 октября 1918 и 4 января 1919 годов, объясняется дореволюционной традицией позитивной оценки евангельского движения большевиками как противника православной церкви - оплота монархии. В рамках своих теоретических дореволюционных построений большевики рассматривали

неортодоксальное христианство как форму социального недовольства и протеста крестьянства против царизма. Новый режим в условиях наступившей после революции 1917 г. международной изоляции был крайне заинтересован в использовании экономического потенциала евангельских церквей и их обширных зарубежных связей. Лично В.И. Ленина и его ближайших теоретиков социализма в этих конфессиях привлекала также «общественно-коммунистическая» сторона вероучений, наличие в них идей социального и экономического равенства. Именно «евангелисты-коммунисты» служили для них лучшим обоснованием и доказательством того, что народническая мечта о коммунистических традициях русского народа имела под собой реальные основания. По их убеждению, эта многомиллионная прослойка верующих христианских общин внутри российского народа должна была принять самое активное участие в построении коммунизма и тем самым подтвердить правильность большевистской политики. Некоторые течения пацифистов (напр. духоборы, «Новый Израиль», молокане, евангельские христиане, баптисты, меннониты, адвентисты и пр.) действительно проповедовали некоторые коммунистические идеи и поэтому не считались врагами Советской власти, но союзниками. Отсюда и ряд льгот, которые они получили от государства. Если бы Ленин не умер в январе 1924 года, то евангельская церковь вполне могла бы заменить упраздняемое православие, о котором шла «слава» идейного пособника царизма и вместе с ним угнетавшего трудовой народ России.

Однако со смертью Ленина власть в руки взял Сталин, для которого на первое место встала идея классовой борьбы. Он поддержал те силовые структуры страны (напр. ВЧК), которые рассматривали евангельские церкви (как и любую религию) «врагами народа», занимающиеся под маской лояльности Советской власти «антисоветской деятельностью буржуазных и мелкобуржуазных партий и групп», называя их «церковниками и сектантами». Начались репрессии. В марте 1921 года Всероссийский съезд сельскохозяйственных и производственных объединений (преимущественно баптистов) констатировал, что «тюрьмы, концентрационные лагеря и прочие места заключения вновь начинают наполняться мучениками за веру, не желающими по своим религиозным убеждениям или велению совести продолжать участвовать в военном деле». К тому времени безнадежно больной Ленин уже находился под контролем Сталина, постепенно устранявший вождя мирового пролетариата от управления страной. Многие ему докладывали уже

в искаженном виде, заставляли принимать заведомо неверные решения. Так случилось и с итогом Всероссийского съезда евангельских организаций. Ленин посчитал резолюцию вызовом Советской власти и дезавуировал дарованные льготы пацифистам.

Для Евангельских общин Сибири первым правовым актом местных властей стало постановление Сибревкома от 20 апреля 1920 г., по которому все меннониты Сибири добились права исполнять заменяющие военную службу работы, в частности, по сельскому хозяйству. Но документ так и не вступил в законную силу, будучи оспоренным органами ОГПУ. С 1921 года начались репрессии верующих, вплоть до расстрелов активистов и разгона общин. Чекисты внушали гражданам России, что «особо существенный вред» советскому строю наносят баптисты и евангельские христиане «своим отказом от воинской службы». К 1923 году в результате широкомасштабной репрессивной операции в Сибири была фактически прекращена деятельность всех протестантских конфессий, их имущество было конфисковано. Часть общин перешла на нелегальную деятельность, что еще более усилило «убеждение» власти об их «антисоветском» характере. С этой поры выявление и разгром нелегальных общин стало самоцелью ОГПУ, НКВД, КГБ, и первыми ощутили на себе усиленные репрессии баптисты – как наиболее многочисленная и хорошо организованная конфессия. Формальной причиной тому стало проведение в 1922 г. в Омске нелегального Всесибирского съезда баптистских общин, хотя верующие настойчиво просили власти разрешить собрание. Следом за баптистами в 1923г. был ликвидирован легальный Сибирский Союз евангельских христиан (133 общины, 2450 членов). Косвенно пострадали меннониты и молокане.

Однако не смотря на победный отчет руководства Сиботдела ОГПУ-НКВД, религиозные конфессии продолжали действовать, руководствуясь статьей Конституции РСФСР о свободе вероисповедания, что не давало чекистам в отдельных случаях доводить репрессивный дела до конца. До суда доходили такие дела, в которых акцент делался на антисоветскую деятельность или на нарушение уставов общин. Это привело к замедлению действия репрессивной машины. Антирелигиозная кампания начала сворачиваться под напором поступающих в Москву жалоб верующих на нарушение властями законодательных актов государства. Создавшийся ореол мучеников за веру в глазах международной общественности советской власти был не к стати. Уже в июле 1923 года Сиббюро ЦК РКП (б) предписал всем губкомам РКП (б) «прекратить систему административных



репрессий <...>, не препятствовать регистрации общин, давая возможность им легализоваться, чтобы они находились в поле нашего зрения». Через месяц подобный документ принял ЦК РКП (б) за подписью И. Сталина. В нем осуждались перекосы, а вина возлагалась на местные органы власти.

Все это привлекло к резкому росту религиозных общин Евангельских конфессий. Уже на 1 октября 1923 г. количество баптистов увеличилось с 3191 чел. до 13 344 евангельских христиан с 2734 до 3018, зарегистрировано 26 общин молокан (2781 чел.), 12 общин меннонитов (1330 чел) и т.п. Власть констатировала, что евангельские объединения Сибири представляют «силу численно большую и крепче внутри спаянную, чем наши комячейки и волсоветы». Тем самым была признана победа евангельской церкви, и особенно «завоевание» ею сибирского крестьянства. Даже власть признавала, что в ближайшем будущем эта церковь (напр. баптистская) может заменить в Сибири «мертвую» православную конфессию. И, что самое поразительное, – власть приняла решение отказаться от гонений православия вообще, поставив первоочередной задачей организацию борьбы с «развивающейся волной сектантства».

Новый этап дискредитации евангельских конфессий начался уже по линии ЦК ВКП (б). При обкомах и крайкомах создавались специальные тройки уполномоченных для координации репрессивной деятельностью, организована широкая сеть осведомителей из каждой конфессии. Цель – добыча сведений об антисоветской подрывной деятельности, связь с иностранной разведкой, шпионаже против СССР и т.п. Теперь даже жалобы на нарушение властью законов были поводом для репрессий. Прошедший IX съезд евангельских христиан был вынужден признать требования власти о прохождении верующими военной службы, но без взятия в руки оружия. Приняв в 1924 году делегацию евангельских христиан, И.В. Сталин сказал: «В военном деле вы нам не помощники, а в мирном строительстве мы вас знаем как людей честных и трудолюбивых». С этого времени власть пришла к решению о необходимости эксплуатации «религиозников» в качестве источника дешевого принудительного труда, собрав из них особые «трудовые части» и «части тылового ополчения». С 1930 г. ело началось с добровольного приглашения пацифистов, но постепенно переросло в принудительный военизированный труд.

Пик антирелигиозной борьбы в Советской России пришелся на 1929 – 1930 гг. В ходе

идеологического обеспечения антирелигиозной политики была организована широкая акция, направленная на формирование в общественном сознании образа врага – сектанта: классового врага, совратителя молодежи, вредителя и убийцы, развратника, пьяницы и сифилитика, мракобеса и фанатика, прокаженного, вездесущего врага. Их молитвенные дома преподносились как штабквартиры контрреволюции. Сектант – более гибкий, опытный, хитрый и популярен в народе враг, чем православный христианин, уже не представлявший опасности для Советской власти. В результате большинство общин было разогнано, активисты арестованы, молитвенные дома передавались под народохозяйственные нужды. Судебные процессы над верующими превратились в массовые политические шоу.

Однако Советская власть вновь сделала нелогичный шаг. На VIII Чрезвычайном съезде Советов 1936 г. не прошла поправка в Конституцию, ущемляющая избирательные права верующих. Это привело к новому оживлению жизни «церковников». Но на самом деле это была провокация власти. Развернувшаяся в печати дискуссия о том, что «сектанты» на фоне запущенной антирелигиозной работы пытаются использовать «Сталинскую Конституцию» и выборы в Верховный Совет СССР в своих контрреволюционных интересах, вылилась якобы во всенародный призыв навсегда покончить с «церковниками». Репрессии начались сразу же после Пленума ЦК ВКП (б) 1937 года, чему и был посвящен приказ наркома НКВД СССР Н.И. Ежова об уничтожении последних «несоциалистических элементов», как зачинщиков «всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений». Вся кампания в Сибири была проведена до конца того же 1937 года и в начале 1938-го. Религиозные общины евангельских христиан добивались как «шпионско-диверсионные организации Сибкрая», якобы работавшие на Германию и Японию. И только в период с 1939-1945 годов репрессии временно прекратились. Они возобновились лишь через десятилетие, но уже не имели прежнего масштаба.

Евангельский христианский протестантизм выдержал тяжелое испытание веры и испытывает сегодня новый, и более значительный подъем конфессии, все увереннее тесня с занимаемых позиций поддерживаемые государством так называемые традиционные религии – православие, буддизм и мусульманство. Об этом красноречиво свидетельствует неуклонный рост общин, храмов и числа верующих.

## СЕНСАЦИОННАЯ НАХОДКА

### В Санкт-Петербурге обнаружены подарки Хамбо ламы Итигэлова императору Николаю II

Они оказались в императорской коллекции собрания Российского этнографического музея. Ранее они экспонировались как подарки от калмыков. Всего найдено семь комплектов подарков, сделанных Хамбо ламой Итигэловым императору Николаю II в 1913 году. Это бумбэ (священный сосуд) на серебряном подносе (по краям изображение 35 дацанов) и четыре макета дацанов по четырем сторонам от бумбэ, семь драгоценностей и на серебряном подносе божество Жугдэр Намжилма, скульптуры богини Белая Тара.

- В 2002 году действующему Хамбо ламе Аюшееву из фондов БНЦ СО РАН была передана копия «короткого намтара» (краткой биографии) Пандито Хамбо ламы Итигэлова, написанного его учеником Будажапом Будаевым, — рассказала Янжима Васильева, директор Института Хамбо ламы Итигэлова. — В «намтаре» удивительно полно описана поездка Хамбо ламы Итигэлова в Санкт-Петербург по приглашению императора Николая II на празднование 300-летия Дома Романовых.

Напомним, что в 1891 году в Петровск-Забайкальском Хамбо лама Итигэлов встречался с тогда еще цесаревичем Николаем.

19 марта 1913 года Хамбо лама Итигэлов был приглашен в Алек-

сандровский дворец на прием к Николаю II. «Затем, 19 марта, великому царю от имени буддистов Забайкалья были преподнесены в подарок буддийские реликвии — блюдо, кувшин, семь золотых драгоценностей, предметы из белого серебра, хадак. Подарки были поднесены также царице-матери, великой императрице, цесаревичу, четырем детям, всего восемь комплектов подарков. На встрече с Его Величеством вместе с Хамбо ламой присутствовали ширетуй Цугольского дацана, ученик Гатап Бадмаев, чиновники Гомбо Бадмажапов, Сокто Бадмажапов. Приняв подарки, император поблагодарил делегацию: «Всем бурятам-буддистам передайте мою радость и благодарность, я всегда с особой нежностью благословляю бурят!» — так описано это событие в «Намтар».

По словам Янжимы Васильевой, поиск этих подарков был начат в Санкт-Петербурге в 2003 году после встречи с бывшим директором Кунсткамеры известным ученым-этнографом Чунером Таксами. Господин Таксами потрясли история возвращения и феномен Хамбо ламы Итигэлова. Непосредственно подарки обнаружила Елизавета Нератова, сотрудник Российского этнографического музея.

— Мне предложили поехать в командировку в Улан-Удэ в Музей истории Бурятии для проведения экспертной работы, хотя все складывалось так, что я могла не поехать. Но все получилось, и я выехала в Улан-Удэ, - рассказывает она. - Как-то в конце рабочего дня сотрудники музея предложили поехать в Иволгинский дацан, где я поклонилась Хамбо ламе Итигэлову. Я была очень удивлена, но не более того. Когда вернулась и вышла на работу, обнаружила записи князя Ухтомского о подарках от делегации буддистов. По описи я поняла; что они находятся в императорской коллекции нашего музея, и более того, я десять лет хожу мимо них. Но они считались подарками от калмыков. И сразу же я обнаружила записи передачи их в наш музей из Императорского дома 29 марта 1913 г, также описанные князем Ухтомским. Это явилось доказательством того, что это и есть подарки Хамбо ламы Итигэлова. Будет выпущен новый альбом Императорской коллекции, уже с новыми данными и информацией о приключениях этой коллекции. Удивительно, но я чувствую связь между моей поездкой в Иволгинский дацан и этой удивительной историей находки подарков императору Николаю II.

## ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

Алексей Тиваненко,  
кандидат исторических наук

## ДРЕВНЯЯ ЗЕМЛЯ БАРГУДЖИН-ТОКУМ

## Память об исчезнувшем народе

Весной 1647 года казачий десятник Костька Иванов Москвитин, служивый человек Ивашко Самойлов и «новоприбранный охотник» Ивашко Артемьев, посланные из Верхнеангарского зимовья атаманом Василием Колесниковым разведать дорогу к бурятскому Забайкальскому князю Турухай-Табунану и его тестю – монгольскому повелителю Цецен-Хану, через залив Баргузинский Култук попали в долину Баргузина, густо заселенную кочевниками. *«А в степи кочуют тынгуские люди рядом челкагирцы, платье носят по-мунгальски и по-тынгуски, а живот (скот – А.Т.) у них кони, а инова скота никакого нет <...>. А по Баргузинской степи конной ход ехати ис конца в конец четыре дни»,* - доносил Костька Москвитин своему воеводе по возвращении из похода (Тиваненко, 1979, с.48-49).

Проводники–тунгусы рассказывали, что незадолго до прихода русских в Баргузинской долине проживал другой, им неведомый, народ баргуты, покончивший с собой при виде начавшей произрастать березы. Сочтя это предзнаменование за скорое появление белых чужеземцев, прежние обитатели края заживо похоронили себя под обрушившимися кровлями жилищ (Шубин, 1973, с.9). По другим вариантам легенд, это произошло после того, как на березах начали появляться некие наросты, предрекающие прибытие в будущем «белых людей». Некоторые комментаторы склонны считать, что баргуты начали покидать насиженные места непосредственно перед появлением русских, когда их авангардные отряды уже появились в Прибайкалье (Востриков, Поппе, 1935. – с.10). Есть также предания о том, что степных баргутов вытеснили воинственные тунгусы, не желавшие делить благодатный край с кем-либо другим.

Предпоследняя версия более правдоподобна. При общей численности к XVII столетию в 800-1000 человек (Шубин, 1973. – с.11), баргузинские тунгусы не могли представлять баргутам серьезной силы. Тем более, что по воспоминаниям тунгусов, они мирно «торговали с баргу», и все было хорошо до тех пор, пока в край не пришли «много люча» (т.е. русских людей) (Неупокоев, 1926. – с.30). Бегство баргутов на восток документируется серединой XVII столетия, что совпадает с

прибытием на север Байкала и в Баргузин первых казачьих отрядов Семена Скороходова, Василия Колесникова и Ивана Галкина. Можно предложить и непосредственную причину – убийство отряда русских казаков С. Скороходова в 1644 году в Баргузинском Култуке воинами местного князя Архича Баатура. Часть баргутов ушла в Маньчжурию, а другая осела по Витиму, где стала именоваться в русских документах «витимскими даурами» (Румянцев, 1962. – с. 206, 216). Но и они к 1700 году также ушли на восток, приняв маньчжурское подданство. Правда некоторая часть к началу 30-х годов XVIII столетия вернулась в Нерчинскую Даурию и была поселена вместе с даурами, солонями и ороченями.

Кстати говоря, связь с даурами здесь вряд ли случайна. Еще И.Г. Георги в XVIII веке отмечал, что *«древние баргуты, которым предание предписывает следы древнего земледелия, находимые в Баргузине, ее притоках и к северу от них до Верхней Ангары, были с даурами, вероятно, один и тот же народ».* (И.Г. Георги, 1799). Г.Н. Румянцев также допускал, что *дауры* – это удалившиеся от страха перед русскими *хорчины* или *баргуты* (см.Цыбенков, 2009. – с.72). «Хэлунцзян-вэйцзя» при описании живущих в Маньчжурии народов племени *баркутов* (бархунь) и *дахуров* (дауров) всегда помещает рядом в одной и той же области *Барху* и считает «монгольского происхождения» (Алексеев, 1941, с.41).

Витимскими «баргутами-даурами», бежавшими восточнее Баргузина, являлись, скорее всего, улусные люди князя Ботоги, встреченные в 1641 году казаками – разведчиками, посланными Якутскими воеводами Петром Головиным и Матвеем Глебовым найти дорогу в Даурию. Пройдя древней кочевой тропой из Баргузина через Икатский хребет на Еравнинские озера и Витим, они с удивлением увидели среди горной тайги типичное стойбище скотоводов. *«Живет вверх по Витиму реке месяц, даурский князец именем Ботога с товарищами, а ходу <...> до того князя Ботога от устья Котомары реки водяным путем по Витиму реке месяц, а живет де он, Ботога на Витиме реке на усть Карги реки, на одном месте улусами, и серебро<...> есть, а то <...> серебро Ботога, и камни покупают на Шилке реке у князя*

*Ловкая, а от Ботоги<...> вверх по Витиму реке и Яравны озера по обе стороны Витима реки, даурские конные многие люди, и бой де у них лучной, а язык<...> у них свой, с якутским и тунгусским языкам не сходится» (Сборник документов по истории Бурятии XVII в., с. 38).*

Согласно местным преданиям, первыми столкнулись с неизвестным народом эвенки – кындыгиры, много веков назад перекочевавшие с берегов далекого Амура к овянному легендами озеру-морею Ламу (Байкалу). Их поразило не только то, что *«волны выбрасывали на берег рыбу, которую можно было собирать просто руками»*, а заинтересовали люди, жившие в Баргузинской степи в юртах, имевшие *«узкие глаза и длинные косы»*, и *«которые вместо шкур носят мягкую материю, седла их покрыты белым железом (серебром)»*. Мужчины же сразу приметили, что эти люди имели *«жен и девушек сильных и здоровых»* (Шубин, 1973, с.50-54). Неизвестный красивый и богатый народ звал себя *баргу* (Неупокоев, 1926, с. 28-30). По другим преданиям эвенков, баргуты, или *хорчины* (корчуны), были людьми высокого роста, отличались большим трудолюбием, занимались исключительно хлебопашеством и скотоводством. Но это были не тунгусы, не буряты и не монголы.

Легенды далее рассказывают: придя к Байкалу, таежные охотники стали вести долгую борьбу за свое место проживания в верховьях реки Баргузин не только с этими «баргу-монголами», но и с другими тунгусскими родами, и якобы горячее желание кындыгиров жить у берегов Байкала привело к победе. Потерпевшие поражение аборигены-скотоводы перекочевали во Внутреннюю Монголию. Но зато кындыгиры обрели других врагов – неких «эвенков-коневонов» с верховьев Витима, то есть восточных соседей, которых назывались *хамниганами*: они также являлись, наряду с баргутами, древними насельниками Баргузинского края (Шубин, 1973, с. 50-54).

Но к XVIII столетию эти хамниганы – эвенки все еще мало чем отличались от степных скотоводов не только по типу хозяйствования и образу жизни, но и по такой частной детали, как одежда. Один из участников Академической экспедиции, П.С. Паллас, дал описание посещенных им «конных тунгусов»: в *«<...> поведении, юртах и во всем прочем от бурят они мало отличны <...> Их язык по причине соседства, также одежда и образ жизни совсем перемешался, так что есть нечто бурятское и мунгальское, и разве некоторые старики найдутся, как еще чисто по-тунгусски говорить могут»*. Совершенно аналогичные сведения дает еще один участник экспедиции – академик И.Г. Георги. (см.: Нимаев, 1990, с.46-47).

Впрочем, такое заметное влияние эвенкийской культуры на культуру бурят сохранилось и поныне, и не только в части хоринцев. По подсчетам специалистов, среди бурят насчитывается около двух десятков этнических групп тунгусского происхождения. Следы влияния тунгусов ясно заметны и в языке, особенно у западных бурят. Среди таких влияний – своеобразие фонетического строя языка – более монотонное произношение слов по сравнению с другими монгольскими языками. Вряд ли дело здесь просто в межэтнических контактах на стыке тайги и степей. Вспомним легендарную прародительницу булагатского племени шаманку Айсухан: ее имя может быть объяснено на основе эвенкийского языка от слова асикахан – «красавица». То есть по женской линии буряты –булагаты –это те же тунгусы, при отце – тюрке. «Таким образом, имеющиеся материалы позволяют достаточно определенно говорить о том, что этническую специфику бурятской народности во многом определяет наличие в ее составе довольно мощного субстратного компонента тунгусского происхождения» (Нимаев, 1990, с.47-48).

Баргузинские буряты, которые впервые появились здесь с 1740 года, признают, что не застали здесь баргутов. По всей долине господствовали эвенки, но они не только помнили ушедший народ, но и в «баргутский период» проживали с ними совместно: охотники обитали в верховьях реки Баргузин, тогда как баргуты-скотоводы кочевали по Куйтунской степи (Залкинд, 1941, с.228-229). И это соответствует истине. Упомянутый выше Костька Иванов Москвитин «с товарищи» явно застал в 1647 году кочевья последних баргутов, а по сходству их образа жизни с бурятами Прибайкалья также назвал «бурятами». По крайней мере данное им беглое описание характеризует их типичными степными скотоводами, а не лесными охотниками, оленеводами, рыболовами и собирателями таежных дикоросов.

Не исчезли полностью баргуты и позже. По данным Б.О. Долгих, к приходу русских на территории Забайкалья проживало несколько немногочисленных «бурятских» родов, которые вошли в состав хоринцев. В хрониках баргузинских бурят «баргуты – хорчины» - это и есть хоринцы (Долгих, 1960, с.327). этноварианты типа *«Барга ехэ балчаангууд»* встречается и среди хоринцев. В переводе это «баргутские большие балчаны» (так именуется небольшая группа населения в составе хоринского рода гучит) (Цыдендамбаев, 1972, с. 216-217). В Бичурском и Кижингинском районах Бурятии и в Хилокском Читинской области проживают потомки *хорчитов*. Начиная с XVII в.

хорчины (корчуны) упоминаются среди нижнеудинских бурят. Есть *хорчиды* и среди селенгинских бурят, но с баргутами себя уже не связывают. Много их во Внутренней Монголии среди этнических баргутов.

По мнению ряда исследователей, термин «хорчин» означает «стрелки» / «стрельцы» (Владимирцов, 1934, с.175; Санжеев, 1983, с. 82). В пользу сближения хори с хорчинами свидетельствует также наличие в составе баргузинских эвенков кости *гальджигир* (гальдегир), то есть *галзут*. Галзуты же (или нохой-галзуты) составляют один из родов баргузинских бурят, связанных с эхиритами, пришедших с Ольхона и Верхней Лены.

Разнобой этнического названия древнего народа хорчинов (абахорчинов) или баргутов (солонбаргутов, монгол-баргутов) в преданиях баргузинских бурят и эвенков, по мнению Г.Н. Румянцева, явился следствием либо одновременного проживания в крае двух кочевых скотоводческих народов, либо вытеснение прибывшими баргутами более ранних хорчинов (Румянцев, 1962, с. 36-37). Однако такой взгляд не согласуется с его же замечанием о том, что «термином «хорчихол» баргузинские тунгусы называли баргутов». Упомянув «корчихолов» (или «корчунов»), они добавляли слово «баргут», как разъяснение этнической привязки. Между прочим, слово «корчихол» является множественным от хорчи/хори. В то же время хори-бурят они и сегодня именуют этнонимом *корил*, или *хори* (Шубин, 1973, с. 10). Академик И.Г. Георги в XVIII столетии отмечал, что тамошние «буряты называют себя барга-бурет» (Георги, 1799, с. 24).

Следовательно, корчихолы, хорчи, корчуны и баргуты – это один и тот же народ, называемый по древнему и более позднему произношениям, и современными их потомками являются буряты-хоринцы. Исследователь Б.Р. Зориктуев пишет, что хоринцы в XII-XIII столетиях проживали именно в Баргуджин-Токуме и участия в военных походах Чингисхана не принимали (Зориктуев, 1990, с. 38). Интересным письменным памятником пребывания загадочного народа в долине Баргузина являются «Баргузинские летописи», составленные в начале XIX века местным учителем Н.Ц. Сахаровым и впервые опубликованные в «Иркутских губернских ведомостях» в 1869 году (Сахаров, 1869), где основой сообщаемых сведений о баргутах послужили предания баргузинских эвенков, широко бытовавшие в прошлых столетиях среди местных бурят и русских.

По мнению Н.Ц. Сахарова, *хорчида-монголы* обитали в долине Баргузина много веков назад и были сменены эвенками (см. Румянцев, 1956, с.37).

Автор отмечает: «В устных преданиях рассказывается, что (здесь) обитал земледельческий народ, именовавший себя *абахорчин-монголами*. Вплоть до настоящего времени существуют ясные следы распаханной земли и оросительных канав, проведенных из горных речек и ручьев, сделанных этим народом <...> До сих пор находят разного рода железные и бронзовые орудия, имеющие искусные изображения и формы, подобные древним изделиям китайского народа, а также медные стрелы и другие подобного рода вещи, могильные насыпи и прочее.» Обобщая приведенные сведения, Н.Ц. Сахаров приходит к следующему выводу: «Если вникнуть <...>, то все это является важным свидетельством обитания здесь в древности какого-то культурного народа. Но неизвестно, кто и когда обитал. В тех старинных канавах теперь растут толстые сосны» (см.: Румянцев, 1956, с. 43).

К проблеме о хорчинах автор вернулся еще раз спустя много лет, когда составлял третью часть своей Летописи, озаглавленной «История перекочевки в Баргузин в 1740 году баргузинских бурят с севера Байкала под производством Ондreja Шибшеева», где привел новые сведения. «Задолго до эвенков, - писал он, - в Баргузине (жили) *абахорошины*, а некоторые называют *солонбаригут*. Монголы, жившие под таким именем, решили, что впоследствии в этой стране возможны притеснения и откочевали во внутреннюю Монголию. Говорят, что эти народы во Внутреннем Китае в настоящее время составляют 10 хошунов хорошинов. (Они) – искусный земледельческий народ. В Баргузине находили в земле древние железные и бронзовые изделия, киргизские медные стрелы и тому подобные вещи – памятники, (свидетельствовавшие) об обитании здесь этого народа. (Все) это, рассказывают, было в употреблении *абахорошинов* <...> Кроме того, имеется много следов от проведенных из горных ручьев канав и разработки пашен. Их называют канавами и пашнями *абахорошинов*» (Румянцев, 1956, с.55).

В переиздании Летописи 1887 года данный пункт дополнен следующей вставкой: «Памятников от сих народов на земле ничего не осталось; вероятно, они, как кочевники, жившие в войлочных юртах, ушли бесследно; в настоящее время все старые овраги водопроводных канав с горных речек, когда-то возделанные под пашни, а иные заросшие земли, и также находимые иногда из под земли чугунные заступы и оконечности железных стрел и т.п. бурятами называются *абахорчинскими*» (Румянцев 1956, с.85).

Известный востоковед Бурятия середины XX века Г.Н. Румянцев, комментируя «Баргузинские летописи», о хорчида-монголах сказал, что правильнее называть их хорчинами. Он поддержал высказывание Н.Ц. Сахарова, что хорчины – «древнее монгольское племя» - в настоящее время обитают во Внутренней Монголии и составляют костяк населения Хорчинского (Корцинского) аймака Внутренней Монголии (Румянцев, 1956, с. 65). Он сослался на сообщение из «Мэн-гу-ю-му-цзи», где о происхождении хорчинов говорится следующее: «В годы правления Хун-си (1425), когда монгольский подданный Арутай был разбит (племенем) вала, то повелитель его Куймэнгэ-Тасхара, из фамилии Борцзигита, потомок в 14-м поколении брата основателя Юаньской династии (Чингис-хана) Хабату-Хасара, бежал на р.Нонь (Амур), где приютился у урянха; так как между одноплеменниками его был род ару-корцинь, то в отличие от них он принял прозвание нонь-корцинь» (Мэн-гу-ю-му-цзи, 1895, с. 1-2).

Археологи давно обратили внимание на «баргутские» древности. Впервые упоминает о них в 1861 году горный инженер И.А. Лопатин. В своем дневнике он отмечал, что жители Баргузинской долины в разных местах находят различные железные предметы, из числа которых особо выделил сошники, стремена и удила. Он писал, что эти вещи местными жителями считаются принадлежащими баргутам – древним насельникам долины Баргузина. По свидетельству И.А. Лопатина, черепа, найденные вместе с железными предметами на Дьяконовских буграх близ Баргузина, были отправлены ссыльным декабристом М.К. Кюхельбекером в Кунсткамеру Петербурга (Лопатин, 1895, с.11-12).

Иркутский археолог П.П. Хороших, внимательно изучив в начале прошлого столетия памятники баргузинских баргутов, выделил целую серию «бесспорных» объектов древности. Среди них остатки плотины и мельницы, пещера с надписями на монгольском и тибетском языках по реке Банной, в которой, по приданию, жили «баргуты», оставившие черепки глиняной посуды, оросительные каналы у сел Уро, Бодон, Суво, по реке Аргаде и у поселка Курумкан, могилы у Лысой Горы близ Баргузина, остатки пашен в «Баргутской пади» близ села Суво, где находили «баргутские сошники и жернова», каменная плита с «баргутскими надписями» у села Харгана в Куйтунской степи, святилище в местности Кладово, где в глубокой нише встречаются «наконечники стрел, сошники, присваиваемые древним баргутам». Найденны были и жилища-землянки, о которых хорошо осведомлено эвенкийское население края. По их мнению, баргутские жилища расположены на

низких местах, а пашни – на высоких, причем находимые здесь «баргутские чугунные заступы» называются «надтенками», что по-эвенкийски буквально означает «землю рыть» (Хороших, 1962, с. 162). Одно из таких мест – Баргутские ямы близ с. Шапеньково – находится на берегу высохшего озера. Они обозначены пятью углублениями диаметром 3-5м и глубиной 0,7 – 1,2м. При раскопках в 1967 году Е.А. Хамзиной на отметке 1м от дневной поверхности были встречены кости лошади, глубже – угли и обгорелая земля, а на глубине 2м – доски, похожие на остатки землянки (Хамзина, 1982, с. 88-89).

Летом 1988 года во время археологических работ в Баргузинской долине нам удалось хорошо проследить направление «баргутских» оросительных каналов с помощью наблюдений с вертолета МИ-8. С высоты довольно отчетливо обозначалась довольно сложная система мелиорации, ныне погребенная под пашнями у села Уро и уже не наблюдаемая визуально с поверхности земли. Площадь, орошаемая этими каналами, не уступает современному колхозному полю. Следуя далее на север, мы летели вдоль магистрального канала, берущего воду из рек Уринки и Суво, причем современный канал, засыпавший древний при его сооружении, пролегал параллельно первому. Особенно крупные и глубокие каналы были замечены нами в истоках реки Аргады и на р. Гульмакта.

Особое внимание привлекли развалины массивной каменной плотины, через которую с грохотом и шумом пробивалась горная река.

Итак, баргуты – не мифический народ?

Анализируя многочисленные легенды о баргутах – хорчинах, местный ученый А.С. Шубин писал: «Учитывая столь сильную распространенность в народе поздних напластований в этих преданиях, можно полагать, что речь идет о действительных исторических событиях. Очевидно, хорчины проживали какое-то время в пределах Баргузинской долины, а затем, задолго до прихода русских, вероятнее всего после столкновений с эвенками на почве землепользования, вынуждены были покинуть эти места» (Шубин, 1973, с.9-10). Однако кажется странным высказывание автора о том, что «баргуты (корчихол), по-видимому, были скотоводами», ибо «следов широкого развития в прошлом земледелия в долине не обнаружено». Канавы, по его мнению, это всего лишь «следы приступа к распашке», а точнее – ирригационные сооружения для поливов лугов и пастбищ. И тут же он вступает в противоречие со своим выводом: «Но находки древних сошников и земледельческих орудий свидетельствует об угасшей земледельческой культуре» (Шубин, 1973, с.10).

Неожиданно интересный и важный материал о баргузинских баргутах дает местная шаманская культовая система, к сожалению, пока мало изученная. Общее, что связывает местные культы, это предания баргузинских бурят о Буртэ-Чино (Борто-Чоно), имеющие широкое хождение и по сей день. Суть его сводится к тому, что в давние времена из Монголии в Баргузин, спасаясь от беды, прибыл некто Буртэ-Чино (он же вождь баргутов Баргудай-мэргэн). Он поселился у горы Бархан (Барагхан), где, как утверждают местные старожилы, до сих пор сохранились остатки его стойбища. По рассказам одних информаторов, имел нескольких сыновей: одного из них, женатого на Баргуджин-гоа, звали Хори-дой-мэргэн (Хори-лартай-мэргэн) (Зориктуев, 1989, с. 108). Он и стал, якобы, родоначальником племени хори-бурят. По другим сведениям, Баргуджин-гоа была дочерью Баргудай-мэргэна. От брака Хори-лартая (Хори-дая) и Баргуджин-гоа родилась прамаменья монголов Алан-гоа. В современном понимании бурят Баргузинской долины, топоним *Баргузин* произошел от «Баргуджин-гоа» - имени жены Хори-доя – младшего сына Баргу-Батора (Угрюмов, 1998, с.13).

На той же горе Барагхан помимо Буртэ-Чино и Чингисхана упоминают и некоего Хабай-батора. По преданиям, он жил в местности Ярикто (это подножье священной горы), принадлежал к роду абзай, пришел в Баргузин в боевых доспехах и шлеме, вооруженным копьем и луком со стрелами. До его прихода местные тунгусы обижали поселившихся бурят, насиловали и уводили в плен женщин. Хабай смело встал на защиту соотечественников и после ряда сражений набег соседей прекратились. После смерти батора военное снаряжение хранили его потомки, а затем отнесли на вершину Барагхана и оставили там как реликвию. «Доспехи и шлем до сего времени находятся там. Люди, поднимавшиеся на Бархан для жертвоприношения, видели их». Рассказы о находящихся на Барагхане сабле, кольчуге, панцире, щите и копьях живут и сегодня.

Поминают на Барагхане также Хээстэ-шамана и вождя галзутского рода. Он также жил в Баргузинской долине, воевал с тунгусами и погиб от их стрел. Существует в местном пантеоне и образ Солбон Хашхи. Кто это был, неизвестно, но его связывают с тотемом-лебедем, хорчин-монголами и «13 северными нойонами». Иногда его называют шаманом, жившем во времена Чингисхана.

По мнению Т.М. Михайлова, культ горы Барагхан является одним из самых древнейших в Баргузинской долине. Он мог возникнуть еще во время баргутов, отчего Солбон Хашхи-нойон имел

в «помощниках» тунгуса и русского. С тех же времен идет культ Буртэ-чино, Гоа-Марал и Чингисхана (Михайлов, 1980). Наши исследования окрестностей Барагхана обнаружили крупный, но забытый культовый комплекс в виде каменных очагов, алтарей и неких курганов, покрытых мхом. Причем как раз в том месте, где сегодня буддисты воссоздали святилище богини Янжимы. Состояние мха позволяет датировать шаманский памятник ориентировочно временем до I тысячелетия нашей эры, так как ни современное бурятское население, ни ламы дацана о нем ничего не знают.

Другое древнее культовое место в Баргузине – местность Гульмагта, где буряты устраивают шаманский тайлган «хорчинам» - первым монгольским поселенцам северного края. Имеющиеся здесь археологические памятники (оросительные каналы, водохранилище, плотина, могилы) они однозначно связывают с именем баргутов, то есть тех же «хорчинов» - предков современных хори-бурят. Пантеон местных божеств состоит из шамана Сорон ехэ боо и его жены Нимай ехэ одигон. Но это были не только шаманы, но и воины, поскольку в призывании им ставится в заслугу завоевание Баргузинской долины у тунгусов:

*Из-за силы большой  
Эвенкийской землей овладели.  
Владеющие этой землей,  
Эту землю охраняющие.*

К числу баргутских явно относится и культ горы Бархан-Ундэр у с.Майское (в прошлом, с.Шаманка). Образу некоего Дээдэ-баабая молились не только буряты, но также эвенки и русские, что свидетельствует о большой древности традиции, как и то, что в силу особой значимости культа моления эти проходили несколько дней подряд. Русские построили у шаманского капища православную часовню, а буряты – буддийский бумхан в честь бога войны и всей Баргузинской долины Жамсарана.

Совместным бурятско-эвенкийским было и святое место Болон Тэмур в верховьях Баргузина. Здесь также молились по двое-трое суток с обильными жертвоприношениями коровами и баранами. В качестве духов - хозяев местности упоминаются легендарная Баргуджин-гоа (или Ховай-хатун) и батор Сагаан-хан, но часто в призываниях и сегодня звучит имя Чингисхана.

Таким образом, древнейшие культы Баргузина (а мы упомянули лишь несколько святых мест, из десятков имеющихся) явно связаны с прародительницей борджигинов баргутской Баргуджин-гоа, ее потомком Чингисханом, целым рядом баргутских баторов, захвативших северный степной край у коренных тунгусов. Тем самым

вырисовывается ситуация, когда в Баргузин по каким-то причинам в древности мигрировала группа кочевников–«монголов» (Герасимова, 1969).

### Баргуты и предки Чингисхана

Фольклорные сведения иногда рассматриваются ненадежным историческим документом. Мало ли что могут придумать люди и передавать из поколения в поколения как сказку. В том числе, о деяниях великих предков. Уж очень хочется поднять местный патриотизм о причастности родного края в былых знаменательных событиях и пребывании здесь исторически значимых лиц. В Бурятии также существует немало мест, где якобы побывал Чингисхан. Но Баргузин претендует на роль родовой земли предков Чингисхана по материнской линии. То есть на «тоонто», отчего края царственной династии Великой Монгольской империи. А это уже очень серьезно, ибо прямо связано с политикой, этническим самосознанием, с попыткой придать этому краю особое место в общественной жизни.

Поэтому следует выяснить, насколько народные предания бурят Баргузинской долины согласуются с официальной историей Монголии и родовым генеалогическом деревом Чингисидов.

И действительно, монгольские летописи и другие письменные источники эпохи средневековья находятся в полном согласии с рассмотренными выше легендами. Они подтверждают: величие баргутов достигло наивысшей степени к X-XI векам. Сюда, на далекий север, в долину, защищенную неприступными горными хребтами, ходили родоплеменные вожди, чтобы найти опору и поддержку для организации ответных действий. В качестве примера можно сослаться на историю внука Бодончара Начина и его племянника Хайду (Хайраба). Отправившись к баргутам на поиски невесты, Начин «подружился с аймаками Баргу и Чику и, собрав разбросанные и рассеянные войска, сделал Хайраба ханом, а сам стал полководцем».

По «Юань-ши», Начин жил у племени *ба-ла-ху* (Баргу или Баргут) в качестве зятя – «стал наемным зятем семьи народа баргу». Место ему понравилось, и проживал в Баргузине Начин долго. Туда же, к дяде, позже прибыл и его племянник Хайраб (Кайду) с той же целью – найти себе баргутскую невесту. Но в это время на их семьи в Приононье напали джалаиры и убили всех мужчин, угнав сотни голов скота и разграбив имущество. Дядя и племянник настигли обидчиков и покарали джалаириров. Вернувшись в Баргузин с победой, Кайду «поставил дом-дворец», а через реку построил мост (Балданжапов, 1970, с.40-41). О том же писал арабоязычный автор XIII столетия Рашид-ад-дин в своем «Сборнике летописей»: «*Хайду поставил становище (макам) в местности*

*Баргуджин-токум, одной из пограничных с Могулистаном. Для водопоя и переправы они устроили через реку переход, и имя этой переправе Хайду положил Джаролум. Начин поставил становище в низовьях реки Онон»* (Рашид-ад-дин, 1952, с.19). Так что археологам еще предстоит найти на реке Баргузин развалины средневекового дворца одного из предков Чингисхана – его прапрадеда. И скорее всего, они обнаружатся у священной горы Барагхан и близ Буксыкенской переправы.

Аймак Баргу упоминается также в истории с прадедом Чингисхана Хабул-ханом. Когда тот умер, владелец тайджиутов Табутай начал войну и захватил дворец хана. Его сын Бартом-батор, женатый на баргутке Сунигал-учжин, «*пешком пришел к солоням в аймак Долуган шарта тотоган*», сражаясь в пути с врагами.

«*Сговорившись с аймаком Баргу, солонь собрались и пошли на Табутая*» и, победив, заставили большинство тайджиутов подчиниться Бартому. В этих боях погибли все его четверо братьев, отчего у Есугей-баатура (отца Чингисхана) не было дядей, а у Темучжина – двоюродных дедов (Балданжапов, 1970, с.142).

А кто такие солонь и где они проживали? Согласно преданиям конных эвенков, *солонгоны* – это их «пешие» родичи, обитавшие в верховьях Баргузина, несмотря на то, что эта группа подразделялась на шесть родов (Шубин, 1973, с.57). Учитывая, что солонгоны существовали здесь со времен баргутов и не входили в аймак Баргу точно также, как солонь дочингисхановской эпохи Восточного Забайкалья, можно считать, что речь идет об одном и том же этническом образовании на севере края.

Об этимологии слова *Баргуджин-Токум* много говорилось, но единого мнения о происхождении этого географического названия пока нет. По предположению Б.З. Нанзатова в основе топонима лежат слова *баргу* – «добыча» (по древнетюркски) и *чи/джин* – аффикс деятеля (по тюрко-монгольски), а *тукум* – «земля [предков]» (помонгольски). Таким образом, это, якобы, «земля [предков] завоевателей» (Нанзатов, 2003, с.30). Но ведь на монгольских языках *баргу* переводится как «могучий, богатый». В понимании Д.Банзарова (1955), упоминаемая в «Сокровенном сказании» монголов северная страна *Кол-баргуджин-догум*, это географическая область с буквальным переводом «область Баргуджин при озере [Байкал]»: от *Кол* – (тюрк. *кель*) – «озеро», *догум* – (*токум*) – «область». Фигурирует также версия, согласно которой *кол/кель* есть производное от *гол*, что в монгольских языках помимо «долины реки» обозначает также понятие «центр». Отсюда



возможный перевод «центр Баргу-родины». По Г.В. Ксенофонтову, топоним *Баргуджин* имеет тунгусское происхождение, означая «та сторона», «тот берег». То есть с точки зрения обитателей долины р. Селенги это есть указание «за озером Байкал» или «Забайкалье», то есть «современный Приангарский край» (Ксенофонтов, 1937, с. 92). По местной этимологии название *Баргузин* произошло от слова «баргусин», что означает «переправиться на другую сторону реки». Некоторые считают его якутским в значении «потусторонняя страна», если ориентироваться со стороны Прибайкалья, то есть «за Байкалом». Сами же баргузинские буряты утверждают, что *Баргузин* (по-бурятски Баргажан) означает глухую отдаленную местность: «барга», «балар». (Угрюмов, 1998, с.13-14). В китайском языке *токум* означает «впадину, низменное место» (Березин, 1868, с.66, 85-86, 142), то есть речную долину, и точно соотносится с часто встречающейся в средневековых источниках (напр. в дневниках Марко Поло) «равниной Баргу».

В свете нашей темы о связи Баргуджин-Токума с предками Чингисхана по женской линии следует упомянуть еще об одном варианте перевода значения топонима. В современных монгольских языках слово *тохум/тухэм* имеет понятие «родина замужней женщины», «местность, где она родилась», «родное место», «родичи». Более того, суффикс *-джин* у монголов применялся при образовании женского имени, тогда как *-тай(дай)* – мужского. В таком случае все женщины из племени *баргу* (или барга) могли именоваться *Баргуджин*, а позднее – Баргажан (Цыдендамбаев, 1972, с.191). Все становится понятным, если знать, что народное объяснение географической точки на севере Бурятии связывается с событием, когда дед Чингисхана Бартан-багатур женился на баргутке Сунигал-учжин. Но ведь и прабабка Чингисхана (в восьмом поколении до него) Алан-гоа считалась рожденной от владыки области Баргуджин-тумат (он же Хори-лартай-мэргэн) (Данзан Л., 1973, с.54). А.Т. Бертагаев считал, что монголы именовали Баргуджин-Токум в этой связи «родственным Баргуджином». С ним согласен Б.Р. Зориктуев: «Вполне возможно, что монголы могли так назвать Прибайкалье во времена Алан-гоа, а может быть, в еще более ранний период, когда вблизи Байкала обитал, как утверждают многие источники, легендарный первопредок Чингисхана Буртэ-Чино» (Зориктуев, 1990, с.37).

Считается, что забайкальские баргуты, являясь родственными монголам племенем по женской линии, не воевали против Чингисхана, но поставляли преданных ему воинов. В числе великих полководцев правого крыла у Чингисхана из среды баргутов называется Джетай-нойон,

постоянно находившийся при особе императора. Баргут Джуржагин также был в числе выдающихся военачальников и участвовал в походах Чингисхана вплоть до Ирана (Рашид-ад-дин, 1952. – с. 178).

Вот почему Чингисхан особо доверял баргутам и однажды, став верховным и неограниченным властителем половины мира, сказал: «Каждый мальчик, родившийся в местности Баргуджин-Токум, на Ононе и Керулене, будет мужественным и отважным, сведущим и сметливым [от природы] без наставления и выучки. И каждая девочка, которая там родится, будет хороша и прекрасна лицом без убрания, причесывания и румян и будет безмерно искусна, проворна и доброжелательна» (Рашид-ад-дин, 1952.-с.178).

Но если баргуты действительно являлись родственниками Чингисхана по материнской линии, и даже будто бы союзниками по созданию Великой Монгольской империи, то кажется странным, почему они не выступали на его стороне в массовом порядке во время бесконечных войн с «лесными племенами». Более того, известно, что дядя Джетая убили его отца только за то, что тот был сторонником Чингисхана. Они дважды пытались умертвить за то же и самого Джетая. Значит, не все было ладно в политической среде самих баргутов, и считать Баргуджин-Токум в качестве надежного тыла монголов вряд ли правомерно. Или ранее баргуты жили в другом месте, там, где и сегодня? Или Баргуджин-Токум являлась географической областью более широкой, чем мы думаем? Не зря же Чингисхан ставит Баргуджин-Токум, Онон и Керулен в непосредственной близости друг от друга. Все встает на свои места, если вспомнить о древней кочевой тропе, которой пользовались аборигены Забайкалья для кратчайшей связи между Прибайкальем и Приамурьем. Она шла из Баргузинской долины по р.Ине через Икатский хребет на Еравнинские озера; оттуда через Телембу выходила на Ингоду (в район современной Читы), а далее – в Агинские степи и Маньчжурию (Тиваненко, 1979).

Сейчас появились данные, доказывающие, что родство Чингисхана с баргутами было закреплено лишь по линии его предков: когда же он начал создавать Великую Монгольскую империю и теснить соседние народы, политическая картина изменилась. Прежде всего отметим широкий разброс баргутов на западе. Племя *баргу/барку* зафиксировано среди кыпчакской конфедерации. Среди тюрок Северного Кавказа и ногайцев были борган-кыпчаги (Ахинжанов, 1989, с. 263). В. Валиханов отметил род *боргут* (бургут, баргут) среди киргизов и узбеков, и нисколько не сомневался, что он пришел из лесной страны

Баргуджин-Токум: то ли он принимал участие в военных походах Чингисхана, то ли бежал от них вместе с меркитами. В комментариях к трудам Валиханова прямо так и сказано: «*бургуты-буряты, бурятское племя, обитавшее в районе озера Байкал*» (Валиханов, 1961, с.685). солидарен с ним К.И. Петров, найдя в Восточном Тянь-Шане помимо баргутов также булагачинов и кэрэмучинов: «*Булагачины и кэрэмучины передвинулись из Баргуджин-Токума на найманские земли в общей массе с баргутами, одновременно с другими кыпчакско-киргизскими и ойратскими племенами*» (Петров, 1961, с.139). Согласно некоторым сюжетам калмыцких преданий, *баргубуряты* названы в качестве одного из этнических компонентов Дэрбэн-ойратов (Калмыцкие историко-литературные памятники, 1969, с. 19, 144). А вообще-то в составе как тюркских, так и монгольских народов, и сегодня встречается немало родов *барга, баргу, баргут, барган, бороган*, явно происходящих из разгромленного Чингисханом государства-улуса Баргутии.

#### Тюрки или монголы?

Ученые от политики, стремясь вопреки историческим фактам обосновать промонгольское происхождение раннесредневековых этносов Восточной Сибири, обычно ссылаются на Рашид-ад-дина, который, якобы, назвал монголами все так называемые «лесные» племена страны Баргуджин-Токум к северу от Могулистана. Но это не так, если повнимательнее почитать «Летопись» автора XIII столетия. Ведь он совершенно четко относит к «тюркам» все скотоводческие народы Азии, в том числе «*в местностях с многочисленными летовками и зимовками, известных под именем Могулистана, <...> по рекам и озерам <...> Селенга, Баргуджин-Токум*» (Рашид-ад-дин, 1952). Баргуджин-Токум он помещает в самой северной части Могулистана, отличающегося, от остальной территории «чрезмерным холодом».

По древним китайским хроникам, в районе озера Байкал проживали по соседству две крупные этнические общности: на западном берегу *курукане*, на восточном – *байегу*. Но что важно – обе входили в общую группу *тюрков-теле*, воевавших против *тюрков-тугю* (Второй Древнетюркский каганат, господствовавший на степных просторах Центральной Азии). По древним китайским источникам, описание быта байегу полностью сходно с жизнью прибайкальских *курукан*: «*В их землях растут обильные травы, все люди живут богато <...> Все люди надевают лыжи и по льду преследуют оленей. Занимаются хлебопашеством и охотой. В стране много хороших лошадей, производится железо. Обычаи сходны с обычаями теле, язык*

*немного отличается*» (Малявкин, 1989, с.142).

По другим летописям, байырку входили в состав объединения тюрков-теле. Они населяли побережье озера Каганьхэ (вероятно, это озеро Байкал, так как впадающая в него река Селенга называлась китайцами Каганьхэ – «Железная», как и современная Селенга по-эвенкийски именуется «Железистой»). В племени насчитывалось 60 тыс. человек, оно было способно выставлять 10 тыс. воинов. Предводителей они называли ельтеберами (от тюркского эль - народ). В 647-648 гг. известно имя ельтебера Цюйлиши. После распада Первого Тюркского каганата, в 20 г. VII века, 9 колен байырку (байегу) попало под зависимость Сейяньто, а после их разгрома китайцами империей Тан в 647 г. на их землях создается административный округ Юлин. Зимой 662 г. китайские каратели под руководством Чжана Женьтая попытались разгромить непокорных байырку, но сами потерпели от них поражение «у озера Селенга» (т.е. Байкала). В 679 году байырку приняло активное участие в становлении Второго Восточно-Тюркского каганата, но в 716 году на р. Селенге они убили Капаган-кагана и вместе с тюрками-теле образовали Уйгурское государство. В монгольское время байырку назывались байаутами. Рашид-ад-дин упоминает одну из двух ветвей байаутов, называемых *кэхэрин* – *байаут*, юрты которых располагались по р.Селенга (См.:Ахинжанов, 1989, с. 201).

Позже, когда начался разгром меркитов и живущих рядом байаутов, часть их бежала в Баргузин и далее в Якутию. Среди эвенков есть роды *баяки, баягиры*, делившиеся на скотоводов и оленеводов. По преданиям якутов, люди, пришедшие на Лену с Омогоем, именовались *Бааргай Байагантай* («Огромный Баягантай»). Имя предков баягантайцев Кордоя или Хордоя принято связывать с предком хоринских бурят Хоредой-мэргэна. Значит, это *хоро*. Первоначальной формой «баягантай» является слово «баайага», а «тай» - это показатель множественности. В.В. Ушницкий справедливо заметил, что основой этнономов баягиры, баягантайцы, байегу и байаут является слово «баайага» (Ушницкий, 2009, с. 80), что по нашему мнению, созвучно с древним тюркским названием Байкала – «Байагал» - «Большое (или Великое) озеро».

Среди исследователей нет противоречий во мнении, что баргуты исходят из своих предшественников *байегу/байырку\** к которым относится абсолютное большинство археологических памятников Баргузинской долины. В частности, некоторые надмогильные кладки, раскапываемые Б.Б. Дашибаловым, являются вариантом типичных *куруканских «шатровых»*

сооружений, то есть в культурном отношении два этноса родственны. Д.С. Дугаров убежден: хори, хонгодоры, булагаты – это культура курыкан (Дугаров, 1993. – с. 231). Солидарен с ним Б.Р. Зориктуев: прибайкальские курыкане и родственные им забайкальские байырку – это тюрко-телеские племена, которые могут рассматриваться в качестве того этнического слоя, на котором произошло формирование протобурятского племени. По его мнению, «байырку составляли союз племён из нескольких тюркских племён, расположившихся в Забайкалье». Далее он однозначно приходит к выводу о том, что в начале второй половины I тыс. н.э. вокруг Байкала обитали преимущественно тюркоязычные племена, тогда как немногочисленные ещё монгольские группы в лучшем случае находились у них в роли данников-кыштымов (Зориктуев, 1989. - 105). Его коллега Д.Д. Нимаев, говоря о забайкальском племенном объединении байырку (багу китайских источников), считает весьма вероятным их преемственную связь с баргутами раннемонгольского времени, подчеркивая, тем самым, тюркское происхождение Чингисхана по материнской линии (Нимаев, 1989). Д.-Н.Д. Доржиев на основе лингвистики убедительно доказал, что «буряты не являются частью монгольского народа (как думали раньше или же стараются утверждать некоторые исследователи), а наоборот, буряты как народ исторически отпочковался от лесостепных баргутов Прибайкалья» (Доржиев, 1955). Наконец, назовем П.Б. Коновалова, поддержавшего аналогичные мнения большинства историков. Он также полагает, что «все бурятские племена были тюрками, омонголившимися лишь с возвышением средневековых монголов с конца X-начала XI вв». (Коновалов, 1993. с.6). По Т.М. Михайлову, на последнем этапе своей истории курыканов стали называть хори, туматами и бурутами; поэтому есть возможность выводить буретов (буратов) – тюротов из состава баргутов (Михайлов, 1990).

Что касается устойчивого мнения баргузинских эвенков о происхождении хори-бурят от баргутов (корчихолов), то здесь все понятно: генетическое родство курыкан и хоринцев, как мы уже отметили выше, доказано наукой и споров не вызывает. Те и другие рода до сих пор проживают в Баргузинской долине.

По мнению Б.Б. Дашибалова, курыкане и хори – это два генетически родственных племенных объединения, сменивших друг друга по времени (Дашибалов, 1990, с. 10-11). Имеется высказывание Б.Б. Барадина о том, что «самое слово булагат есть древний китаезированный вариант слова баргут» (Барадин, 1927. –с.45), но Ц.Б. Цыдендамбаев

поправил его: «У китайцев баргуты значились под названием «байегу» (ср. с тюркским байырку)» (Цыдендамбаев, 1972. - с. 80). Вспомним Рашид-ад-дина, говорившего, что племена хори-тумат, баргу и байаут имели общее наименование баргутов, «так как жили по ту сторону Селенги», и это вовсе не монголы, поскольку «их стойбища и жилища [находятся] <...> на самом краю местностей и земель, которые населяли монголы и которые называют Баргуджин-Токум» (Рашид-ад-дин, 1952.-с.121, 150). «В этих областях много городов и селений, и кочевники многочисленны» (Рашид-ад-дин, 1952.- с.150).

Тот же Рашид-ад-дин много говорит о хори-туматском племенном союзе, распавшемся под ударами монгольских войск Чингисхана в 1217 году (Зориктуев, 1990. - с.39-43). Интересно, что этим же годом некоторые исследователи датируют бегство на север части забайкальских хори-бурят, именуемых в Якутии хоролорами (вспомним легенды о сыне Баргуджин-гоа Хоридой-мэргене, или Хорилартай-мэргене – мифическом прародителе племени хори-бурят), язык которых тамошние арктические народы не понимали. Предания гласят, что говор южных переселенцев напоминал «щебетание птиц» (хоро тыла). Ведь не случайно «Сокровенное сказание» монголов повествует о причине бегства на север Хорилартай-мэргена так: «Хорилартай-мэрген решил выделиться в отдельный род – обок, под названием Хорилар» потому, что на их родине – «в Хори-Туматской земле шли взаимные пререкания и ссоры из-за пользования звероловными угодьями» (Сокровенное сказание).

О родстве туматов с хоринцами и баргутами говорит тот факт, что среди сыновей мифического Барга-батара помимо Бурядая и Хоридоя некоторые легенды называют и Оледая – родоначальника будущих олетов – калмыков (Румянцев, 1958. – с.163-174). Более того, туматы в монгольских источниках XIII века всегда фигурируют с племенем хори, и чаще всего именуются хори-туматами. Тут вновь надо вспомнить древнее предание хоринских бурят о Барга-батаре (в древнем произношении Бар-гудай) и его сыновьях. Согласно нему, сильный витязь Баргу, явившийся с юго-востока и поселившийся на южном берегу Байкала, имел трех сыновей – Олюдая, Бурядая и Хоридоя (в более древнем варианте это Хорилартай-мэрген «Сокровенного сказания»). Когда сыновья подросли, отец определил им жизненный путь: Олюдая он направил в западную сторону, где он стал прародителем калмыков; Бурядая оставил при себе в Прибайкалье, где он и дал начало «западным бурятам», а Хоридою, ставшему прародителем

хоринцев, он велел заниматься промыслом зверей по гористым местам и дремучим лесам (Цыдендамбаев, 1972, с.184; Румянцев, 1958, с.194-195). Это генеологическое предание расшифровывается довольно просто: из среды баргутов выделились олеты (калмыки), прибайкальские буряты и забайкальские хоринцы, то есть три народа родственны друг другу общим происхождением от байырку (баегу) – баргутов (Цыдендамбаев, 1972, с. 192). Более того, лингвистическое обоснование этнонимов *баргут* /*бурят* и их родовых подразделений подтверждает их тюркоязычные происхождение: у них в основе лежит одно и то же тотемное понятие «волк», но у баргутов оно тюркского происхождения, а у бурят – монгольского (Жамцаранова, 2009).

Если взять еще один персонаж предков-прародителей якутов, пришедших из «бурятской земли» - Эллея, то привлекает внимание его древнее имя – Боркутай или Барга-баатыр (Ксенофонтов, 1977. –с.128). Если убрать окончание «тай», применявшееся при образовании личного имени, то получим *Баргу*. И по хоринским генеологическим преданиям отца буряты Буряда и хоринского Хоридоя был Барга-батор. Соответственно, и перевод монгольского слова «баргу» звучит как «могучий, богатый», но есть и другое объяснение слова – «грубый, примитивный, стародавний» (Цыдендамбаев, 1972. – с. 279). В тюркском языке такие значения применительны к этнониму *байырку* (Юдахин, 1965. – с.99). То, что якутские *борогонцы* родственны баргутам, свидетельствуют их топонимы Баргыдай и Баргы; есть среди якутов и род *баргыдай* (Иванов, 1988. – с. 100-101).

Кстати говоря, в тюркских языках этноним байырку имеет значение - «могучий, богатый (народ)». Так что комментарии об их грубости, примитивности и стародавности, приводимые поздними комментаторами, следует расценивать в отношении их древнего происхождения, подобно тому как под этнонимом «баргут» можно понимать географическую привязку этноса. Некоторые современные историки настаивают на версии о монгольском происхождении хори-бурят, но если принять во внимание такой устойчивый этнодифференциальный признак, как почитание птицы-лебедя в роли родового тотема, то явно обнаруживается не монгольская, а пратюркская основа (Дугаров, 1983. – с. 113), что соотносится с летописными источниками эпохи средневековья, причем и с данными о происхождении туматов и тумасов.

Но когда же произошел начальный этап «монголизации» Баргуджин-Токума?

Б.Р. Зориктуев полагает, что во второй половине

VI века, после падения Жужаньского каганата, «какая-то группа монголов, называвшая себя Буртэ-Чино, вышла из мест своего обитания и дошла до Северо-Западного Забайкалья». По Б.Р. Зориктуеву, бытование в Баргузинской долине преданий о Буртэ-Чино можно рассматривать как отзвук некоего исторического события. «Логично предположить, - пишет автор, - что находясь в Забайкалье, монголы-чиносцы могли вступать в контакт с окружающим этническим, скорее всего тюркоязычным населением, и в значительной мере ассимилировать его. В результате байырку, кори (хори) и другие местные племена могли постепенно утратить прежние этнические черты и войти в состав монгольских племен» (Зориктуев, 1989. – с. 108-109).

В принципе ход исторических событий очерчен верно, но на начальном периоде не все было так просто. По крайней мере говорить, что Баргуджин-Токум был, по Б.Р.Зориктоеву «северной периферией монгольского мира» (Зориктуев, 1993. – с. 178) нельзя. Дело в том, что перечисленные Рашид-ад-дином племена баргутов, кори, тулас, курлаутов, кунгиратов, эльджигинов, булагачинов, керемучинов и лесных уранхайцев этим и другими исследователями совершенно обоснованно причисляются к тюркским этносам, хотя и уже начинавших испытывать незначительную монгольскую ассимиляцию, а вернее – пришельцы находились в вассальном подчинении у тюркского аборигенного этноса. Поэтому правильно будет считать данную область северной степной периферией, окраиной центрально-азиатского мира, снимая невольную ассоциацию с монгольской языковой средой. Однако непосредственными соседями были «племена кори, баргут, тумат и байагут, из коих некоторые суть монголы и обитают в местности Баргуджин-Токум, и также близки к этой области. В этих областях много городов и селений, и кочевники многочисленны» (Рашид-ад-дин, 1952. - 150).

### Баргуты и меркиты

В период создания Великого Монгольского государства эпохи Чингисхана, баргуты и их страна Баргуджин-Токум часто упоминаются в связи с покорением меркитов, являвшихся южными, наиболее близкими соседями. Причем контакты были настолько близкими, что создается реальное впечатление: в северной части Баргуджин-Токума кочевали баргуты, в южной – меркиты. А неучастие баргутов на стороне Чингисхана против меркитов объясняется их общим тюркским происхождением. Те и другие занимали, по Марко Поло, одну и ту же «долину Бангу» (Баргу).

Согласно «Сокровенному сказанию» монголов и «Сборнику летописей» Рашид-ад-дина, меркиты

всегда искали спасение в Баргуджин-Токуме в случае смертельной опасности. Так, когда объединенные войска Темучжина, Джамухи и Тоорил-хана в 1177 году напали на кочевья меркитов по Селенге, Хилку и Тугную, их хан с народом поспешно бежал «вниз по Селенге в страну Баргуджинскую». Второе бегство произошло в период захвата Тоорил-ханом меркитского в 1197-1198 гг. улуса, и вождь их оставался там до тех пор, пока не ослабла сила завоевателя. Вероятно, в этот период баргуты вошли в военный союз с меркитами и всеми тюркоязычными народами Южной Сибири и Северной Монголии, кто не пожелал быть в вассальной зависимости от новых повелителей Центральной Азии. Когда же в 1207-1217 годах союз этот потерпел поражение, разбитые родоплеменные группы вновь нашли спасение в Баргуджин-Токуме и Якутии. Этому есть несколько убедительных подтверждений. Так, среди эвенков Севера Забайкалья (географического центра страны Баргуджин-Токум) до сих пор существует рода *мекри* и *бекри* (бекирин), так же увас. В XVII-XVIII вв. среди них отмечены *вакарайский*, или (*увакильский*), род, включавший как коневодов, так и скотоводов. Причем для эвенков-олeneводоv они считались враждебными, имели «пешие и конные отряды». Конные вакарайцы («вокорои», «взкорой»), вооруженные железными пиками, защищали свои лица железными масками. По замечаниям специалистов речь, видимо идет о селенгинских меркитах, бежавших в Баргуджин-Токум после нашествия Чингисхана (Этногенез народов севера, 1980. – с. 161-162). Напомним, что в составе меркитов действительно был род увас (хаос). А тот факт, что среди вакарайцев наиболее распространенными личными именами являлись Токта и Тохтыхан (как память о их предводителе Тохтоа-беки или Тохтоа-хан), разве ни о чем не говорит?

Род *нологир* среди эвенков считается потомком династийного (царского) уйгурского рода. Их предания также повествуют о том, что *ноло-гэ-джалаиры* проникли в Баргуджин-Токум, спасаясь от войск Чингисхана, а затем часть их, вместе с другими преследуемыми монголами родами, мигрировали еще далее на север, где продолжают и в Якутии жить в близком соседстве. А меркиты как раз и являлись генетическими потомками тюрков-уйгуров, господствовавших в Центральной Азии до возвышения монголов.

Кстати говоря, эвенки называли своих рыцарей, стоявших на защите родной земли, суонингами. Это адекватно хосунам древних преданий, также представлявшим собой витязей, командовавших военными отрядами: они носили железную броню,

как и конные вакарайцы севера Забайкалья. Разгадка кроется в том, что термин *хосун*, безусловно связан, с монгольским словом *хошун* – «военный отряд» (Никифоров, 2002. – с.101-106). Не думаю, что суонинги эвенков и хосуны якутов были монголами. Скорее всего, хошуны, как часть улуса – государства, существовали и у меркитов, поскольку во время нападений монголов все три меркитских рода выделяли самостоятельные военные отряды. В таком случае властители этих родов именовались *эдженами* (по-монгольски). Встречающийся на р.Лене этноним *эдьээн* соотносится с живущим там *эжанским* родом, когда-то явно представлявшим военный отряд. И совсем не случайно их мифического воителя именовали Хара-тумэ-ном. Слово тумэн как раз и обозначает крупный военный отряд.

Возвращаясь к следам пребывания меркитских беженцев в Баргуджин-Токуме и далее в Заполярье, вновь рассмотрим этническую группу *нологир* среди местных эвенков. Напомним, что *нологэ* (кологэ) упоминается у меркитов уйгурского происхождения как «царственный» род. Но и у эвенков нологиры рассматривались потомками династийного уйгурского рода. В.А. Туголуков полагает, что нологэ-джалаиры проникли в Баргуджин-Токум во время бегства от войск Чингисхана, а часть их вместе с другими мигрантами из разбитого меркитского государства отправилась далее на север, где и зафиксирована среди якутов (Туголуков, 1985. – с. 190). Среди их спутников были и *угулэты* (ойраты), ранее также проживавшие в Забайкалье: в Якутии среди вилюйских и оленекских саха они образовали Угулятский наслег и стали именоваться увалагиры-угуляты (Туголуков, 1985. – с.190). Из «Сокровенного сказаная» монголов известно, что *сартулы* и *хатагины*, входившие с меркитами и другими племенами в конфедерацию Джамухи, после разгрома Темучжином бежали именно в Баргуджин-Токум, а также, как и *икиресы*, *буруты*, *салджиуты* и *тайджиуты*, связанные с тюркским миром. Что касается *урасутов*, то некоторые исследователи под этим родом в составе эвенков, бурят и якутов подразумевают меркитов (Бутанаев, 1986. с.15).

Но самое интересное то, что среди баргузинских эвенков известен и род *баягир*, который ведет начало, как полагают, от местных *байегу-байырку-баргутов*. Есть и род *елигин* – от бежавших в XIII в. сюда джалаиры: «...*джалаирский [хан] Чжебке с испугу перед Чингисханом бежал в страну Баргузинскую*» (Сокровенное сказание, -с.117). Есть среди эвенков дуликагиры (дулигат, дулар) – бывшие тюрки-теле. Но особо обратим внимание на *каранутский* род тунгусов, который встречается

среди бурят как *шаранутский*. Он считается потомком того самого тюркоязычного населения долины Баргузина, которое было известно под именем *мурченов*, или *баргутов*, как их называли эвенки (Этногенез народов Севера, - с.162-163). Там же, в Баргузине, сохранился этноним *курухен*, представителей которого считают потомками раннесредневековых аборигенов лесостепной части Прибайкалья – тюркоязычных *курухан* (Свинин, 1974. – с.20).

Если взять местные тотемы, то на севере Байкала и в Баргузинской долине существует эвенкийское представление об обособленности целого ряда «тунгусоязычных» родственных групп, прежде всего тех, кто считается этносами «орлиного» происхождения: кучигаров, киндыгиров, юконцев и корчинцев. Если учесть, что *кучигаров* баргузинские эвенки отождествляют с *корчинами* (бурятами-хоринцами), *юконцев* (яколцев) – с якутами, а в отношении киндыгиров есть сведения об их приходе (южном) происхождении, то налицо факт отунгусивания каких-то прототюркских родоплеменных групп с тотемом орла, проникших на север и пытавшихся освоить богатые пастбищные места в долине Баргузина. По археологическим данным, первое такое проникновение этносов с тотем орла произошло на рубеже эпох в связи с хуннской экспансией в Забайкалье (Тиваненко, 1990. – с.80). У забайкальских меркитов, как прямых наследников местного аборигенного населения, птица-орел также считалась племенным тотемом, перейдя впоследствии и к их потомкам – хоринцам.

Этот перечень «иноземных» родов среди современных эвенков Северного Байкала (Баргузина) можно было бы продолжить и далее. Он лишь подтверждает факт сложного этнического состава местных аборигенов. Однако возникает закономерный вопрос: куда же в самом деле исчезли баргуты Баргуджин-Токума? Ведь первые русские казаки-землепроходцы, проникшие в этот край в 1646 году, встретили на всем протяжении степной долины лишь одних конных тунгусов (эвенков) с типичным «центрально-азиатским» вооружением с использованием защитной брони.

А случилось то, что случается с любым народом, когда он оказывается в меньшинстве. Потомки баргутов и других ранее бежавших к ним представителей тюркоязычных племен из разбитой меркитской коалиции, постепенно утратив хлебопашество и скотоводство, вошли в состав ассимилировавших их тунгусов. Дольше всех, похоже, пытались сохранить свое этническое своеобразие баргуты, воюя с таежными аборигенами, пока часть их не ушла в Маньчжурию, а другая «превратилась» в эвенков.

Значит, у современных эвенков края все еще течет кровь «мифических» баргутов, меркитов и более ранних курыкан. Сегодня у местных аборигенов еще живы предания о массовом проживании в Баргузинской долине якутов, которых русские в XVIII столетии уже не застали, не считая сильно отунгусившегося рода *юконцев* (*яколцев*), потерявших свое этническое самосознание. Два народа по легендам сначала жили мирно, но затем произошло какое-то сражение, и якуты были изгнаны на север (Шубин, 1973. – с.10-11). Поскольку якутов многие исследователи отождествляют с теми же меркитами, бежавшими в Баргуджин-Токум, то это еще одно подтверждение о большой роли северного края в средневековой истории Забайкалья (Тиваненко, 2010. – с.201).

### Дорога на Баргузин

Говоря о бегстве в Баргуджин-Токум меркитов долины Селенги под ударами монгольских войск Чингисхана, очень интересно рассмотреть некоторые генеалогические предания их потомков – бурят-хоринцев, в которых мы находим яркие рассказы о их вынужденном бегстве с породных кочевий в северные края.

На это обратил внимание фольклорист Д.С. Дугаров. Комментируя древнюю песню «Дааган шарга», он предложил датировать повествование концом XII – началом XIII столетий. Песня представляет собой образец популярной среди монголоязычных народов минувших веков так называемой «диалогической песни», по типу найденной на Волге «песни на бересте» XIV столетия: в ней запечатлен песенный диалог между молодым монгольским воином, брошенным в составе войск Батыя на юг России, и его матерью, оставшейся без любимого чада в степях Центральной Азии.

Д.С. Дугаров анализирует два из сохранившихся памяти куплетов «Дааган шарга»:

<i>Дааган, дааган шаргаара</i>	<i>На лончаке соловой масти</i>
<i>Дархитын даба дабалайб</i>	<i>Дархитуйский хребет перевалил.</i>
<i>Долон табамай хасандаа</i>	<i>К своему семидесятилетию</i>
<i>Дайсанай олье далалайб...</i>	<i>Несметных врагов уничтожил.</i>
<i>Баруун Хурбын дабаанда</i>	<i>На западном Курбинском хребте</i>
<i>Байра олон сэргэ лэ.</i>	<i>Вражья рать собралась.</i>
<i>Бахархажа мордосон,</i>	<i>Отважно к ним отправившийся,</i>
<i>Манайл ахай алим бэ?</i>	<i>Братец наш, где же он?...</i>

(Дугаров, 2003. – с.15)

На первый взгляд, этот отрывок ни о чем особенном ни говорит. Однако привлекает внимание факт упоминания семидесятилетнего воина, севшего на боевого коня. В исторически обозримое время старики у хори-бурят в столь преклонном возрасте не принимали участие в военном ополчении. И лишь необходимость

защитить независимость и свободу своего рода – племени от напавших вражеских орд могла быть причиной участия в битве мужской части разного возраста. Именно такая многотысячная вражья рать, согласно тексту песни, сосредоточилась на «западном Курбинском хребте», подойдя с южных степей.

Курбинский хребет в Бурятии действительно существует. Он тянется с юго-запада на северо-восток по правобережью р.Уды параллельно горному массиву Улан-Бургасы. Западные отроги начинаются от р.Курбы и заканчиваются районом Еравнинских озер. Далее к побережью Байкала идет сплошной массив сибирской тайги, вплоть до Баргузинской долины.

Спрашивается, какому великому хану монгольских степей понадобилось гнать хори-бурят, с обжитых плодородных кочевий к югу от Курбинского хребта, на Селенге и ее притоков, в северные пределы лесостепи, в непривычные для скотоводов горнотаежные дебри? Зачем и для чего он привел сюда полчища своих конных воинов, с кем он хотел воевать и ради чего?

Некоторый свет на эту давнюю историю в жизни хори-бурят, по мнению Д.С. Дугарова, проливает старинное предание баргузинских бурят о преследовании их предков войсками некоего грозного монгольского хана, загнавшего степных кочевников в непроходимые леса и горы. Но только благодаря смекалке мудрых стариков, бывших при ополчении, и случайному прилету стаи лебедей малочисленные и измученные погоней жители Забайкалья спаслись от неминуемой гибели.

Согласно древнему преданию, дело обстоит так: потерпев неудачу в битве с монголами, буряты Селенги, Хилка, Чикоя, Уды и Тугнуя бежали в далекий Баргузин к своим этническим сородичам (баргутам). Настала ночь, и беглецы остановились на ночлег, совещаясь при этом, как оторваться от преследователей. Старики посоветовали молодым разжечь многочисленные костры на вершинах и южных склонах гор и холмов, а на запасных лошадях посадить фигуры «воинов», сделанных из хвороста. Так и поступили. И несколько человек, специально оставленных для этих целей, всю ночь цугом (гуськом) водили «всадников» вокруг гор, имитируя прибытие все новых и новых подкреплений, а сами хори-буряты чуть свет снова двинулись в сторону Баргузина.

Тем временем наступило утро. И вдруг с северной баргузинской стороны с криком прилетели стаи лебедей. Увидев их, монголы подумали, что на помощь преследуемым пришла сама богиня-мать хоринцев, небесная тотемная птица дева-лебедь Хубжи-хатан со своим пернатым воинством. Не рискнув дать сражение чужеземным

богам, монголы поспешно удалились восвояси (Дугаров, 2003, - с.15).

Подтверждение реальности данного события дает еще один вариант легенды, зафиксированный в булагатских летописях. Он также повествует о неких воинственных монголах, нагрянувших на юг Западного Забайкалья и грабивших местное население. Не выдержав насилия, представители одиннадцати хоринских родов группами стали уходить в спасительную, но далекую Баргузинскую долину. «Многочисленные монгольские воины пустились в погоню. Оказавшись в безвыходном положении, хоринцы сделали фигуры людей из растения хартагана на перевале Алтан-горы, находящейся по эту сторону реки Баргузин, и привязали к оседланным коням в количестве около сотни, надели на них полное облачение, броню и шлемы, нацепили им луки и налучья и посадили верхом. Пока они находились в ожидании, прибыли монгольские воины. Во время сражения они прогнали их с гиканьем тех коней своих с хартагановыми чучелами перед монгольским войском. Они остановились, в удивлении говоря: «Что за смелое войско!» В то время из-за находившегося по ту сторону их хребта прилетели, издавая свои крики, осенние перелетные стаи лебедей. Монгольские воины, жителей степей, не выдавшие до этого перелета многочисленных стай лебедей и не слыжавшие общих издаваемых кликов, сильно были изумлены. Полагая, что прибыло в помощь пополнение народу этих одиннадцати родов хоринских многочисленное чужеземное войско обратилось в бегство. После этого у народа 11 хоринских родов, в соответствии с простыми нравами того времени, из желания не предавать забвению заслуги лебедей, оказавшихся для нас защитой и спасением в столь грозное время, вошла в обиход поговорка: «Лебедь – предок, береза – коновязь», существующая доныне» (Юмсунов, 1995. – с. 39).

Эти два предания, бытующие до сих пор среди хоринских бурят (в том числе и баргузинских), дают ряд весьма ценных исторических сведений:

Во-первых, в Баргузинскую долину убегали из степного Забайкалья именно средневековые предки современных хори-бурят, у которых древнем тотемом являлась птица-лебедь.

Во-вторых, сражение между хоринцами и монголами произошло у южных подножий Курбинского хребта, в долине реки Уды, куда имеется прямой короткий путь из Тугнуйской долины через Брянь – Заиграево или по реке Уде от Селенги.

В-третьих, ввиду больших потерь в предыдущих сражениях с неприятелем хоринцы призвали в ополчение всех своих сородичей, кто мог сидеть в

седле и стрелять из лука, в том числе и престарелых семидесятилетних стариков. Не случайно поэтому герой песни не вернулся с последнего решающего боя.

В-четвертых, монголы не решались преследовать побежденных в непривычных горнотаежных чащах Прибайкальского хребта и поэтому отказались от вторжения в Баргузинскую долину.

Если «пройтись» по следам убегающих хоринцев и настигавших их монголов, то непосредственно от Тугнуйской долины на север можно найти немало полуполюгендарных памятников и связанных с ними исторических лиц. Среди них «хозяин» горы Эжир в Заиграевском районе. По легендам местных бурят, он был выдающимся военным предводителем у монголов Чингисхана. Его представляют ездящим на темносинем (знак великоханской власти!) коне, носившем конусовидную синюю шапку с наушниками, воином, одетым в панцирь, шлем, имевшим копье, луки колчан со стрелами. Похожий образ был и у «хозяина» горы Тэмгэтэ близ Эрхирика и Дабаты близ Курбинского хребта. Будучи одним из сподвижников «хозяина» горы Эжир, он также представлен монгольским воином, восседавшим на соловом коне, одетым в железный панцирь и шлем, вооруженным боевым луком и колчаном со стрелами (Нацов, 1995. – с.67-68).

Говоря о времени свершившегося события, Д.С. Дугаров пишет, что существует только одно логическое объяснение: хоринцы и хоролоры – это средневековые меркиты, генетически восходящие к селенгинским уйгурам, но омонголившиеся во время возвышения в Центральной Азии сяньбийцев – киданей. И далее ссылается на «Сокровенное сказание» монголов, в котором содержится описание, возможно, того самого побега меркитов – хоринцев в Баргузинский край под ударами войск Чингисхана: *«Тою же ночью и весь Меркитский улус в панике бросился бежать вниз по течению реки Селенги, а наши войска ночью же гнали, губили и забирали в плен беглецов»*, датируя событие осенью 1177 года, что совпадает с порой осеннего перелета птиц на зимовку (Дугаров, 2003).

### Страна Баргутия

В заключение скажем еще об одной, чисто географической, особенности Баргуджин-Токума, на которую обращали внимание авторы средневековья. Прежде всего, нужно упомянуть путешественника Марко Поло, который с 1271 по 1295 годы прожил в Центральной и Южной Азии, записав в своем дорожном дневнике множество интересных фактов его современности. От монголов он получил сведения и о северной долине Баргу, изложив их в своей книге сразу в трех главах: «Здесь описывается равнина Баргу и разные обычаи народа», «Здесь описывается северный царь

Канчи», «Здесь описывается темная страна» (Алексеев, 1941).

Страна Баргу начинается, по Марко Поло, от монгольской столицы Каракорум к северу, и равнина эта тянется на «сорок дней». «Народ тамошний дикий и зовется Мекри, занимаются скотоводством, много у них оленей; на оленях, скажу вам, они ездят. Нравы их и обычаи те же, что и у татар-\* <...> Летом у них есть дичь, и они охотятся и на зверей и на птиц. [Питаются также птицами; здесь много озер, прудов, болот: равнина эта на север граничит с морем Океаном <...> Едят также рыб]. <...> Всякой дичины тут много; живут в местах диких и непроходимых <...> Есть такие места, где никакая лошадь не пройдет; эта страна, где много озер и ручейков; тут большой лед, трясины и грязь; лошади там не пройти. И эта дурная страна длится на тринадцать днищ, и каждый день есть стоянка <...> На каждой стоянке до сорока больших собак немного поменьше осла, и эти собаки возят гонцов от стоянки к стоянке, от одного днища до другого <...> Скажу вам, от великого здешинего холода их дома под землю; а иногода [люди] живут и над землею.

<...> На север от этого царства есть темная страна; тут всегда темно, нет ни солнца, ни луны, ни звезд; всегда тут темно, так же, как у нас в сумерки <...> У этих людей множество мехов и очень дорогих; есть у них соболя очень дорогие <...>, горностаи, белки, лисицы черные и много других мехов. Все они охотники, и просто удивительно, сколько мехов они набирают <...> Люди эти, скажу вам, рослые и статные; они белые, без всякого румянца».

А вот еще строки из книги Марко Поло:

«<...> Держатся они татарского закона, а закон этот дикий; но соблюдают они его точно также, как соблюдал Чингисхан\* и другие истые Татары <...> Живут они как звери. Царь их никому не подвластен, хотя он из роду Чингисхана, то есть из имперского и близкий родственник великого хана; у него нет ни городов, ни замков; живут они всегда по большим равнинам и долинам и в высоких горах (вариант: «в равнинах и лесах той страны, которых чрезвычайно много»). Питаются говядиной и молоком; хлеба у них нет никакого <...> Скотины у них много: верблюдов, коней, быков, овец и других животных <...>» (Алексеев, 1941).

Несколько строк, взятые из трех глав книги Марко Поло, могут рассказать о многом. Крайне отрицательный отзыв о «равнине Баргу» объясняет, почему монголы ни разу не решались завоевать Баргуджин-Токум в погоне за меркитами, а позже в лучшем случае вели меновую торговлю у ее границ. Безусловно, как полагал еще Палладий Кафаров,



«эта страна была при Байкале», который у монголов именовался *Далаем*, то есть «морем-океаном». Не случайно Марко Поло слышал от рассказчиков-монголов и такие отзывы о Баргуджин-Токуме: это настоящая дикая заснеженная пустыня, где почти нет людей: «*Нет там, знайте, ни мужчины, ни женщины, ни зверя, ни птицы*».

Еще более фантастические известия о северных странах мы встречаем у современников Марко Поло Плато-Карпини, Рубрука, Шильтбергера и других. Шильтбергер, к примеру, писал: в Сибири, севернее Монголии, «*живут дикие люди, не имеющие постоянных жилищ; тело же у них, за исключением рук и лица, покрыто волосами; подобно другим животным, они скитаются по горе, питаясь листьями и травой, и всем, чем придется*». При этом он дает уточнение, о ком говорит – это уйгуры в Татарии (Алексеев, 1941, с. 52-53).

Вернувшись к сочинению Марко Поло, отметим, что описанное им племя Меркиты есть меркиты уйгурского происхождения, нашедшие к тому времени себе убежище среди аборигенов – тунгусов природных таежных охотников, рыболовов и лесных собирателей. Адаптация к суровой природной среде заставила меркитов частично перенять образ жизни местных тунгусов, сохраняя при этом традиционное скотоводство. Что касается езды на собаках, то часть эвенков на севере Байкала использовала собачьи упряжки еще в XVII столетии, отмечены они и в XX веке, чему я сам был свидетелем. А на оленях там ездят и по сей день. Указание на чрезмерную стужу также соответствует действительности – здесь и сегодня находится забайкальский «полюс холода». И совершенно точен факт близкого расположения «страны Баргу» к Полярному кругу (Якутии) с его полугодовой ночью. Даже описанный облик жителей Баргуджин-Токума соответствует так называемому «байкальскому» антропологическому типу аборигенов северного края.

О сильных морозах в Баргуджин-Токуме писал и Рашид-ад-дин: «В стране Могулистан холод бывает чрезмерным, а особенно в той ее части, которую называют Баргуджин-Токум». Помимо него внимание автора привлекли рассказы о молниях: «[Там] непрерывно и последовательно падают молнии». Далее идет изложение интересных шаманских обрядов, связанных с почитанием молнии-дракона, которые сохранились у местных бурят до сих пор под названием «нэрьер дэгдэхэ» или «нэрьээр тайха» (Манжигеев, 1978). Там же, что удивительно, дается и стихотворное описание образа:

*Он похож на крокодила, когда в беге играет в небосводе.*

*Как будто подымается из моря его разгневанное темноцветное тело,*

*Зарычит он, словно дракон, когда разгневаётся на мир,  
Изрыгает огонь и дым из пасти и зубов своих...*

По утверждению Рашид-ад-дина, дракон-молния не мифическое животное. В стране Баргуджин-Токум «[будто бы] видят, своими глазами, как она падает с неба на землю, бьет по земле хвостом и извивается, а из его пасти извергается пламя».

Этот образ унесли с собою в Якутию и те народы, что были вытеснены из Забайкалья монгольскими войсками Чингисхана. В якутском эпосе «Нюруг боотур-стремительный» о нем говорится следующее:

*После праздника на девятый день,*

*Ветер западный налетел,*

*Внезапно снег повалил,*

*Белая закипела пурга,*

*Град загремел.*

*Из клубящихся облаков,*

*Из ледяной мути и мглы*

*Выдохнув из пасти огонь*

*Вылетел огненный змей.*

Много о драконе-молнии говорит и бурятский фольклор. Вот образ небесного божества Хятагая, «облюбовавшего» гору Мунку-Сардык в Восточных Саянах: «Стреляя небесной стрелой, спустился ты, одноглазый Один, однозубый Ошин». В улигерах бурят и олонхо якутов это чудовище населяло горы и слетало на землю вместе с громом и молнией, принося с собой каменные обвалы, снежные бураны и сильные ветры. «Хозяином Байкала является страшный восьминогий медный змей. Не менее омерзительна его дочь в образе птицы-змеи. Но наиболее распространен образ другого мифического владыки Байкала-дракона Лусуд-хана и его дочери – гигантской рыбы Мажин. Такие же персонажи есть и у якутов, когда они описывают свою покинутую прародину у берегов Байкала. Вспомним, что и урянхайцы Прибайкалья (в верховьях р.Лены сохранился топоним «Урянхайская степь») ситали себя «народом драконов» (Ахинжанов, 1989, с.146). Калмыцкие меркиты, бежавшие из Забайкалья, полагали, что они находятся под особым покровительством самого «Лу»-дракона, так как его спас и помог в постигшем его несчастье человеческий представитель меркитов (Авляев, 2002, с.106

Подобных примеров немало, но скажу еще об одном из них.

При описании Северного Моря (Байкала) китайские хронисты со слов очевидцев рубежа нашей эры размещают в этом районе загадочную страну *Неэр* (а страну диплинов называют *Даньэр*) – *родину чудовищных огненных драконов, хозяев сибирского водоема* (Каталог гор и морей, 1977). То, что страна эта действительно размещалась у

Байкала, подтверждает слово *нэрьеэр* в бурятском языке, означающее «удар молнии» (Манжигеев, 1979). Значит, данный феномен Байкала, известный над озером-морем и сегодня, имеет глубокие исторические корни и упоминался еще древними аборигенами края как природная достопримечательность.

Абсолютное большинство комментаторов полагают, что Марко Поло описал под «равниной Баргу» территорию вокруг озера Байкал, с центром в Баргузинской долине. И.Н. Березин видит ее территорию от Байкала и Селенги до Хинга-нского хребта, связывая, таким образом, баргутов Баргузина и кочевья их потомков в Маньчжурии (Березин, 1868.- с.85-86, 142). Г.В. Ксенофонтов возражает, не выходя за рамки Баргузинской долины: «слово Баргуджин мы признаем заимствованным из тунгусского наречия, в котором оно значит «та сторона» и «тот берег» (Ксенофонтов, 1937. – с.92). Г.Е. Грумм – Гржимайло считал, что названием Баргуджин-Токум обозначались Саяны и северные пределы Хангая (Грумм-Гржимайло, 1926. –с.415-416). Н.Н. Козьмин полагал, что это есть территория к востоку от Селенги (туда же входила область «Онан керуле» Рубрука)до Хинганского хребта (Богданов, 1926. – с. 23). Б.Б. Барадин видел под Баргуджин-Токумом лесные и горные районы Забайкалья (Барадин, 1927. –с.45). А.А. Семенов соглашался с Ксенофонтовым, ограничивая эту географическую область только бассейном реки Баргузин (Рашид-ад-дин, 1952. -с 74, прим.3). А.П. Окладников полагал, что Баргуджин-Токум – это Приангарье и Забайкалье вокруг озера Байкал (Окладников, 1937. – с.310). Близкую точку зрения высказывали Г.Н. Румянцев (Румянцев, 1953. – с. 49;1962. – с.140) и Н.П. Егунов (Егунов, 1984, с.240-241).

Наиболее плодотворно над определением границ страны Баргутии поработал Б.Р. Зориктуев, и его выводы можно считать наиболее приемлемыми и аргументированными.

Прежде всего он обратил внимание на сообщение Рашид-ад-дина о том, что племена булагачинов и кэрэмучинов, входивших в баргутский союз, проживали «у самого края страны киргизов и кэрэмучинов», а это, как твердо установлено, бассейн Верхней Ангары и Лены. Значит, они составляли западную окраину Баргуджин-Токума. По монгольским источникам, Баргуджин-Токум находился к северу от Селенги в Забайкалье, куда не раз бежали меркиты по долине р. Уды. Причем по «Сокровенному сказанию» это низовья Селенги, а по «Сборнику летописей» - непосредственно Баргузинская долина, где проживали баргуты (Зориктуев, 1990, с.48-49; 1993, с.178).

Суммируя собранный материал, можно сказать

следующее. В источниках XIII века под Баргуджин-Токумом обозначался достаточно обширный регион по обе стороны Байкала. В Предбайкалье он охватывал бассейн Верхней Ангары и Лены, в Забайкалье – Баргузинскую котловину, Еравну, Витим и низовья Селенги с Удой. Б.Р. Зориктуев предлагает видеть южной границей Баргутии территорию между современными Улан-Удэ и Кяхтой. Не исключено, что крайней восточной границей ее являлся Яблоневоый хребет и его отроги, выходящие в степные районы Приононья. Таким образом, это действительно была северная периферия монгольского кочевого мира, соответствуя высказыванию Рашид-ад-дина о том, что Баргуджин-Токум находился «на самом краю местностей и земель, которые населяли монголы». На этой периферии и обитали близкородственные соседи баргуты, хори и тулас, из их среды также вышли туматы. «Эти племена близки друг с другом. Их называют баргутами вследствие того, что их стойбища и жилища находятся <...> на самом краю местностей и земель, которые населяли монголы и которые называют Баргуджин-Токум» (Рашид-ад-дин, 1952, с.121-122).

Примерно в том же ключе мыслит и Т.М. Михайлов: «<...> упоминаемая в источниках страна Баргуджин-Токум считалась монголами Трехречья такой же родной и близкой, как и Приононье. Она занимала обширную территорию: северную половину всего Забайкалья, начиная с восточных берегов Байкала на западе и кончая долиной Шилки на востоке. Ее южные границы проходили по низовью Селенги, по землям современных Хоринского, Кижингинского и Еравнинского районов Бурятской АССР, по рр. Ингода и Шилке в Читинской области. Некоторые исследователи западные пределы Баргуджин-Токума располагают к западу от Байкала. По данным «Сокровенного сказания» и «Сборника летописей» Рашид-ад-дина, в Баргуджин-Токуме обитали баргуты, туласы, лесные урян-хаи и хори-туматы. Рашид-ад-дин включает сюда булагачинов и кэрэмучинов, которые, по-видимому, жили на западной стороне Байкала. Самыми крупными этническими единицами из них были баргуты и хори-туматы». (Михайлов, 1990, с. 50-51).

Вероятнее всего, в этих примерных границах и следует определять территорию древнего государства Баргутии, тогда как к югу от него располагались владения родственных по тюркскому происхождению меркитов. Эти два народа и определяют, в основном, средневековое время Забайкалья, считающееся до сих пор «белым пятном» в истории нашего края за неимением письменных источников. И если историю Меркитии по отрывочным сведениям более-менее

удалось воссоздать, то изучение Баргутии еще впереди.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

\*Существует мнение, что этноним *баргут* по-монгольски буквально означает «могучий, богатый народ», а *байырку* – это то же самое но на тюркских языках. Говорится также, что баргуты и соседствующие племена, объединившись, создали улус-государство *Баргуджин-Токум*, или *Баргутию*. Встречается утверждение и о том, что этноним *Баргудай* состоит из объединения 5 племен: *баргуджин*, *хул-баргуджин*, *хори*, *түхэлэс*, *бурят*. Кроме того, аймак Баргудай был одного происхождения с туматами. Будучи разгромленные Чингисханом, они подпали под власть Цинской империи (с 1207 года) и оказались частично переселенными насильно в Маньчжурию для занятия скотоводством, где и обрели аймак *Баргу* (см.: Ушницкий, 2009). И действительно, к началу XIII века забайкальские *баргу* оказались настолько «близки и соединены» с кунгиратами, элджигинами и курлаутами, что имели общую с ними тамгу и сохраняли фратриальные отношения (Рашид-ад-дин, 1952, с.117). Это явно свидетельствует о постепенной монголизации баргутов. Вероятно, процесс ассимиляции захватил и другие побежденные тюркоязычные племена.

\* Татары в средневековье называли тюрко-язычные племена Восточной Монголии и Забайкалья.

\* Это важное указание: значит, во времена Марко Поло в Центральной Азии существовало представление о том, что создатель Великой Монгольской империи Чингисхан все же относился к тюркам, а не к собственно монголам, что согласуется со многими другими источниками.

#### ИСТОЧНИКИ

Авляев Г.О. Происхождение калмыцкого народа. – Элиста, 2002.

Алексеев М.П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. – Иркутск, 1941.

Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. – Алма-Ата, 1989.

Барадин Б.Б. Бурят-монголы. – «Бурятведение». – Верхнеудинск, 1927. - №№ 3-4

Банзаров Д. Собрание сочинений. – М., 1955.

Березин И.Н. История монголов. СПб, 1868. – т I, ч.2

Богданов М.Н. Очерки истории бурят-монгольского народа. – Верхнеудинск, 1926.

Бурятские летописи. – Улан-Удэ, 1995.

Бутанаев В.Я. Исторические контакты хакасов с народами Южной Сибири и Средней Азии по данным этнонимике // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности. – М.-Л., 1935.

Балданжапов П.Б. /Altan Tob Монгольская летопись XVIII в. – Улан-Удэ, 1970.

Валиханов В.В. Собрание сочинений. – Алма-Ата, 1961. –т.I.

Востриков А.И., Поппе Н.Н. Летопись баргузинских бурят. – М. –Л., 1935.

Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. – Л., 1934.

Груим-Гржимайло Т.Е. Западная Монголия и Урян-хайский край. – Л., 1926. – т. II.

Георги И. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб, 1799. –т. II.

Герасимова К.М. Культ обо как дополнительный материал для изучения этнических процессов в Бурятии // Этнографический сборник. – Улан-Удэ, 1969. – Вып.5.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XII в. – М., 1960.

Дугаров Д.С. Лебедь в орнаменте женского костюма тюрко-монгольских народов. – «Советская этнография», 1983. - №5.

Дугаров Д.С. К проблеме происхождения хонгодоров // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1993.

Дугаров Д.С. Дааган Шарга («На соловом лончаке») – «Угай Зам». – Улан-Удэ, 2003. – Спецвыпуск №5.

Данзан Л. Алтан Табчи. – М., 1973.

Доржиев Д.-Н. Д. Язык старомонгольской письменности Бурятии. (Рукопись дисс., доктор филол. наук). – Улан-Удэ, 1995.

Дашибалов Б.Б. Курумчинская культура Байкальской Сибири и проблемы ее этнической интерпретации // Актуальные проблемы истории Бурятии. – Улан-Удэ, 1990.

Егунов Н.П. Прибайкалье в древности и проблема происхождения бурятского народа. – Улан-Удэ, 1984.

Жамцаранова Р.Г. Этнонимы и генонимы хори-бурят: лингво-историческое исследование – Чита, 2009.

Зориктуев Б.Р. Где располагался упоминаемый в письменных источниках Баргуджин-Токум // История Бурятии в вопросах и ответах. – Улан-Удэ, 1990.

Зориктуев Б.Р. Об этническом составе населения Западного Забайкалья и Предбайкалья во второй половине I – первой половине II тыс. н.э. // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1993.

Зориктуев Б.Р. Об этнических процессах в Прибайкалье во второй половине I тыс. н.э. // Этно-культурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. – Новосибирск, 1989.

Залкинд Е.М. Родовой состав баргузинских эвенков в XVIII в. // Записки БМ Ниияли. – Улан-Удэ, 1941.

Иванов М.С. Дойду иһүгэр киирдэххэ. (Размышления об истоках языка). – Якутск, 1988.

Каталог гор и морей («Шань Хай цзин»). – М., 1977.

Ксенофонтов Г.В. Ураангхай –сахалар. Очерки по древней истории якутов. – Иркутск, 1937.

Ксенофонтов Г.В. Эллеяда. Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. – Новосибирск, 1977.

Книга Марко Поло. – М., 1997.

Калмыцкие историко-литературные памятники. Элиста, 1969.

Коновалов П.Б. К истокам этнической истории тюрков и монголов // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1993.

Лопатин И.А. Дневник Витимской экспедиции // Записки ИРГО по общей географии. – Иркутск, 1895. – т. 27, №1.

Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. – Новосибирск, 1989.

Манжигеев И.А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. Опыт атеистической интерпретации. – М., 1978.

Мэн-гу-ю-му-цзи // Записки РГО по этнографии. – Спб, 1895. – т.24. (пер. с кит. П.С. Попова).

Михайлов Т.М. Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.). – Новосибирск, 1980.

Михайлов Т.М. Какова история Бурятии в период монгольского владычества (XII-XVI вв.)? // История Бурятии в вопросах и ответах. – Улан-Удэ, 1990.

Нимаев Д.Д. Об основных этапах формирования бурятской народности –«Цыбиковские чтения». – Улан-Удэ, 1989.

Нимаев Д.Д. Какова роль тунгусских племен в процессе сложения бурят? // История Бурятии в вопросах и ответах. – Улан-Удэ, 1990. Вып. I.

Никифоров В.М. Стадии этнических коллизий в олонхо:

формы фольклорной и книжной трансформации. – Новосибирск, 2002.

Нацов Г.Д. Материалы по истории и культуре бурят. – Улан-Удэ, 1995.

Нанзатов Б.З. К этногенезу бурят по материалам этнонимии // Народы и культуры Сибири. Взаимодействие как фактор формирования и модернизации. - Иркутск, 2003. Вып. 2.

Неупокоев В. Большой шаман-киндыгир (из преданий северо-байкальских эвенков) – «Жизнь Бурятии». – Верхнеудинск, 1926.

Окладников А.П. Очерки истории западных бурят-монголов. – Л., 1937.

Петров К.И. Очерки феодальных отношений у киргизов в XV-XVIII вв. - Фрунзе, 1961.

Румянцев Г.Н. Баргузинские летописи. – Улан-Удэ, 1958.

Румянцев Г.Н. Баргузинские летописи. – Улан-Удэ, 1956.

Румянцев Г.Н. Происхождение хоринских бурят. – Улан-Удэ, 1962.

Румянцев Г.Н. К вопросу происхождения бурят-монгольского народа // Записки БМ НИИК. – Улан-Удэ, 1953.- Вып. XVII.

Рашид-ад-дин. Сборник летописей. –М.-Л., 1952.

Сборник документов по истории Бурятии XVII в. - Улан-Удэ, 1960. Вып. I.

Санжеев Г.Д. Некоторые вопросы этнонимии и древней истории монгольских народов // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. - Улан-Удэ, 1983.

Санжеев Г.Д. Заметки по этнической истории бурят // Современность и традиционные культуры народов Бурятии. - Улан-Удэ, 1983.

Свинин В.В. Основные этапы древней истории населения побережья озера Байкал // Древняя история народов юго-восточной Сибири. – Иркутск, 1974. – Вып. 2.

Сокровенное сказание монголов / С.А. Козин. - Улан-Удэ, 1990.

Сахаров Н.Ц. Об инородцах, обитающих в Баргузинском округе Забайкальской области - «Иркутские губернские ведомости». – Иркутск, 1869. - №№ 30,33.

Тугодуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. – М., 1985.

Тиваненко А.В. Вокруг Байкала. – Улан-Удэ, 1979.

Тиваненко А.В. Древнее наскальное искусство Бурятии: новые памятники. – Новосибирск, 1990.

Тиваненко А.В. На стыке времен и народов // Баргузинская котловина (в прошлом, настоящем и будущем). - Улан-Удэ, 1993.

Тиваненко А.В. Поиски утраченного царства: гибель племени меркитов. –Чита, 2010.

Угрюмов Н. Баргузин – край, где мы живем... (Книга краеведческих очерков). – Баргузин, 1998.

Ушницкий В.В. Средневековые народы Центральной Азии. (Вопросы происхождения этнической истории тюрко-монгольских племен). – Казань, 2009.

Шубин А.С. Краткий очерк этнической истории эвенков Забайкалья. (XVII-XXвв.). - Улан-Удэ, 1973.

Цыбенков Б.Д. Происхождение дагуров // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов. – Элиста, 2008. – Вып. 2.

Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. – Улан-Удэ, 1972.

Хамзина Е.А. Археологические памятники Бурятии. – Новосибирск, 1982.

Хороших П.П. Тысячелетние памятники долины р.Баргузин // Труды БКНИИ. - Улан-Удэ, 1962. – Вып. 8: Материалы по истории и филологии Центральной Азии.

Этногенез народов Севера. – М., 1965.

Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь. – М., 1965.

Юмсунов В. Летопись хоринских бурят. – Вып. I.: Хроники Тугулдур Тобоева и Вандан Юмсунова. – М.-Л., 1935.

Евгений Голубев,

Кандидат филологических наук

## ВЕРХНЕУДИНСК ГЛАЗАМИ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

Участник автопробега «Пекин—Париж» журналист Луи Барзини в 1908 году опубликовал свои репортажи, в которых немалое место было отведено рассказу о нашем городе. Он верно характеризовал роль Верхнеудинска, назвав его «центром рассеянного бурятского народа». Одновременно Барзини отмечал, что Верхнеудинск является городом «белым, живым, живописным, с тем восточным обликом, который придают почти всем русским городам купола их многочисленных церквей и их заострённые колокольни, похожие на минареты». Любопытно свидетельство репортёра об обстановке в городе, царившей после подавления первой российской революции в 1907 г: «В городе солдаты с примкнутыми к ружьям штыками, солдаты в зале ожидания, в бюро, перед сейфом. Мне казалось, что я пишу свои телеграммы во внутреннем дворе тюрьмы...».

Небезынтересными для краеведов являются книги французского исследователя и путешественника Поля Лаббе («На дорогах России», «Русские на Дальнем Востоке», «К ламам Сибири», «Русская каторга»), побывавшего в Бурятии в 1902 году. Размышляя о будущем бурят, Лаббе полагает, что в недалёком будущем из скотоводов они превратятся в земледельцев, из кочевников - в оседлых, а новые железные дороги преобразуют этот дикий край, богатый многими металлами.

По свидетельству Лаббе, по реке Селенге заходят большие суда с китайскими товарами, а в городе бывает «очень оживлённый базар», особенно в дни большой зимней ярмарки. «На ярмарку съезжаются купцы - русские, буряты, китайцы и монголы, - писал учёный. - Товарообмен достигает 4 млн франков, хотя ярмарка носит местный характер. Большая часть товаров изготовлена на месте. Здесь много мехов и чая, а также тканей и китайского фарфора...».

Отзыв француза о нашем городе был не очень лестным: «Наконец в отдалении показался с господствующей над ним большой тюрьмой город Верхнеудинск с его красными и голубыми колокольнями, прелестный и кокетливый под обманчивыми лучами и в мираже заходящего солнца. Издали он выглядит по-настоящему большим, вблизи

это всего лишь большая деревня, похожая на все сибирские уездные центры, с широкими пыльными улицами, которые любая гроза превращает в рытвины, с деревянными домами, с тем грустным и монотонным видом, который свойствен большей части городов России».

Делясь своими впечатлениями на страницах «Азиатской России» (1905 г.), врач Сигизмунд Бродович в очерке «По Забайкалью» так пишет о Верхнеудинске: «Положение Верхнеудинска на главном пути от Амура к Иркутску и большая пристань на р. Селенге, по которой ходят суда от Кяхты до Байкала, делает его транзитным пунктом европейских и китайских товаров. Торговля его значительна, обороты ярмарки достигают 2-х миллионов рублей. Китайские товары не обложены пошлиной и потому весьма дешёвы. Самый лучший чёрный чай - не дороже 90 к. за фунт. Разница в цене на шелка ещё значительнее...».

Но после становления Советской власти интерес зарубежных исследователей к Забайкалью снова пробуждается. Для этого периода характерна работа английского журналиста Г.Д. Филиппса «В глубине Сибири. Монголы Байкала», изданная в Лондоне в 1942 году и представляющая обзор бурятской истории с древнейших времен до конца 30-х годов. Через год она была переиздана.

Автор подчёркивает особую роль Октябрьской революции и последующих преобразований в области культуры и экономики в советские годы, произошедших в жизни бурятского народа. Книга завершалась указанием на большое международное значение опыта Бурятской республики.

Отечественные и зарубежные путешественники и учёные издавна проявляли большой интерес к Бурятии, к нашему городу, стремясь познать историю и культуру жителей нашего края. Современное же бурятоведение во многих международных научных исследовательских центрах является составной частью монголоведной отрасли знаний, что подтверждается рядом исследований, которые проводятся в США, Германии, Франции, Японии и в других странах, а также частыми визитами иностранных учёных в наш город, в нашу республику.

## ПРИКЛЮЧЕНИЯ ВЕРХНЕУДИНСКОГО УЧИТЕЛЯ

Недавно в США отметила свой столетний юбилей старейшая русскоязычная газета «Новое русское слово», причем старейшая она не только для Америки, газета в принципе старейшая русскоязычная газета. Отмечали широко, на уровне ООН, репортаж о юбилее прошел по различным российским телеканалам. Однако ни в одном репортаже не вспомнили верхнеудинского педагога и журналиста Ивана Кузьмича Окунцова, который был основателем и первым редактором этой легендарной газеты.

Коренной забайкалец Иван Кузьмич родился в старинной казачьей семье 8 сентября 1874 года. Окончил Благовещенскую духовную семинарию и Казанскую духовную академию, и, хотя по окончании академии он пошел по светской стезе, тема православия отражалась в его статьях и книге.

В 1890 году И.К. Окунцов стал инспектором народных училищ в Благовещенске. Но молодому педагогу этого мало, и он становится заведующим музейного библиотекой. До сих пор местные историки отмечают, что «библиотечный фонд непрерывно рос, и новый заведующий прикладывал для этого немало усилий». В 1903 году Окунцова переводят в Верхнеудинск, где он становится инспектором народных училищ Верхнеудинского и Баргузинского округов.

Сегодня мы говорим о журналистской деятельности Ивана Кузьмича, но не вспомнить о его педагогической деятельности, особенно в этом году, никак нельзя. Многие школы, отметившие в последнее время свой столетний юбилей, обязаны своему основанию неутомимой энергии Окунцова. 1905 году именно он совместно с городскими властями стал инициатором открытия в Верхнеудинске первого среднего заведения – Реального училища. Особо Иван Кузьмич заботился об открытии бурятских школ. Выступая по этому поводу в Петербурге, он отмечал: «В одном 1904-1905 учебном году в одном только Верхнеудинском уезде от бурят было два приговора о преобразовании двух одноклассных школ в двухклассные и об открытии новой школы; возбуждается вопрос об открытии сельхозшколы; все волости, образовавшиеся из Хоринской и отчасти Селенгинской степных дум, принципиально решили открыть в каждой по одной школе».

Но революционный 1905 год и выход первой городской газеты «Верхнеудинский листок» раскрыли еще один талант Окунцова – журналистский. Хотя редактором и числился присяжный поверенный С.М. Сипайло, фактически руководил газетой имен-

но Окунцов. Активно помогали ему ссыльный народовец Л.Ф. Мирский и врач городской больницы И.А. Шинкман.

Газета, выходившая с 12 января 1906 года, была закрыта 28 января 1905 года, и не просто закрыта, номера «Верхнеудинского листка» повсеместно изымались и уничтожались, а Окунцов, Мирский и Шинкман были арестованы.

За что? За исполнение своих журналистских обязанностей. Достаточно увидеть последние номера «листка», чтобы понять – газета лишь по возможности старалась быть объективной и отражать реалии революционных событий в Забайкалье. Уже 26 февраля 1906 года Л.Ф. Мирский, И.К. Окунцов приговорены военным судом генерала П.К. Ренненкампа к смертной казни.

Присяжный поверенный П.Н. Переверзев, исследовавший действия в Забайкалье Ренненкампа, писал: «Следственный материал по этому делу представляет яркую коллекцию показаний, недопустимых по нашим законам на суде, показаний, даваемых на основании слухов, неизвестно, от кого исходящих, показаний, где свидетельство о фактах, не имеющих ровно никакого значения, растворяется в многоречивых заключениях о характере деятельности подсудимых, заключениях, даваемых экспертами от добровольного и официального сыска».

К счастью, в Верхнеудинске, кроме «добровольного и официального сыска», по словам писателя М.А. Кроля, «нашлись мужественные люди, которым удалось телеграфно сообщить об ожидаемой казни петербургскому союзу писателей». Кроль далее вспоминает: «Помню хорошо, какое потрясающее впечатление это известие произвело в петербургских писательских кругах, и не только писательских...». И союз писателей с беспримерной энергией выполнил свой долг. Были пущены в ход все связи, чуть ли не глубокой ночью удалось довести до сведения всемогущего тогда Витте о готовящейся казни трех человек за их писательскую деятельность в тот самый момент, когда в России после Манифеста 17 октября 1905 года существовала неограниченная свобода печати. И Витте немедленно распорядился приостановить приведение смертного приговора в исполнение. Но сам приговор мог быть отменен только Высочайшей властью. Витте обещал делегатам от союза писателей добиться во что бы то ни стало смягчения участи осужденных и особое Высочайшее повеление об отмене этого приговора

действительно состоялось, но лишь через несколько дней. Легко себе представить, с каким глубоким волнением мы, петербуржцы, ждали этого повеления. Тем временем Шинкман, Мирский и Окунцов томились в одном вагоне для смертников и ждали рокового момента казни, не понимая, почему каратели не приводят приговор в исполнение, ибо от них скрыли, что по распоряжению из Петербурга казнь приостановлена. Дни шли, страшные дни. Что они пережили в этот промежуток времени, невозможно передать.

Отправленный в бессрочную каторгу в Акатуй, Окунцов там не задержался. Уже 4 августа вместе с эсером Михаил Мельниковым, уроженцем Селенгинска, он совершил побег и через Благовещенск, где остались старые связи, через Японию, эмигрировал в Америку.

### Новая жизнь

С этого момента начинается новая страница в жизни Ивана Кузьмича. Мы ничего не знаем о первых месяцах жизни Окунцова в США, но уже в ноябре 1907 года он возглавил газету «Русский голос», выходящую еще с 1898 года. Через два года газета по безденежью перестала выходить. А в апреле 1910 года совместно с Михаилом Леонтьевичем Пасвольским, ставшим впоследствии его зятем, Окунцов начинает издавать газету «Русское слово», ставшую спустя некоторое время «Новым русским словом». Как вспоминает Окунцов, он был «един во многих лицах», совмещая должности редактора, разносчика газет, наборщика и уборщицы, сам составлял шрифты. Бывало, что Окунцов, сам набравший номера, помещал заголовки и номера в перевернутом виде, объясняя недовольным рекламодателям, что якобы такие объявления привлекают больше внимания.

В 1917 году Окунцов на волне интереса к русской революции вновь начинает издавать «русский голос» вполне левого направления, и та же волна вынесла его из Нью-Йорка в революционный Петроград. Об этом периоде жизни Окунцова мы знаем

мало, он пытался издавать в Москве газету «Трудовой путь», но был арестован, чудом избежал расстрела и рванул от греха подальше на родину, в Забайкалье.

Как тут не вспомнить еще об одном человеке, вернувшемся в революционные дни из Америки в Россию, а именно Володарском. В Америке бывший гимназист, выгнанный за «неблагодарность», работал портным и не имел никакого отношения к журналистике, и потому неудивительно, что именно он возглавил Комиссариат по делам печати. Возможно, в Америке он был читателем «Русского слова», но на новой должности он заявил: «Мы терпим буржуазную печать только потому, что еще не победили. Но когда мы в «Красной газете» напечатаем «Мы победили», то с этого момента, ни одна буржуазная газета не будет допущена». После подобных заявлений И.К. Окунцов должен был понять – ему в России от Володарского места не будет.

Окунцов оказался в родной Чите, выступая здесь с лекциями. Так, газета «Дальневосточная правда» от 24 сентября 1921 года сообщала: «Из Америки приехал И.К. Окунцов, он прочтет лекцию об организации образования в США». Вскоре и сам Иван Кузьмич возвращается в Штаты, совершив фактически кругосветное. И вновь возглавляет «Новое русское слово».

Как долго он редактировал газету, мы не знаем. Известно, что Окунцов сотрудничал с продюсерами Голливуда, писал сценарии, написал «Не убий» (подзаголовок «Роман наших дней»), изданный в Нью-Йорке в 1935 году, писал книгу «Русская эмиграция в Северной и Южной Америке», которая была издана лишь в 1967 году в Буэнос-Айресе. Но именно благодаря этой книге Иван Кузьмич считается первым летописцем русской эмиграции в Америке. Умер Иван Кузьмич Окунцов 19 апреля 1939 года и был похоронен на кладбище Ист Ридж Лаун в Нью-Джерси.

Остались школы в Бурятии и газета в Америке. И честное имя в российской истории. И биография, достойная приключенческого фильма.

**ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА «БУРЯТИКА» (КРАЕВЕДЕНИЕ)**

В рамках реализации распоряжения Президента Российской Федерации от 18 июня 2007 г. №326-рп Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина и Министерство культуры Республики Бурятия в октябре 2009 г. заключили Соглашение по созданию филиала Президентской библиотеки в Республике Бурятия.

Одна из основных задач Регионального центра доступа к информационным ресурсам Президентской библиотеки им. Б.Н. Ельцина Республики Бурятия на базе Национальной библиотеки РБ (Региональный центр Республики Бурятия) – формирование, постоянное пополнение и хранение информационного массива Президентской библиотеки, включая региональную составляющую по Республике Бурятия (электронный каталог и электронная библиотека «Бурятика»). В настоящее время рабочей группой введено около 14000 описаний полнотекстовых документов, произведено подключение полнотекстовых документов к библиотечным записям. Доступ к ЭБ «Бурятика», информационным ресурсам Президентской библиотеки им. Б.Н. Ельцина осуществляется в удаленном режиме (<http://www.nbrb.ru>) и в локальном – Региональном центре Республики Бурятия. По содержанию фонд ЭБ является универсальным и включает все виды документов. Хронологические рамки для документов, включаемых в ЭБ, не устанавливаются. В качестве приоритетного направления развития ЭБ выбрана тема «Республика Бурятия: история, Культура, вклад в мировую цивилизацию».

Сотрудниками НБ РБ проводится работа по выявлению электронных ресурсов фондохранилищ по профилю Регионального центра Республики Бурятия; определяются наиболее важные книжные и архивные фонды, подлежащих оцифровке. За три года отсканировано 240 тыс. страниц краеведческих документов.

Работы по оцифровке Национальной библиотекой РБ ведутся во взаимодействии с фондодержателями по следующим направлениям:

- «Тематические полнотекстовые базы данных».

17 названий, более 30 тыс. страниц. 2010 г. В рамках данного направления осуществлен проект «Электронная библиотека «Бурятика»: история бурятской книги» (совместно с Бюро ЮНЕСКО в Москве).

К 65-летию Победы в Великой Отечественной войне НБ РБ подготовила полнотекстовую справочно-библиографическую базу данных

«Великая Отечественная война на страницах печати Бурятии. 1945-1945», которая включает полные тексты документов (13 книг, около 3000 номеров республиканских газет, статей из журнала «Байкал»), фотографии и иллюстрации. БД снабжена системой ссылок на российские ресурсы по военной тематике. Структура электронной базы включает семь тематических разделов: «Бурятия на фронтах и в тылу», «Воины Бурятии», «Женщины Бурятии в годы войны», «Газеты «Бурят-Монгольская правда», «Буряад-Монголой Үнэн, 1941-1945», «Журнал Байкал о войне», «Библиография».

В 2010 г. региональным центром Республики Бурятия в рамках ФЦП «Культура России (2006-2011 годы)» осуществлен проект «Оцифровка краеведческих документов», в рамках которого оцифровано 271 документ или 40 тыс. стр. из фондов отдела редких и ценных книг НБ РБ. Среди Троицкосавско-Кяхтинского Отделения Приамурского Отдела Русского Географического общества (1898-1914).

- «Периодика Бурятии». Сейчас можно с уверенностью сказать, что полные комплекты краеведческих газет не имеют ни одна библиотека, музей, архив республики. НБ РБ создается «Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий Бурятии. 30-е годы XIX в. – 1940 г.» с указанием сиглов крупных фондохранилищ для координации оцифровки в этом направлении. Оцифрованы газета «Бурят-монгольская правда» (1923-1960), 9000 номеров, более 40 тыс. страниц; журнал «Байкал» (1949-2008), 284 номера, 44600 страниц; журналы «Бурятведение» (1925-1930 гг.), «Жизнь Бурятии» (1924-1931), «Просвещение Бурятии» (1929-1930), «Культура Бурятии». Идет оцифровка газеты «Буряад унэн» (1923-2000), журнала «Байгал» (1947-2010).

В рамках проекта «Периодика Бурятии» 21 Центральные межпоселенческие библиотеки приступили к инвентаризации и оцифровке районных газет для размещения в ЭБ «Бурятика». Принят следующий порядок оцифровки:

Инвентаризация. Результатом инвентаризации стал подробный список газет и журналов с указанием держателя (архив, редакция, библиотека и т.п.), года, номера, количества страниц, отсутствующих номеров и страниц.

Сканирование, распознавание (с использованием планшетных сканеров различного формата, программного обеспечения ABBY FineReader, Adobe Photoshop для обработки сканов).



Сохранение документов в файл формата PDF.

Формирование библиографических записей на оцифрованные документы, прикрепление полных текстов и размещение в ЭБ «Бурятика».

Структура имен файлов цифровой копии принята такой, что они выстраиваются в правильном хронологическом порядке следования номеров, приложений и страниц в комплекте газеты, номере журнала.

Газетные комплекты оцифровываются без разделения переплетов и не проходят предварительную реставрацию, поскольку это резко увеличило бы окончательную стоимость работ. В процессе библиографической подготовки определяются нарушения в порядке следования номеров и страниц в газетных комплектах, ошибки в датировке, нумерации и пагинации газет. Они исправляются в очевидных случаях, выявленные лакуны восполняются при наличии дублетных экземпляров в фондах других учреждений.

Сканирование производится постранично (одна страница – один файл). Документ выравнивается по тексту, а не по границам бумажного листа. Обязательным этапом является окончательный контроль изображений для выявления технических ошибок и сверка набора файлов с оригиналом. Все эти операции могут производиться параллельно. При записи на компакт-диски файлы организуются в годовые комплекты.

Оцифровка газет может и должна занять свое место как в процессах обеспечения сохранности газетных фондов, так и доступна к ним. В 2009-2010. По этому направлению оцифровано более 50 тыс. страниц. Так Кабанской ЦМБ отсканировано 6062 страниц газеты «Байкальские огни» за 1991-2008 гг.

- «Музыка Бурятии» - оцифровано 450 названий нот (14 тыс. листов) композиторов Бурятии.

- «Фотолетопись Бурятии» (совместно с музеями Республики Бурятия). Проект направлен на создание тематических коллекций фотографий. В настоящее время представлено 8 коллекций (284 документа).

Книги, периодические издания целиком сканируются согласно инструкции по оцифровке фонда документов и сохраняются в формате Pdf. Статьи небольшого объема из газет и журналов, сборников сохраняются в формате rtf. После сканирования документ подлежит каталогизации и систематизации в электронной базе данных ИРБИС 64. После обработки документ готов к включению в ЭБ «Бурятика».

Согласно ч. IV Гражданского кодекса РФ и в целях упорядочения предоставления услуг по копированию в соответствии с соблюдением норм авторского права, в НБ РБ заключено 78 договоров

с ведущими учеными и краеведами Бурятии о передаче неисключительных прав на использование произведения (перевод произведений в электронную, в т.ч. цифровую форму и включение их в ЭБ «Бурятика»).

В последние годы библиотеки республики активно формировали собственные электронные ресурсы (краеведческие библиографические и полнотекстовые базы данных), накоплен значительный объем электронной информации. Межпоселенческие центральные библиотеки имеют доступ в Интернет, пользуются электронной почтой, Web-сайты разработаны в 14 межпоселенческих центральных библиотеках (МЦБ). Начата работа по подключению к сети Интернет библиотек сельских поселений.

Библиотеками в электронном виде записаны история и современные хроники сел районов, накоплен и оцифрован обширный материал по истории и культуре родного края, который представлен на сайтах библиотек. Около 90 страниц сайта Прибайкальской ЦМБ знакомят с разделами «Библиотеки», «Прибайкалье», «История», «Природа», «Климат. Погода», «Экономика», «Особая экономическая зона», представлена в электронном формате газета «Прибайкалец». Электронная «Энциклопедия Прибайкалья» включает 8000 полнотекстовых документов по разделам: общие сведения о районе, природа, история, культура, рыболовство, курорты и источники, экология, туризм. Пользуется электронные фотолетописи районов: «Прибайкалье», (более 12 тыс. документов), «Традиционная культура семейских» (6724), «Селенгинский район» (6000), «Память Иволгинского района» (более 25 тыс. документов).

Библиотеки республики активно проводят работу по созданию электронных полнотекстовых краеведческих баз данных, набираются опыта, оттачивают технологические цепочки, более осмысленно подходят к отбору источников. На смену фрагментарным коллекциям со случайно подобранными источниками, приходят более фундаментальные собрания.

Баргузинский район: «Край соболиный у седого Байкала», «Баргузинская долина», «Богиня Янжима», газета «Баргузинская правда» (1380 номеров или 5520 стр.).

Баунтовский: «Эвенкийский национальный календарь» (334 БЗ, 35 стр.), «Эвенкийский экологический календарь», «Баунт – край таежный эвенкийский», «Баунт – благодатный северный край», «Североведы», «Гостеприимный Баунт», «Золотой таежный Баунт», «Эвенки на полях второй мировой» (43 БЗ, 58 стр.), «Эвентика», «Носители и хранители эвенкийской культуры».

Бичурский: «Казачество Забайкалья», летописи сел Бичурского района (4536 БЗ, 2722 стр.). Литературная карта Бичурского района, «Н.Д. Коробенкова, педагог, писатель, краевед», газета «Бичурский хлебороб».

Джидинский: «Джида моя родная», «Озеро Таглей», «Земля Джидинская», «АгроДжида», «Сартуул Гэгэтуйский дацан», газета «Джидинская новь».

Еравнинский: «Летописи сел Еравнинского района», «Еравна туристическая», «Литературная карта Еравны».

Заиграевский: «Заиграевский район», «Агван Доржиев», газета «Вперед».

Закаменский: Электронная библиотека «Закамна моя» (15 книг, 996 стр.), «Летописи сел Закаменского района», газета «Знамя труда».

Иволгинский: «Электронная память Иволгинского райрна» (250 статей), «Буддийский мир» (65 стр.), «Иволгинская долина – край замечательных людей», «Иволгинский район в Великой Отечественной войне», газета «Жизнь Иволги».

Кабанский: Информационный портал «Край Кабанский у Байкала», газета «Байкальские огни» (6062 стр., 1991-2008 гг.).

Кижингинский: Летопись сел Кижингинского района.

Курумканский: Летописи сел Курумканского района.

Кяхтинский: «Кяхта: история и культура», «Летописи сел Кяхтинского района».

Мухоршибирский: «Историко-культурное наследие Мухоршибири», «Природные достопримечательности края», Летопись села Мухоршибирь, Летопись Мухоршибирского района, «Мухоршибирь литературная», газета «Ленинский путь».

Окинский: Летописи сел Окинского района, газеты «Красные Саяны», «Саянская новь».

Прибайкальский: Электронная энциклопедия «Прибайкалье» (8000 документов), «Прибайкалье в Великой Отечественной войне», газета «Прибайкалец» (4010 стр.).

Селенгинский: «Селенга спортивная», «Гамчинский дацан», «Мастера Селенги», «Селенга – история и современность», «Инфраструктура Селенгинского района», Официальные документы Селенгинского района, газета «Селенга».

Тарбагатайский: «Семейский костюм» (44 стр., 89 БЗ), «Фольклор семейских Тарбагатайского

района» (89 стр., 57 БЗ), «История, традиционная культура семейских Тарбагатайского района» (53 стр., 475 БЗ, фото 1205), газета «Заря коммунизма» (1969-1979 гг. 5534 стр., 1445 номеров).

Тункинский: «Хондогоры», Летописи сел Тункинского района.

Хоринский: «Хори-буряты», Летописи сел Хоринского района, газета «Удинская новь».

Расширяется издательская деятельность библиотек республики. К 75-летию Бичурского района центральной библиотекой проведена работа по подготовке материалов и выпуску книг «Путеводитель по Бичуре», «Топонимика Бичурского района», альманаха стихов местных поэтов «Слово о Бичуре», библиографических указателей «И.Ф. Истомин – летописец земли Еланской», «Н.Д. Коробенкова – педагог, писатель, краевед». К 70-летию МО «Прибайкальский район» центральная библиотека приняла участие в издании сборника «Край отцовский, таежный, былинный», выпустила брошюры А.З. Козина «Троицкий монастырь», «Очей очарованье. Памятники природы Прибайкалья», СД «Байкал», «Миры» на Байкале», «Прибайкалье в годы Великой Отечественной войны», «Карта местных ценностей».

В 2009 г. ЦМБ Бичурского, Иволгинского, Кабанского районов стали победителями первого грантового конкурса программы «Малая Родина» в номинации «Поддержка образования, культуры и искусств», объявленного благотворительным Фондом «Эра». В 2010 г. Были осуществлены проекты: Местной общественной организации «Дельга» Кабанского района – «Этнокультурная экспедиция «Наш общий дом Байкальская земля»; создание «говорящей книги» для слепых «Край

Бичурский, родины моей начало», в которую вошли 30 произведений знаменитых поэтов земли бичурской, таких как Дондок Улзытуев, Михаил Шиханов, Ефим Дульский, Надежды Шодоевой, Романа Рябова, Галины Афанасьевой.

Электронные ресурсы библиотек Республики Бурятия составляют важную часть информационного пространства Байкальского региона и России в целом. Во главу угла мы должны ставить стратегические приоритеты: сохранение информации, доступность информация в целях развития, информационная этика.

## НОВЫЕ КНИГИ ПО КРАЕВЕДЕНИЮ

**Православие: миссионерство и дипломатия в Сибири. Материалы Всероссийской научно-практической конференции 14-15 января 2010г. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2010 – 524с.**

Ведущий вектор материалов конференции был определен перспективными задачами высшей школы, направленными на преподавание основ религиозной культуры в системе школьного воспитания и обучения, основ православной культуры – в учебных заведениях. Сборник содержит доклады общетеоретического и методологического характера, в которых анализируются традиции православия в регионе и взаимодействия с государственными и общественными институтами. Отдельным приложением представлены сообщения студентов, магистрантов и аспирантов вузов страны. Представляет интерес для специалистов по истории и культуре православия, а также для широкого круга читателей, студентов, аспирантов вузов и ССУЗов.

**Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы международной научной конференции. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2010 – 358с.**

В сборник включены доклады участников международной научной конференции «Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири», посвященные актуальным проблемам древней и средневековой археологии и палеоантропологии Центральной Азии, Забайкалья и Прибайкалья. Книга адресована археологам, историкам и краеведам, интересующимся проблемами древней истории Центральной

Азии, Байкальского региона и Южной Сибири.

**Посольский Спасо-Преображенский монастырь в истории и культуре края. Материалы научно-практической конференции «Посольский Спасо-Преображенский монастырь в истории и культуре края», посвященный к 230-летию окончания строительства Спасо-Преображенского собора. – Кабанск, 2009 – 73с.**

**Спафарий Николай. Путешествие через Сибирь до границ Китая. (Репринтное издание «Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году»). – Чита: «Экспресс – издательство», 2009 – 180с.**

**Очерки истории Забайкальского края. Т.1 – 2. – Чита: «Экспресс – издательство», 2010 – 440с.**

В коллективном труде забайкальских ученых отражена история Восточного Забайкалья с 1917г. до начала XXI столетия. Рассмотрены многообразные и сложные процессы, тенденции и закономерности разных этапов его развития, в том числе в условиях современных социально-экономических реформ и преобразований. Очерки адресованы широкому кругу читателей, интересующихся прошлым и настоящим Забайкальского края.

**Тиваненко А.В. История Английской духовной миссии в Забайкалье (начало XIX столетия). – Улан-Удэ, 2009 – 251с.**

Современная Христианская церковь в республике Бурятия возникла не на пустом месте. Около 200 лет назад на служение к степным бурятам-кочевникам прибыла Английская духовная

миссия Лондонского протестантского миссионерского общества, и получившая личную поддержку Российского императора Александра I. Эдвард Сталибрас, Вильям Сван, Роберт Юилль и их семьи в совершенстве познали бурят-монгольский язык, написали первые грамматики и словари, перевели и напечатали книги Ветхого Завета, создали на родном языке бурят учебники и обучали по ним ребятишек, помогли российским ориенталистам создать научную школу отечественного востоковедения и монголоведения. Однако через 22 года активной деятельности Правительство Николая I прекратило работу миссии. Почему? На этот вопрос дает ответ предлагаемая широкому кругу читателей книга известного в Бурятии краеведа и ученого, кандидата исторических наук Алексея Васильевича Тиваненко.

**Тиваненко А.В. «Тайны Байкальских глубин». – Чита: «Экспресс-издательство», 2009 – 204с.**

Участник глубоководной экспедиции «Миры» на Байкале», гидронавт-исследователь А.В.Тиваненко делится своими впечатлениями о поисках исторических артефактов на дне сибирского озера-моря, о наблюдениях за животным и растительным мирами водной бездны, о геологических особенностях Байкальской котловины. Иллюстрированный материал представлен фондом содействия сохранению озера Байкал: это редчайшие и уникальные фотографии, снятые бортовыми телекамерами глубоководных обитаемых аппаратов «Мир-1» и «Мир-2».

**Тиваненко А.В. Отшельники Хамар-Дабана, или История тайной секты ионитов. – Чита: «Экспресс-издательство», 2010**

– 172с.

В предлагаемой книге рассказ о том, как в 1919 году большая группа жителей Восточного Забайкалья, пострадавшая от революционных событий и власти атамана Семенова, уехала к берегам Байкала и в глухих дебрях хребта Хамар-Дабан образовала общину крестьян-богомольцев, не желая общаться с внешним миром. Однако отшельническая жизнь наложила отпечаток на их сознание, а суровая природная среда быстро превратила тайную общину в деревеньку нищих и обездоленных людей. Довершили дело органы ОГПУ-НКВД, долго наблюдавших через внедренных осведомителей о жизни и антисоветских настроениях «сектантов» - последователей религиозного учения протоирея Иоанна Кронштадтского, с которым некоторые были знакомы и поддерживали связь. В конечном итоге к середине XX столетия власти разогнали свободолюбивых людей, но один из них, Дима-Чертогон, продолжал жить в далекой глуши в полном одиночестве еще много лет, пока, обессиленный, не погиб в тайге. Автор использует рассказы очевидцев, документы архива КГБ Бурятской АССР, а также воспоминания последних членов общины таежных отшельников, которых он сумел найти незадолго до их ухода из жизни. Кроме того, автор сам совершил два похода в горные дебри Хамар-Дабана, исследуя развалины скита ионитов.

**Тиваненко А.В. Поиски утраченного царства: гибель племени меркитов. – Чита: «Экспресс-издательство», 2010 – 312с.**

Предлагаемая читателям книга научно-популярного характера рассказывает о существовании в Забайкалье племенного объединения (государства) меркитов, ко-

торое в XI – XIII веках отчаянно боролось за свою независимую роль в Центральной Азии, пока не было уничтожено монгольскими войсками Чингисхана. Автор исследует происхождение и родоплеменной состав исчезнувшего народа, дает представление о географическом районе их кочевий, хозяйственном укладе жизни и верованиях. Большой интерес представляет попытка связать ряд археологических памятников Забайкалья XI-XIII веков с этнической историей меркитов и найти следы их потомков среди современных бурят, якутов, монголов. Калмыков, алтайских и других народов Евразии.

**Лепинских Г.М. «Снежный человек». – Улан-Удэ, 2010 – 100с.**

Многие тысячелетия человек живет на Земле, а знания о родной планете недостаточно полны. При современном технологическом прогрессе наука пока не дает ответы на некоторые актуальные вопросы. Не изучены впадины мировых океанов, нет четкого представления о «летающих тарелках». Человечество не определило свое отношение к парниковому эффекту, как и к загадочным гуманоидам, до сих пор волнующих умы многих ученых. В новой повести автор отразил свои представления о снежном человеке, описывая возможную встречу с ним.

**«Байкал: природа и люди. Энциклопедический справочник» - Улан-Удэ: Издательский дом «ЭКОС» - 2009 – 606с.**

Большим авторским коллективом впервые собрана информация об истории изучения озера Байкал, его природном комплексе и проблемам устойчивого развития. Основное

внимание уделено Центральной экологической зоне Байкальской природной территории. Книга предназначена как для специалистов, аспирантов, студентов, так и для всех интересующихся природой и экономикой Байкальского региона.

**Карнышев А.Д. Байкал таинственный, многоликий и разноязыкий. - Иркутск: Издательство БГУЭП, 2010.. - 552с.**

«Самая загадочная книга о Байкале» - такую номинацию получила работа нашего земляка, занесенная в Книгу рекордов Иркутской области. Это рассказ уроженца с.Оймур Кабанского района об озере-море Сибири, его уникальной природе, истории и людях. Как доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и экономической психологии Байкальского государственного университета экономики и права, он сумел рассмотреть известные сведения о Байкале через призму его психологического воздействия на человека.

**Слово о Байкале: мифы, предания, легенды, сказки, сказы и сказания, наставления. (сост. С.Н. Асламова). - Иркутск: «Сибирячок», 2004. - 224с.**

Хотя эта книга издана шесть лет тому назад, но она почти неизвестна забайкальскому читателю. Вспомнить ее стоит потому, что книга вобрала в себя фольклорное и литературное наследие народов, живущих на берегах Байкала — бурят, якутов, эвенков, русских. Составитель проекта поставил целью отобрать из неисчерпаемого наследия сибиряков лучшие образцы фольклорных и литературных текстов о Байкале.

Байкал в цифрах: краткий справочник. (Автор-составитель А.А. Бухаров). - Иркутск, Издательство «Макаров С.Е.», 2001.-72с.

прежнему ценное справочное ориентироваться в собранном издание по различным поколениями исследователей проблемам оз.Байкал. Книга научном материале, как это наиболее полно характеризует сделал академик Г.И. Галазий в большинстве установленных своей книге «Байкал в вопросах и наукой процессов и явлений. Она ответах».

Это также давнее, но по позволяет оперативно

## СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Тиваненко Алексей Васильевич — кандидат исторических наук, докторант, старший научный сотрудник Бурятского научного центра СО РАН, археолог, историк, гидронавт-исследователь Байкала. Автор 56 книг и более 5000 статей по вопросам краеведения. В прошлом - директор Национального архива Бурятии и зам. председателя республиканского общества памятников истории и культуры.

Цыбенков Базыр Догшонович — кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института Монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Махачкеев Александр Виссарионович — краевед, заместитель редактора газеты «Информполис».

Колмынин Виктор Иванович — Епископ Ассоциации Христианских Церквей «Союз Христиан» по Республике Бурятия, член Совета по взаимодействию с религиозными организациями при Президенте Республики Бурятия.

Харитонов Виктор Александрович — краевед, редактор страницы «Верхнеудинский листок» в газете «Новая Бурятия».

Голубев Евгений Александрович — кандидат филологических наук, доцент Восточно-Сибирского государственного технологического университета, почетный председатель Бурятского республиканского общества краеведов.

Паршин Василий Васильевич — краевед XIX столетия, 5 лет преподавал в Нерчинском уездном училище. Автор рода заметок по Забайкальскому краю, в том числе книги «Поездка в Забайкальский край» (М., 1844 г.)

Спафарий (Милеску) Николай Гаврилович (1636-1708 гг.) выходец из Молдавии, дипломат и ученый, с 1671 г. находившийся на русской службе сначала в качестве переводчика Посольского приказа. В 1675-1678 гг. в ранге посланника возглавлял Русское посольство в Пекин, имевшего целью установление дипломатических и торговых отношений с Китаем. Автор книги «Книга, а ней писано путешествие царства Сибирского от города Тобольска и до самого рубежа государства Китайского, лета 7183 месяца мая в 3-й день», больше известной по последующим переизданиям как «Путешествие Милеску Спафарий.» - М., 1980.

Браун Джон Крамбл — агент Лондонского миссионерского общества в России, пастор Британской и Американской конгрегационных церквей в Санкт-Петербурге. Автор книги «Первые плоды миссии в Сибири миссионеров Юиль, Сталибрас и Сван — агентов Лондонского общества» (Кейптаун, 1847 г.).

Дарьенко Людмила Николаевна заведующая сектором оцифровки Регионального центра доступа к информационным ресурсам Президентской библиотеки им.Б.Н.Ельцина Республики Бурятия.

## Список иллюстраций

К статье Тиваненко А. «У истоков познания «Даурской земли»

1. Карта Забайкальского края
2. Чертеж земли Нерчинского города
3. Орографическая карта
4. Рисунок Г. Москалева «Навеки вместе!»

К статье Цыбенкова Б. «Дауры»

1. Женщины – даурки в национальном платье (Баян-Тала)
2. Мужчины-дауры в традиционной одежде (Баян-Тала)
- 3-4. Старинные жилища дауров с печами-канами.

К разделу «По страницам старинных изданий»

1. Портрет Н.Г. Спафария
2. Вклейка цветных фотографий о Байкале.
3. Комплект старинных рисунков и фото о жизни

бурят

4. Старинные рисунки переезда через зимний Байкал

К статье Махачкеева А.

1. Подарок Итигэлова Николаю II
2. Фото мумии Итигэлова в Иволгинском дацане

К статье Тиваненко А. «Древняя земля Баргуджин-Токум»

1. Схематическая карта Баргуджин-Токума
2. Вклейка цветных фотографий по Баргузинскому району

К статье Голубева Е. «Верхнеудинск глазами путешественников»

1. Комплект черно-белых фотографий Н.Н. Бурлакова о старом Верхнеудинске.